

Неизвестный марксизм

Теоретический журнал

**№2(3)
2011**

УДК 3-32.019.5
ББК 87.3(0)

Журнал «Неизвестный марксизм» – это издание не только марксистов и о марксизме, но, прежде всего, о тех проблемах, которые данное социальное учение стремится теоретически и практически разрешить. Предметом публикуемых материалов является история, философия, экономика, политика, культура в аспекте марксистской интерпретации или ее обоснованной критики. Поэтому страницы журнала открыты любым исследователям, признающим обозначенный публикаторский формат, однако предпочтение отдается тем авторам, которые открывают читателям новые грани марксистского взгляда на мир. Кроме того, наш журнал сдвоенный – в нем на правах раздела воссоздается оригинальный теоретический журнал «Вопросы марксистской философии», главным редактором которого долгие годы являлся покойный Иван Иванович Макаров, философ, пламенный пропагандист и сердечный человек.

Особо подчеркиваем, что наш журнал теоретический.

Редакционный совет: В. Славин, С. Светов, К. Северный, Г. Касьянов

Адрес редакции: svetsveto@yandex.ru

Электронная версия: <http://marxist.su/lib/>

Рукописи принимаются только в электронном виде, печатаются в авторской редакции с незначительной корректурой.

Перепечатка материалов издания без письменного разрешения редакции *допускается и приветствуется.*

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	4
ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ	
<i>Ю. Симонов. Эвристическая ценность идеи К. Маркса об «азиатском способе производства» для изучения России и СССР</i>	5
АУТЕНТИЧНЫЙ МАРКСИЗМ	
<i>Progressor. Глобализация и местный коммунизм</i>	10
ПОЛИТИКА	
<i>А. Бобраков. Поход за истиной. Три этапа и три составных элемента контрреволюции в СССР</i>	41
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Л. Павлов. Социал</i>	56
ВОПРОСЫ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ	85

К ЧИТАТЕЛЮ

Название «Неизвестный марксизм» не случайно.

Во-первых, не смотря на десятилетия существования во многих странах мира марксистско-ленинских режимов, граждане этих стран и других уголков планеты, в большинстве своем, имеют весьма смутные представления о Карле Марксе и его социальном учении.

Во-вторых, в умах многих левых, называющих себя марксистами, продолжают господствовать не соответствующие первоисточнику воззрения, но ему приписываемые.

В-третьих, до сих пор остаются не востребованными труды оригинальных отечественных и зарубежных мыслителей марксистского толка, не пробившиеся к читателям по политическим, финансовым или организационным причинам нашего буржуазно-демократического бытия.

Учитывая вышесказанное, редакция журнала постарается на его страницах совместить просветительский дух и критический поиск истины. Именно истина, а не марксизм является нашей священной коровой. Марксизм же – это только орудие постижения и осуществления истины в области общественной жизни и на сегодняшний день пока самое эффективное.

Марксистская ориентация журнала не будет препятствием и для публикации различных альтернативных материалов, при условии их высокого научного и литературного качества, ибо критический анализ мира невозможен без полемики и сопоставления точек зрения.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ИДЕИ К. МАРКСА ОБ «АЗИАТСКОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА» ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РОССИИ И СССР

Ю. Симонов

Данная статья посвящена изучению проблемы, бывшей неоднократно предметом острых дискуссий в среде исследователей обществоведов.

Концепция «азиатского способа производства» (АСП) К. Маркса стала одной из наиболее дискутируемых в СССР в период 1927-1931 гг. Затем на протяжении длительного периода, по крайней мере, до 1963 года, об этой концепции и связанной с ней проблематике в СССР не упоминалось. Очевидно, это было вызвано утвердившейся в официальном советском обществоведении неизвестной «пятичленной» схемой социально-экономических формаций, авторство которой принадлежит академику В.В. Струве, и которая в завершенном виде получила одобрение И. В. Сталина. В 1963 году дискуссии вокруг данной концепции на короткий период возобновились. Начиная с 1966 года, данная тема вновь оказалась закрытой для дискуссий. Ряд публикаций, появившихся в СССР в период 1966-1973 гг., имел своей целью развенчание концепции «азиатского способа производства» как несоответствующей историческим реалиям и несовместимой с марксизмом.

Идея об «азиатском способе производства» впервые была высказана К. Марксом в 1853 году в работе «Британское владычество в Индии», в которой он сделал первую попытку осмыслить историю Индии, бывшей когда-то великой цивилизацией, но ставшей к середине XIX века жертвой колониальных популяризаторов Великобритании. Затем в ряде статей и работ по истории он вместе с Ф. Энгельсом неоднократно возвращался к данной идее, в том числе и в плане осмысления российских социально-экономических реалий второй половины XIX века. Концепция «азиатского способа производства» возникла у К. Маркса не только под воздействием концепции Г. Гегеля, но и после всестороннего изучения трудов исследователей – этнографов конца XVIII – начала XIX веков Ф. Бернье, И. Гердера и Л.- Г. Моргана.

Стержнем рассматриваемой концепции является взгляд на историю некоторых стран Азии, Европы и Америки как на поступательное движение народов этих стран в рамках социально-экономических структур, главные особенности которых заключались:

- в наличии **архаичной аграрной общины** как формы коллективной собственности на землю при сохранении и дальнейшей эволюции элементов

архаичных способов производства в данных обществах на протяжении длительных исторических периодов в конкретных географических и природных условиях и при специфических формах разделения труда;

- в **особых формах** классогенеза, собственности и образования государства, а также экспроприации прибавочного и необходимого продукта у непосредственных производителей государством и правящей верхушкой во главе с «деспотом» (Верховным Жрецом, Государем, Великим Вождем, Руководителем и т.д.);

- в **многоукладности** таких социально-экономических структур при господстве, однако, одного из укладов, который многие исследователи называют «азиатским»;

- в особых формах взаимосвязи и взаимодействия между надстройкой и базисом;

- в наличии **особых видов государственной собственности**, охватывающих землю, как средство производства, и другие средства производства, что позволяло осуществлять тотальный контроль над всеми видами экономической и духовной жизни;

- в **подчиненной роли частной собственности** или даже почти в полном отсутствии таковой в определенные периоды истории классово-антагонистических обществ подобного типа;

- в особых формах взаимоотношений «господства-подчинения» между государством и крестьянскими общинами как двумя основными антагонистическими структурами в указанных обществах на протяжении длительных исторических эпох;

- в подчиненной государству роли городов в рамках таких обществ;

- в наличии специфических форм внеэкономического принуждения к труду и эксплуатации труда как фактора производства;

- в специфически «азиатском» **характере отношения «власть-собственность»** в указанных обществах.

Понятие «азиатского способа производства» в качестве основополагающего базисного элемента восточных обществ и «азиатского деспотизма» как его отражения в их надстройке было включено К. Марксом затем в его систему «общественно-экономических формаций», историческую динамику которых он раскрывал в ряде своих работ на примере стран Европы, Азии и Латинской Америки в периоды 1853-1854, 1857-59, 1861-63, 1876-77, 1881 – 82 гг., и затем Ф.Энгельс в 1884 году¹. Концепция «азиатского способа производства» упоми-

¹ Маркс К., Энгельс Ф.. Собр. Соч., II изд., Т. 9. С. 134-139, 222; Т. 10. С. 432-433; Т. 28. С. 205; Т. 46, ч. 1, С. 43, 462-472; Т. 13. С. 7, Т. 26, ч. I, С. 291; Т. 26, ч. III. С. 432, 559; Т. 20, С. 645; Т. 19, С. 496-497; Т. 36, С. 97; Т. 25, ч. I, С. 363, 365-367; Т. 25, ч. II, С. 353-354.

налась и в изданном в 1894 году третьем томе «Капитала» уже после смерти К. Маркса.

Как К. Маркс, так и Ф. Энгельс отмечали в ряде статей, что данная концепция являлась гипотезой, не более того. Основная часть их исследовательского творчества была посвящена совершенно другой проблематике – эволюции и судьбам западного капитализма. Однако высказанная К. Марксом мысль о существовании и исторической эволюции структур, в корне отличных от западных, не осталась только сиюминутным изыском интеллектуальной деятельности этих выдающихся исследователей и революционеров XIX века. Данная концепция стала в дальнейшем предметом многочисленных споров среди историков, экономистов и общественных деятелей различных стран. В XX веке эти дискуссии получили новый импульс, который был вызван событиями первой половины века в Китае, Индии и др. колониальных и зависимых стран Азии, Африки и Европы. Не в последнюю очередь эти дискуссии были вызваны так же и событиями в России.

В советском обществоведении на многие годы утвердилась концепция пяти общественно-экономических формаций, как якобы разработанная К. Марксом, и признававшаяся верной для всех времен и народов.

В СССР дискуссии возобновились в начале 60-ых годов после XX съезда КПСС. Видимо, интерес к данной теме вновь проявился в связи с наступившей кратковременной идеологической «оттепелью», обострением советско-китайских отношений в начале 60-х годов и началом «культурной революции» в Китае в 1966 году. Однако вскоре они опять оказались прерванными по причине усиления консервативных тенденций в идеологической сфере того периода, что нашло свое отражение в опубликованных тогда работах, например, в книге Ю. Кочановского². Е.С. Варга, в то время ставший наиболее уважаемым авторитетом советской экономической науки, и занимавший «солидное» положение академика Академии Наук СССР, вновь, после долгого молчания, вернулся к данной проблематике. В одной из своих последних работ он напомнил о старых дискуссиях 1930-х гг., о тезисе К. Маркса об «азиатском способе производства», и призвал к пересмотру официальных советских концепций³.

Как соотносится гипотеза Маркса об АСП с историей России и СССР?

Концепция, предлагаемая автором данной статьи, заключается в том, что Россия и бывший СССР представляют собой **классово-антагонистическое общество особого рода**, возникшее в определенных природно-климатических условиях, и типологически близкое традиционным обществам и странам, кото-

² Кочановский Ю. Рабовладение, феодализм, или азиатский способ производства. М., 1971.

³ Варга Е.С. Очерки по проблемам политэкономии капитализма. М., 1965.

рые К. Маркс называл обществами «азиатского способа производства», но в рамках Марксовой «вторичной (экономической) формации». При этом российский социум, будучи многоукладным, включал, по крайней мере, с XVIII века, в свои социально-экономические структуры ряд частнокапиталистических элементов, которые, однако, в целом не являлись и не являются определяющими в его эволюции. Такое общество и государство называются, согласно авторской концепции, **этакратическими обществами**, а их экономический базис – «этациалом». Согласно данной концепции, советское общество называется «индустриальной этакратической деспотией». Этакратические общества, берущие свое начало в синтезе очень архаичных социальных структур (крестьянская община и деспотическое государство), эволюционируют на протяжении тысячелетий как общества, параллельные западным («капиталистическая мир-система» и «мир-экономика»), и существуют в глобальной «мир-системе» и «мир экономике» в диалектическом единстве с его остальной частью.

Наиболее характерной чертой таких обществ является *особая роль государственной надстройки*, игравшая на протяжении веков решающую роль в их модернизации под влиянием внутренних природных и внешних (экзогенных) факторов (воздействие более передовых цивилизаций). Классовые структуры таких обществ так же эволюционируют специфическим образом, образуя в специфических условиях разделения труда особые служилые правящие слои – классы управленцев-распорядителей, типологически напоминавшие средневековые правящие сословия, чья основная общественная функция заключается в распоряжении и управлении общественным производством и распределением, но не в частной собственности на средства производства. По сути, их монопольное положение во властных структурах (надстройке) определяет и их господствующее положение в социуме. Все остальные общественные слои (классы) в рассматриваемых обществах занимают подчиненное положение. Подобные общества уже в XX веке некоторые исследователи называли странами «догоняющего развития», или «странами второго эшелона», а их господствующие классы – либо правящей бюрократией, либо «номенклатурой» и т.д. (Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М, 1991). Некоторые исследователи рассматривают Россию (СССР) как «полу периферийное государство в капиталистической мир – экономике».

На основе имеющихся фактов экономической и социальной истории России можно утверждать, что до 1917 года элементы капиталистического способа производства в экономическом базисе Царской Империи были представлены «анклавными» островами в океане архаичной сельской экономики, чьей основой было общинное крестьянство. На протяжении веков «казенный» (государственный) сектор российской промышленности был определяющим элементом

в модернизации общества и экономики страны, несмотря на наличие частнокапиталистической промышленности, представленной в основном иностранным капиталом (конец XIX-начало XX века). Частный капитал оказался не в состоянии осуществить модернизацию, в которой российский социум столь сильно нуждался в конце XIX-начале XX века. В результате известных событий 1917 года уже советское государство сыграло в дальнейшем роль абсолютного создателя условий для развития производительных сил общества.

В настоящее время российское государство возвращает себе многие функции в общественном производстве, сферах собственности и распределения, утраченные или переданные им в период 1990-х годов частному капиталу, по сути созданному самим государством.

В целом рассматриваемая проблематика представляет собой сложный комплекс проблем и вопросов, которые ждут своего решения и ответа. Концепция, изложенная выше, является гипотезой и приглашением к дальнейшему открытому обсуждению.

АУТЕНТИЧНЫЙ МАРКСИЗМ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МЕСТНЫЙ КОММУНИЗМ (ПИСЬМО К ДРУГУ)

Progressor

Уважаемый В.В.!

То, что классики в «Немецкой идеологии» НЕ ошибались, видно сегодня, что называется, воочию. Глобализация, которая у них в этом тексте фигурирует (nur mit dieser universellen Entwicklung der Produktivkräfte ein universeller Verkehr der Menschen gesetzt ist), наступила-таки! И воздействует она именно так, как они и описали.

Вчитаемся в текст:

«... ist diese Entwicklung der Produktivkräfte (womit zugleich schon die in weltgeschichtlichem, statt der in lokalem Dasein der Menschen vorhandne empirische Existenz gegeben ist) auch deswegen eine absolut notwendige praktische Voraussetzung, weil ohne sie nur der Mangel verallgemeinert, also mit der Notdurft auch der Streit um das Notwendige wieder beginnen und die ganze alte Scheiße sich herstellen müßte, weil ferner nur mit dieser universellen Entwicklung der Produktivkräfte ein universeller Verkehr der Menschen gesetzt ist, daher einerseits das Phänomen der «Eigentumslosen» Masse in Allen Völkern gleichzeitig erzeugt (allgemeine Konkurrenz), jedes derselben von den Umwälzungen der andern abhängig macht, und endlich weltgeschichtliche, empirisch universelle Individuen an die Stelle der lokalen gesetzt hat.

Ohne dies könnte

1. der Kommunismus nur als eine Lokalität existieren,
2. die Mächte des Verkehrs selbst hätten sich als universelle, drum unerträgliche Mächte nicht entwickeln können, sie wären heimisch-aberglaubige «Umstände» geblieben, und
3. würde jede Erweiterung des Verkehrs den lokalen Kommunismus aufheben.

Der Kommunismus ist empirisch nur als die Tat der herrschenden Völker «auf einmal» und gleichzeitig möglich, was die universelle Entwicklung der Produktivkraft und den mit ihm zusammenhangenden Weltverkehr voraussetzt».

Уточнённый мной перевод:

«развитие производительных сил (вместе с которым уже дано эмпирическое существование всемирно-исторического, а не узко местного [lokale], бытия людей) является абсолютно необходимой практической предпосылкой еще и потому, что без него лишь становится всеобщей бедность; а при крайней нужде

снова начинается и борьба за необходимые предметы и, значит, должно было бы восстановиться всё старое дерьмо.

Это развитие производительных сил является, далее, необходимой предпосылкой потому, что только вместе с глобальным [universal] развитием производительных сил устанавливается глобальное [universal] общение {коммуникация} людей, а потому, с одной стороны, оно порождает феномен существования «лишенной собственности» массы одновременно у всех народов (всеобщая конкуренция), каждого из таковых делает зависимым от переворотов у других, – и, наконец, всемирно-исторических эмпирически глобальных [universal] индивидов ставит на место местно-ограниченных [lokale].

Без этого

1) коммунизм мог бы существовать только как нечто местное [eine Lokalität],

2) сами силы общения {коммуникации} не смогли бы развиваться в качестве глобальных [universal], а поэтому невыносимых сил: они остались бы на стадии домашних и окруженных суеверием «обстоятельств», и

3) всякое расширение общения {коммуникации} упразднило бы местный [lokal] коммунизм.

Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное «сразу», одновременно, что предполагает глобальное [universal] развитие производительных сил и связанного с ними мирового общения {коммуникации}».

Что мы здесь видим, уважаемый В.В.? А вот что. Весь отрывок написан с использованием настоящего времени глаголов изъявительного наклонения. В данном случае, использование настоящего времени придаёт оттенок необходимой категоричности в отношении будущего! То есть, когда, говоря о будущем, используют настоящее время глаголов, это означает, что в таком будущем **совершенно уверены**.

Вместе с тем, кое-где в данном тексте употреблено и немецкое сослагательное наклонение (конъюнктив) – müßte (должно было бы), könnte (мог бы), hätten sich nicht entwickeln können (не смогли бы развиваться), wären geblieben (остались бы), würde aufheben (упразднило бы). Конъюнктив означает **потенциальное (возможностное)** будущее.

Вот, собственно и всё! Дополнительная аргументация уже исходя из грамматического анализа текста излишня! Если бы у классиков здесь имелась в виду русская община, то не говорилось бы о возможностном будущем с использованием конъюнктива! Безотносительно к тому, знали ли классики на момент написания «Немецкой идеологии» или нет! В любом случае они имели в виду НЕ

русскую общину в данном тексте!

Приведу, тем не менее, дополнительные аргументы.

В самой «Немецкой идеологии» классики не раз употребляли слово «община» – «die Gemeinde», в других произведениях они употребляют однокоренное слово «das Gemeinwesen» (община, коммуна), но в этом месте текста этого нет!

Самое главное. В примечаниях к «Манифесту Коммунистической партии» Энгельс написал следующее: «В 1847 г. предыстория общества, общественная организация, предшествовавшая всей писаной истории, почти совсем еще не была известна. **За истекшее с тех пор время Гакстгаузен открыл общинную собственность на землю в России**, Маурер доказал, что она была общественной основой, послужившей исходным пунктом исторического развития всех германских племен, и постепенно выяснилось, что сельская община [Dorfgemeinden] с общим владением землей является или являлась в прошлом повсюду первобытной формой общества, от Индии до Ирландии. Внутренняя организация этого первобытного коммунистического общества, в ее типической форме, была выяснена Морганом, увенчавшим дело своим открытием истинной сущности *рода* и его положения в *племени*. С разложением этой первобытной общины [Gemeinwesen] начинается расслоение общества на особые и в конце концов антагонистические классы». В других примечаниях узнаём, что работа Гакстгаузена публиковалась в Берлине отдельными очерками в **1848-1852** годах. Итак, можно смело утверждать, что классики узнали о существовании русской общины уже после написания «Немецкой идеологии», даже после написания «Манифеста КП».

Но что же тогда классики подразумевали под «местным коммунизмом», грамматически ставя его в возможностное будущее (конъюнктив)?

На этот вопрос несложно ответить, если учесть, что на момент написания «Немецкой идеологии» существовал целый ряд более-менее подробных проектов «светлого будущего». Оценку некоторым из них Маркс дал в своих «Экономическо-философских рукописях» 1844 г. (см. К. Маркс, Ф. Энгельс, Собр. Соч. в 50-ти томах, Т. 42).

Приведу соответствующий отрывок из «Экономическо-философских рукописей» полностью, тем более, что именно здесь Маркс подчёркивает *родовую сущность человека* – что ценно для нас с Вами обоих, и особо ссылается на Фейербаха, но не на Гегеля, хотя и использует его терминологию (последнего он и в «Экономическо-философских рукописях», и в «Немецкой идеологии» ещё и критикует), что ценно для меня одного.

К сожалению, известный Вам русский перевод данного произведения

Маркса, как и многих других его произведений, **искажён**. Очень даже может быть, что сделано это было умышленно. За недостатком времени я воспроизвожу текст так, как он фигурирует в Т. 42 Собр. Соч., но в необходимых случаях такие вот искажения выявляю, пометив их через NB. Перевод я уточнил только в некоторых отрывках.

[СУЩНОСТЬ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ОТРАЖЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ]

Субъективная сущность частной собственности, частная собственность как обособленная деятельность, как субъект, как личность, это – труд. Вполне понятно, стало быть, что только ту политическую экономию, которая признала своим принципом *труд (Адам Смит)*, т. е. которая уже перестала видеть в частной собственности всего лишь некое *состояние* вне человека, только эту политическую экономию следует рассматривать как продукт действительной *энергии* и действительного *движения* частной собственности, как продукт современной *промышленности*; (она есть отложившееся в сознании самостоятельное движение частной собственности, современная промышленность как самость); а с другой стороны, именно она ускорила и прославила энергию и развитие этой *промышленности*, превратила их в силу *сознания*. Вот почему *идолопоклонниками, фетишистами, католиками* кажутся этой просвещенной политической экономии, раскрывшей – в рамках частной собственности – *субъективную сущность* богатства, приверженцы монетарной и меркантилистской системы, усматривающие в частной собственности некоторую *только предметную* сущность для человека. Поэтому *Энгельс* был совершенно прав, назвав *Адама Смита Лютером политической экономии*. Подобно тому как Лютер признал *религию, веру* сущностью внешнего мира и на этом основании восстал против католического язычества, как он отменил *внешнюю* религиозность, превратив религиозность во *внутреннюю* сущность человека, как он отверг находящихся вне мирянина попов потому, что он пересадил попа в сердце мирянина, – подобно этому отвергается находящееся вне человека и не зависящее от него, – т. е. подлежащее сохранению и утверждению лишь внешним способом, – богатство; иными словами, отвергается эта его *внешняя, бессмысленная предметность*, поскольку частная собственность воплощается в самом человеке и сам человек признается ее сущностью, но именно в силу этого сам человек берется в аспекте частной собственности, как у Лютера он берется в аспекте религии. Таким образом, под видом признания человека политическая экономия, принципом которой является труд, оказывается, скорее, лишь последователь-

ным проведением отрицания человека, поскольку сам человек не находится уже в отношении внешнего напряжения к внешней сущности частной собственности, а стал сам этой напряженной сущностью частной собственности. То, что раньше было *внешним* по отношению к человеку бытием, реальным его отчуждением, стало лишь актом отчуждения. Поэтому если вышеупомянутая политическая экономия начинает с видимости признания человека, его самостоятельности, самостоятельности и т. д. и, перенося частную собственность в самую сущность человека, не может больше связывать себя местными, национальными и прочими *определениями частной собственности как вне человека существующей сущности* и, стало быть, развивает *космополитическую*, всеобщую, ломающую любые пределы, любые узы энергию, чтобы водвориться на их место в качестве *единственной* политики, единственной всеобщности, единственного предела и единственной связи, то в процессе дальнейшего развития политическая экономия должна отбросить это *лицемерие* и выступить *во всем своем цинизме*. Она так и поступает: не обращая внимания на все бросающиеся в глаза противоречия, в которые запутывает ее эта теория, она гораздо *одностороннее* и потому *резче и последовательнее* развивает положение о *труде* как единственной *сущности богатства*, выявляет, в противоположность указанной первоначальной концепции, *враждебный человеку* характер вытекающих из этого учения выводов и, наконец, наносит смертельный удар последней *индивидуальной, природной*, независимо от движения труда существующей форме частной собственности и источника богатства – *земельной ренте*, этому ставшему уже вполне экономическим и потому неспособному сопротивляться политической экономии выражению феодальной собственности. (Школа *Рикардо*.) *Цинизм* политической экономии растет не только относительно от Смита через Сэя к Рикардо, Миллю и т. д., поскольку перед взором последних те результаты, к которым приводит *промышленность*, выступают в более развитом и более противоречивом виде, но и положительно экономисты всегда, и притом сознательно, идут по пути отчуждения от человека дальше своих предшественников, однако *только* потому, что их наука становится более последовательной и более истинной. Так как они превращают в субъект частную собственность в ее деятельной форме {die Gestalt}, т. е. объявляют сущность в одно и то же время человека как такового и человека как некое изуродованное существо [Unwesen], то противоречие, имеющееся в самой действительности, вполне соответствует той противоречивой сущности, которую они признали в качестве принципа. Разорванная [II] *действительность промышленности* не только не опровергает, но, наоборот, подтверждает их *внутренне разорванный* принцип. Ведь их принцип и является принципом этой разорванности».

{NB. В тексте подлинника, уважаемый В.В., предпоследнее предложение вышеприведённого абзаца выглядит так:

«Indem sie das Privateigentum in seiner tätigen Gestalt zum Subjekt machen, also zugleich den Menschen zum Wesen und zugleich den Menschen als ein Unwesen zum Wesen machen, so entspricht der Widerspruch der Wirklichkeit vollständig dem widerspruchsvollen Wesen, das sie als Prinzip erkannt haben».

Слово «das Umwesen» представляет собой существительное «das Wesen» с отрицательной приставкой.

Само же существительное «das Wesen» означает: «существо» (к примеру, «существо женского пола»); «сущность, существо, суть, сущее; существование, бытие».

Понятно, что слово «das Umwesen» в философском смысле означает, таким образом, «несуществующее», «не-сущее». Однако какой-то советский казённый грамотей перевёл «das Umwesen» в рассматриваемом отрывке, используя другое его словарное значение: «урод, безобразное существо»! Но, «на всякий пожарный», в скобках привёл-таки исходную единицу немецкого подлинника... Вот так «просвещали» советского читателя (и отнюдь не только в отношении трудов одного лишь Маркса!!)... И вот так советский читатель *становился добросовестно заблуждающимся!* А потом, понятно, затевал поиск «потайного смысла», вместо того, чтобы сообразить, что надо разыскать текст в оригинале.

Итак, рассматриваемый отрывок следует переводить по-другому. Вот Вам корректный вариант такого перевода:

«Так как они частную собственность в ее деятельной форме [Gestalt] превращают в субъект, т. е. одновременно превращают человека в сущность и, одновременно же, человека как не-сущее в сущность, то противоречие (самой) действительности вполне соответствует той противоречивой сущности, которую они признали в качестве принципа».

Ниже, по ходу текста, существительное «das Wesen» встречается ещё не раз. Но кое-где его переводят тоже искажённо, поэтому я везде в фигурных скобках его обозначаю.

Кроме того, уже сейчас обращаю Ваше внимание на слово «die Gestalt». Это существительное имеет значения: «фигура, внешность; образ, облик, внешний вид, форма; личность, персонаж». Но – внимание! – «die Gestalt» НЕ означает «разновидность» или «образование» (то есть «то, что образовалось из чего-либо»). Это важно иметь в виду потому, что ниже увидим попытку переводчика

придать этому слову именно такое значение...}

«Физиократическое учение д-ра *Кенэ* образует переход от меркантилистской системы к Адаму Смиту. *Физиократия* непосредственно представляет собой *экономическое* разложение феодальной собственности, но именно поэтому она столь же непосредственно является и *экономическим преобразованием*, - восстановлением этой феодальной собственности, и только язык ее при этом становится уже не феодальным, а экономическим. Все богатство заключается в *земле и земледелии* (агрикультуре). Земля еще не есть *капитал*, это еще некоторая *особая* форма его существования, имеющая силу и значение в своей природной особенности и *вследствие* этой ее природной особенности. Но все же земля есть некоторый всеобщий природный *элемент*, тогда как меркантилистская система признает только *благородный металл* как бытие богатства. Таким образом, у физиократов *предмет* богатства, его материя, сразу же достиг наивысшей всеобщности в *рамках природы* (поскольку он, в качестве части *природы*, все еще является непосредственно предметом богатства). А для человека земля существует только благодаря труду, земледелию. Следовательно, субъективная сущность {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} богатства уже переносится в труд. Но вместе с тем земледелие объявляется *единственно Производительным* трудом. Таким образом, труд еще не мыслится в его всеобщности и абстрактности, он еще привязан к некоторому особому *элементу природы как к своей матери*, а потому и признается еще только в некоторой *особой, определяемой природой, форме существования*. Вследствие этого он является только некоторым *определенным, особым* отчуждением человека, подобно тому как и его продукт мыслится еще только как некоторое определенное богатство, обязанное своим происхождением в большей мере природе, чем самому труду. Земля признается здесь еще как не зависящее от человека природное бытие, еще не как капитал, т. е. не как момент самого труда. Скорее, наоборот, труд фигурирует как *ее* момент. Но так как фетишизм прежнего внешнего, существующего только как предмет, богатства сведен здесь к некоторому весьма простому элементу природы, а сущность {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} богатства уже признана – хотя только частично, на особый манер – в его субъективном существовании, то необходимый дальнейший шаг вперед заключается в том, что познается *всеобщая сущность* {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} богатства и что поэтому в *принцип* возводится *труд* в его полнейшей абсолютиности, т. е. абстракции. Физиократам возражают, что в экономическом, т. е. в единственно правомерном, отношении *земледелие* ничем не отличается от любой другой отрасли производства и что, следовательно, *сущностью* {das

Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} богатства является не какой-либо *определенный* труд, не какое-либо особое проявление труда, связанное с каким-нибудь особым элементом, а *труд вообще*.

Объявляя *сущностью* {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} богатства труд, физиократическая теория том самым отрицает *особое*, внешнее, только предметное богатство. Но для физиократов труд есть *субъективная сущность* {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} только земельной собственности (физиократы отправляются от того вида собственности, который исторически выступает как господствующий и общепризнанный); у них только земельная собственность становится *отчужденным человеком*. Физиократы уничтожают ее феодальный характер, объявляя, что *сущность* {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} земельной собственности заключается в *производстве* (земледелии); но они отрицательно относятся к миру промышленности и признают феодализм, поскольку они объявляют *земледелие единственным* производством.

Вполне понятно, что когда теперь предметом рассмотрения становится *субъективная сущность* {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} промышленности, конституирующейся в противоположении к земельной собственности, т. е. конституирующейся как промышленность, то эта сущность {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} включает в себя и ту свою противоположность. Ибо подобно тому как промышленность охватывает снятую земельную собственность, так и *субъективная сущность* {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} промышленности охватывает вместе с тем и субъективную сущность {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} *земельной собственности*.

Подобно тому как земельная собственность является первой формой частной собственности, а промышленность на первых порах выступает против нее в истории только как особый вид собственности – или, лучше сказать, является вольноотпущенным рабом земельной собственности, – точно так же этот процесс повторяется при попытках науки ухватить *субъективную сущность* {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} частной собственности, т. е. *труд*, и труд на первых порах выступает только как *земледельческий труд*, но затем получает признание как *труд вообще*.

Всякое богатство стало *промышленным* богатством, *богатством* труда, и *промышленность* есть не что иное, как *завершенный труд*, а *фабричная система* есть развернутая сущность {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} *промышленности*, т. е. труда, точно так же как *промышленный капитал* есть *завершенная объективная форма* {die Gestalt – образ, форма} ча-

стной собственности.

Итак, мы видим, что только теперь частная собственность может завершить свое господство над человеком и стать всемирно-исторической силой в своей наиболее всеобщей форме.

Однако противоположность между *отсутствием собственности* и *собственностью* является еще безразличной противоположностью; она еще не берется в ее *дейтельном соотношении*, в ее *внутреннем* взаимоотношении и еще не мыслится как *противоречие*, пока ее не понимают как противоположность между *трудом* и *капиталом*. Эта противоположность может выражаться в *первой* форме {die Gestalt – образ, форма} и без наличия развитого движения частной собственности (в Древнем Риме, в Турции и т. д.). В таком виде эта противоположность еще не *выступает* как обусловленная самой частной собственностью. Но труд, субъективная сущность {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} частной собственности, как нечто исключаящее собственность, и капитал, объективированный труд, как нечто исключаящее труд, – такова *частная собственность* как развитая до степени противоречия форма указанной противоположности, а потому как энергичная, побуждающая к разрешению этого противоречия.

{NB. В тексте подлинника, уважаемый В. В., в последнем предложении вышеприведённого абзаца Маркс использовал прилагательное *energisch*. Следует отметить, что в данном отрывке советский переводчик предпочёл перевести это прилагательное словом «энергичный». Однако в конце данной главы Маркс вновь прибег к этому эпитету, и там уже переводчик вынужден был передать на русский язык это слово по-другому: «*энергический* принцип», что, исходя из контекста, более верно (см. далее самый низ цитаты). С другой стороны, само прилагательное «энергический» – неологизм, который в русском языке, кроме как в тексте данного перевода, пожалуй, больше нигде и не встречается. Потому, бывает, его и путают с прилагательным «энергетический» (хотя энергетики, как таковой, в пору написания «Экономическо-философских рукописей» ещё не существовало). Смысл же эпитета *energisch* у Маркса – очевидно, такой: действующий подобно силовой установке. Поэтому можно было бы, наверное, в одном случае перевести *energisch* как «силовой», а в другом случае – как «энергопринцип». Вместе с тем, немецкое составное существительное «das Energie(-)prinzip» означает сегодня закон сохранения энергии. Короче говоря, я решил в обоих случаях поставить слово «энергический». Понятно, что «попутно» мне пришлось скорректировать перевод всего вышеприведённого абзаца. Немецкий текст абзаца таков:

«Аber der Gegensatz von *Eigentumslosigkeit* und *Eigentum* ist ein noch indifferenter, nicht in seiner *tätigen Beziehung*, seinem *innern* Verhältnis, noch nicht als *Widerspruch* gefaßter Gegensatz, solange er nicht als der Gegensatz der *Arbeit* und des *Kapitals* begriffen wird. Auch ohne die fortgeschrittne Bewegung des Privateigentums, im alten Rom, in der Türkei etc., kann dieser Gegensatz in der *ersten* Gestalt sich aussprechen. So *erscheint* er noch nicht als durch das Privateigentum selbst gesetzt. Aber die Arbeit, das subjektive Wesen des Privateigentums als Ausschließung des Eigentums, und das Kapital, die objektive Arbeit als Ausschließung der Arbeit, ist das *Privateigentum* als sein entwickeltes Verhältnis des Widerspruchs, darum ein energisches, zur Auflösung treibendes Verhältnis».

А вот скорректированный вариант его перевода:

«Однако противоположность *отсутствия собственности* и *собственности*, – пока ее не понимают как противоположность *труда* и *капитала*, – это противоположность ещё безразличная; ещё не в ее *дейтельном отношении*, ее *внутреннем* соотношении, – ещё не как постигаемое *противоречие*. Даже без передового движения частной собственности (в Древнем Риме, в Турции и т. д.) эта противоположность может выражаться в *первой* форме. Так она не *выступает* еще как обусловленная самой частной собственностью. Но труд, субъективная сущность частной собственности, как исключение собственности, и капитал, объективный труд, как исключение труда, – это *частная собственность* как её развитое соотношение противоречия, а потому соотношение энергическое, понуждающее к разрешению».

«Снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение.

Вначале *частная собственность* рассматривается только со своей объективной стороны, – но труд все же мыслится как ее сущность {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование}. Ее формой существования является поэтому *капитал*, подлежащий уничтожению «как таковой» (Прудон). Или же *особый характер* труда – труд нивелированный, раздробленный и поэтому несвободный – мыслится как источник *пагубности* частной собственности и ее отчужденного от человека существования; *Фурье*, который, подобно физиократам, опять-таки считает *земледельческий труд*, по меньшей, мере *наилучшим* видом труда, тогда как по *Сен-Симону*, наоборот, суть дела {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} заключается в *промышленном труде* как таковом, и он в соответствии с этим домогается *безраздельного* господства промышленников и улучшения положения рабочих.

И, наконец, *коммунизм* есть *положительное* выражение упразднения част-

ной собственности; на первых порах он выступает как *всеобщая* частная собственность. Беря отношение частной собственности в его *всеобщности*, коммунизм

1) в его первой форме {die Gestalt – образ, форма} является лишь *обобщением* и *завершением* этого отношения. Как таковой он имеет двоякий вид {die Gestalt – образ, форма}: во-первых, господство *вещественной* собственности над ним так велико, что он стремится уничтожить *все* то, чем, на началах *частной собственности*, не могут обладать все; он хочет *насильственно* абстрагироваться от таланта и т. д. Непосредственное физическое *обладание* представляется ему единственной целью жизни и существования; категория *рабочего* не отменяется, а распространяется на всех людей; отношение частной собственности остается отношением всего общества к миру вещей; наконец, это движение, стремящееся противопоставить частной собственности всеобщую частную собственность, выражается в совершенно животной форме, когда оно противопоставляет *браку* (являющемуся, действительно, некоторой *формой исключительной частной собственности*) *общность жен*, где, следовательно, женщина становится *общественной* и *всеобщей* собственностью. Можно сказать, что эта идея *общности жен* выдает *тайну* этого еще совершенно грубого и неосмысленного коммунизма. Подобно тому как женщина переходит тут от брака ко всеобщей проституции, так и весь мир богатства, т. е. предметной сущности {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} человека, переходит от исключительного брака с частным собственником к универсальной проституции со всем обществом. Этот коммунизм, отрицающий повсюду *личность* человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием. Всеобщая и конституирующаяся как власть *зависть* представляет собой ту скрытую форму, которую принимает *стяжательство* и в которой оно себя лишь *иным* способом удовлетворяет. Всякая частная собственность как таковая ощущает – *по крайней мере* по отношению к *более богатой* частной собственности – зависть и жажду нивелирования, так что эти последние составляют даже сущность {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} конкуренции. Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из *представления* о некоем минимуме. У него – *определенная ограниченная* мера. Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *неестественной* простоте *бедного*, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее.

Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность *труда* и ра-

венство *заработной платы*, выплачиваемой общинным капиталом, *общинной* как всеобщим капиталистом. Обе стороны взаимоотношения подняты на ступень *представляемой* всеобщности: *труд* – как предназначение каждого, а *капитал* – как признанная всеобщность и сила всего общества.

{NB. В тексте подлинника, уважаемый В.В., вышеприведённый абзац выглядит так:

«Die Gemeinschaft ist nur eine Gemeinschaft der *Arbeit* und die Gleichheit des *Salairs*, den das gemeinschaftliche Kapital, die *Gemeinschaft* als der allgemeine Kapitalist, auszahlt. Beide Seiten des Verhältnisses sind in eine *vorgestellte* Allgemeinheit erhoben, die *Arbeit* als die Bestimmung, in welcher jeder gesetzt ist, das *Kapital* als die anerkannte Allgemeinheit und Macht der Gemeinschaft».

Проанализируем.

Во-первых, слова «**Для такого рода коммунизма**» в подлиннике отсутствуют – это переводчик явно от себя добавил... Во-вторых, очевидно, что ОДНО И ТО ЖЕ немецкое слово «die Gemeinschaft» переведено, причём произвольным образом, тремя разными словами: то это – «общность», то это – «община» и «общинный», то, наконец, «всё общество». Вот! А теперь судите сами, можно ли делать основательные выводы об истинной мысли Маркса на основании таких вот переводов??!

Сначала уточню, что немецкое прилагательное «gemein» означает «общий», а также «обычный, обыкновенный, простой»...

Что же на самом деле означает немецкое слово «die Gemeinschaft»?

Начну с того, что это – НИКАК НЕ «община»!

Слово «община», как я уже отмечал выше, это – во-первых, «die Gemeinde». К примеру, «die Dorfgemeinde» – «деревенская община».

Во-вторых, и слово «das Gemeinwesen» обозначает общину как социальный институт и, соответственно, коммуны. «das Gemeinwesen» – это также «коллективность» и «общественность». Понятно, что дословно «das Gemeinwesen» – это «общий» + «существование», «общее существование».

Слово же «die Gemeinschaft» – это (перечисляю всё, что можно найти в словарях): «общность, единство, единение, содружество; связь, общение; общество, сообщество, объединение, коллектив; звено (пионерское), кружок (в школе)». При этом производное прилагательное и наречие gemeinschaftlich означает «сообща, вместе» и «общий, коллективный, общественный».

Поэтому перевод приходится вчерне скорректировать хотя бы так:

«Сообщество [коллектив] является лишь общностью *труда* и равенством *заработной платы*, которую выплачивает [коллективный] капитал сообщества, т. е. *сообщество* [коллектив] как всеобщий капиталист. Обе стороны взаимоотношения возведены в (ранг) *представляемой* всеобщности: *труд* – как то, что предписано каждому, а *капитал* – как признанная всеобщность и сила сообщества».

В любом случае, очевидно, что неверно понимать это место так, будто бы Маркс здесь пишет об институте земледельческой общины! А ведь из-за искажённого перевода на русский язык можно и так подумать!}

«В отношении к *женщине*, как к *добыче* и служанке общественного сладострастия, выражена та бесконечная деградация, в которой человек оказывается по отношению к самому себе, ибо тайна этого отношения находит свое *недвусмысленное*, решительное, *открытое*, явное выражение в отношении *мужчины* к *женщине* и в том, как мыслится *непосредственное*, *естественное* родовое отношение. Непосредственным, естественным, необходимым отношением человека к человеку является *отношение мужчины к женщине*. В этом *естественном* родовом отношении отношение человека к природе непосредственно заключено его отношение к человеку, а его отношение к человеку есть непосредственным образом его отношение к природе, его собственное *природное* предназначение. Таким образом, в этом отношении *проявляется* в *чувственном* виде, в виде наглядного *факта* то, насколько стала для человека природой человеческая сущность {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование}, или насколько природа стала человеческой сущностью {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} человека. На основании этого отношения можно, следовательно, судить о ступени общей культуры человека. Из характера этого отношения видно, в какой мере *человек* стал для себя *родовым существом*, стал для себя *человеком* и мыслит себя таковым. Отношение мужчины к женщине есть *естественнейшее* отношение человека к человеку. Поэтому в нем обнаруживается, в какой мере *естественное* поведение человека стало *человеческим*, или в какой мере *человеческая* сущность {das Wesen - существо; сущность, суть, сущее; существование} стала для него *естественной* сущностью {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование}, в какой мере его *человеческая природа* стала для него *природой*. Из характера этого отношения явствует также, в какой мере *потребность* человека стала *человеческой* потребностью, т. е. в какой мере *другой* человек в качестве человека стал для него потребностью, в какой мере сам он, в своем индивидуальнейшем

бытии, является вместе с тем общественным существом {das Gemeinwesen}.

Таким образом, первое положительное упразднение частной собственности, *грубый коммунизм*, есть только *форма проявления* гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве *положительной общности* {das Gemeinwesen}.

2) Коммунизм α) еще политического характера, демократический или деспотический; β) с упразднением государства, но в то же время с ещё незавершенной и все еще пораженной частной собственностью, т. е. отчуждением человека, сущностью {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование}. И в той и в другой форме коммунизм уже мыслит себя как реинтеграцию или возвращение человека к самому себе, как уничтожение человеческого самоотчуждения; но так как он еще не уяснил себе положительной сущности {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} частной собственности и не постиг еще *человеческой* природы потребности, то он тоже еще находится в плену у частной собственности и заражен ею. Правда, он постиг понятие частной собственности, – но не уяснил еще себе ее сущность {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование}.

3) Коммунизм как *положительное упразднение частной собственности* – этого *самоотчуждения человека* – и в силу этого как подлинное *присвоение человеческой сущности* {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*, т. е. *человечному*. Такой коммунизм, как *завершенный натурализм*, = гуманизму, а как *завершенный гуманизм*, = натурализму; он есть *действительное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование}, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он – решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение.

Поэтому все движение истории есть, с одной стороны, *действительный* акт порождения этого коммунизма – роды его эмпирического бытия, – а с другой стороны, оно является для мыслящего сознания *постигаемым* и *познаваемым* движением его *становления*. Вышеуказанный же, еще незавершенный коммунизм ищет для себя *исторического* доказательства в отдельных противостоящих частной собственности исторических образованиях {die Gestalt – образ, форма}, ищет доказательства в существующем, вырывая отдельные моменты движения (особенно любят гарцевать на этом коньке Кабе, Вильгардель и др.) и фиксируя их в доказательство своей исторической чистокровности; но

этим он только доказывает, что несравненно большая часть исторического движения противоречит его утверждениям и что если он когда-либо существовал, то именно это его *прошлое* бытие опровергает его претензию на *сущность* {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование}».

{NB. В тексте подлинника, уважаемый В.В., в вышеприведённом абзаце у Маркса написано НЕ

«еще незавершенный коммунизм ищет для себя *исторического* доказательства в отдельных противостоящих частной собственности исторических образованиях», а

«еще незавершенный коммунизм ищет для себя *исторического* доказательства в отдельных противостоящих частной собственности исторических **формах**»!

Что, согласитесь, не одно и то же!}

«Нетрудно усмотреть необходимость того, что все революционное движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении *частной собственности*, в экономике.

Эта *материальная*, непосредственно *чувственная* частная собственность является материальным, чувственным выражением *отчужденной человеческой жизни*. Ее движение – производство и потребление – есть *чувственное* проявление движения всего предшествующего производства, т. о. оно представляет собой осуществление или действительность человека. Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д. суть лишь *особые* виды производства и подчиняются его всеобщему закону. Поэтому положительное упразднение *частной собственности*, как утверждение *человеческой* жизни, есть положительное упразднение всякого отчуждения, т. е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему *человеческому*, т. е. *общественному* бытию. Религиозное отчуждение как таковое происходит лишь в сфере *сознания*, в сфере внутреннего мира человека, но экономическое отчуждение есть отчуждение *действительной жизни*, – его упразднение охватывает поэтому обе стороны. Понятно, что если у различных народов это движение *начинается* либо в одной, либо в другой из этих областей, то это зависит от того, протекает ли подлинная *признанная* жизнь данного народа преимущественно в сфере сознания или же в сфере внешнего мира, является ли она больше идеальной или же реальной жизнью. Коммунизм сразу же начинает с атеизма (*Оуэн*), атеизм же на первых порах далеко еще не есть *коммунизм*; ведь и тот атеизм, с которого начинается коммунизм, есть еще преимущественно абстракция. Поэтому филантропия атеизма первоначально есть лишь *философская*, абстрактная филантропия,

тогда как филантропия коммунизма сразу же является *реальной* и нацелена непосредственно на *действие*.

Мы видели, как при предположении положительного упразднения частной собственности человек производит человека – самого себя и другого человека; как предмет, являющийся непосредственным продуктом деятельности его индивидуальности, вместе с тем оказывается его собственным бытием для другого человека, бытием этого другого человека и бытием последнего для первого. Но точно таким же образом и материал труда и человек как субъект являются и результатом и исходным пунктом движения (в том, что они должны служить этим *исходным пунктом*, в этом и заключается историческая *необходимость* частной собственности). Таким образом, *общественный* характер присущ всему движению; *как* само общество производит человека как человека, так и он *производит* общество. Деятельность и пользование ее плодами, как по своему содержанию, так и по *способу существования*, носят *общественный* характер: *общественная* деятельность и *общественное* пользование. Человеческая сущность {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} природы существует только для *общественного* человека; ибо только в обществе природа является для человека *звеном, связывающим* человека с человеком, бытием его для другого и бытием другого для него, жизненным элементом человеческой действительности; только в обществе природа выступает как *основа* его собственного *человеческого* бытия. Только в обществе его *природное* бытие является для него его *человеческим* бытием и природа становится для него человеком. Таким образом, *общество* есть законченное сущностное {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} единство человека с природой, подлинное воскресение природы, осуществленный натурализм человека и осуществленный гуманизм природы.

Общественная деятельность и общественное пользование существуют отнюдь не *только* в форме *непосредственно* коллективной {gemeinschaftliche} деятельности и непосредственно *коллективного* {gemeinschaftliche} пользования, хотя *коллективная* {gemeinschaftliche} деятельность и *коллективное* {gemeinschaftliche} пользование, т. е. такая деятельность и такое пользование, которые проявляются и утверждают себя непосредственно в *действительном общении* с другими людьми, окажутся налицо всюду, где вышеуказанное *непосредственное* выражение общественности обосновано в существе {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} содержания этой деятельности или этого пользования и соответствует его природе.

Но даже и тогда, когда я занимаюсь *научной* и т. п. деятельностью, – деятельностью, которую я только в редких случаях могу осуществлять в непосредственном общении с другими, – даже и тогда я занят *общественной* деятельно-

стью, потому что я действую как *человек*. Мне не только дан, в качестве общественного продукта, материал для моей деятельности – даже и сам язык, на котором работает мыслитель, – но и мое *собственное* бытие *есть* общественная деятельность; а потому и то, что я делаю из моей особы, я делаю из себя для общества, сознавая себя как общественное существо {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование}.

Мое *всеобщее* сознание есть лишь *теоретическая* форма {die Gestalt – образ, форма} того, *живой* формой {die Gestalt – образ, форма} чего является *реальная* коллективность {общественность – das Gemeinwesen}, общественное существо {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование}, но в наши дни *всеобщее* сознание представляет собой абстракцию от действительной жизни и в качестве такой абстракции враждебно противостоит ей. Поэтому и *деятельность* моего всеобщего сознания как таковая является моим *теоретическим* бытием как общественного существа {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование}.

Прежде всего, следует избегать того, чтобы снова противопоставлять «общество», как абстракцию, индивиду. Индивид *есть* общественное существо {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование}. Поэтому всякое проявление его жизни – даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного*, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, – *является* проявлением и утверждением *общественной жизни*. Индивидуальная и родовая жизнь человека не являются чем-то *различным*, хотя по необходимости способ существования индивидуальной жизни бывает либо более *особенным*, либо более *всеобщим* проявлением родовой жизни, а родовая жизнь бывает либо более *особенной*, либо *всеобщей* индивидуальной жизнью.

Как *родовое сознание*, человек утверждает свою реальную *общественную жизнь* и только повторяет в мышлении свое реальное бытие, как и наоборот, родовое бытие утверждает себя в родовом сознании и в своей всеобщности существует для себя как мыслящее существо {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование}.

Поэтому, если человек есть некоторый *особенный* индивид и именно его особенность делает из него {превращает его в} индивида и действительную *индивидуальную* коллективность {общественность – das Gemeinwesen}, то он в такой же мере есть также и *тотальность*, идеальная тотальность, субъективное для-себя-бытие мыслимого и ощущаемого общества, подобно тому как и в действительности он существует, с одной стороны, как созерцание общественного бытия и действительное пользование им, а с другой стороны – как тотальность человеческого проявления жизни.

Таким образом, хотя мышление и бытие и *отличны* друг от друга, но в то

же время они находятся в *единстве* друг с другом.

Смерть кажется жестокой победой рода над *определенным* индивидом и как будто противоречит их единству; но определенный индивид есть лишь некое *определенное родовое существо* {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} и как таковое смертен.

4) Подобно тому как *частная собственность* является лишь чувственным выражением того, что человек становится в одно и то же время *предметным* для себя и вместе с тем чужим для самого себя и бесчеловечным предметом, что его проявление жизни оказывается его отчуждением от жизни, его приобщение к действительности – исключением его из действительности, *чужой* для него действительностью, – точно так же и положительное упразднение частной собственности, т. е. *чувственное* присвоение человеком и для человека человеческой сущности {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} и человеческой жизни, предметного человека и человеческих *произведений*, надо понимать не только в смысле *непосредственного*, одностороннего *пользования* вещью, не только в смысле *владения, обладания*. Человек присваивает себе свою всестороннюю сущность {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} всесторонним образом, следовательно, как целостный человек. Каждое из его *человеческих* отношений к миру – зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, мышление, созерцание, ощущение, желание, деятельность, любовь, словом, все органы его индивидуальности, равно как и те органы, которые непосредственно по своей форме есть общественные органы, являются в своем *предметном* отношении, или в своем *отношении к предмету*, присвоением последнего. Присвоение *человеческой* действительности, ее отношение к предмету, это – *осуществление на деле человеческой действительности*, человеческая *действенность* и человеческое *страдание*, потому что страдание, понимаемое в человеческом смысле, есть самопотребление человека.

Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является *нашим* лишь тогда, когда мы им обладаем, т. е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т. д., – одним словом, когда мы его *потребляем*, – хотя сама же частная собственность все эти виды непосредственного осуществления владения в свою очередь рассматривает лишь как *средство к жизни*, а та жизнь, для которой они служат средством, есть *жизнь частной собственности* – труд и капитализирование.

Поэтому на место *всех* физических и духовных чувств стало простое отчуждение *всех* этих чувств – чувство *обладания*. Вот до какой абсолютной бедности должно было быть доведено человеческое существо {das Wesen - существо; сущность, суть, сущее; существование}, чтобы оно могло породить из себя свое

внутреннее богатство. (О категории *обладания* см. статью *Гесса* в сборнике «Двадцать один лист».)

Поэтому уничтожение частной собственности означает полную *эмансипацию* всех человеческих чувств и свойств; но оно является этой эмансипацией именно потому, что чувства и свойства эти стали *человеческими* как в субъективном, так и в объективном смысле. Глаз стал *человеческим* глазом точно так же, как его *объект* стал общественным, *человеческим* объектом, созданным человеком для человека. Поэтому *чувства* непосредственно в своей практике стали *теоретиками*. Они имеют отношение к *вещи* ради вещи, но сама эта вещь есть *предметное человеческое* отношение к самой себе и к человеку, и наоборот. Вследствие этого потребность и пользование вещью утратили свою *эгоистическую* природу, а природа утратила свою голую *полезность*, так как польза стала *человеческой* пользой.

Точно так же чувства и наслаждения других людей стали моим *собственным* достоянием. Поэтому, кроме этих непосредственных органов, образуются *общественные* органы, в *форме* общества. Так, например, деятельность в непосредственном общении с другими и т. д. стала органом *проявления* моей *жизни* и одним из способов усвоения *человеческой* жизни.

Ясно, что *человеческий* глаз воспринимает и наслаждается иначе, чем грубый нечеловеческий глаз, человеческое *ухо* – иначе, чем грубое, неразвитое ухо, и т. д.

Мы видели, что человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или *опредмеченным* человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование}, а общество становится для него сущностью {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} в данном предмете.

Поэтому, с одной стороны, по мере того как предметная действительность повсюду в обществе становится для человека действительностью человеческих сущностных {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} сил, человеческой действительностью и, следовательно, действительностью его *собственных* сущностных {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} сил, все *предметы* становятся для него *опредмечиванием* самого себя, утверждением и осуществлением его индивидуальности, *его* предметами, а это значит, что предметом становится *он сам*. То, как они становятся для него *его* предметами, зависит от *природы предмета* и от природы соответствующей ей *сущностной* {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} *силы*; ибо именно *определенность* этого отношения создает особый, *действи-*

тельный способ утверждения. *Глазом* предмет воспринимается иначе, чем *ухом*, и предмет глаза – иной, чем предмет *уха*. Своеобразие каждой сущностной {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} силы – это как раз ее *своеобразная сущность* {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование}, следовательно и своеобразный способ ее опредмечивания, ее *предметно-действительного, живого бытия*. Поэтому не только в мышлении, но и *всеми* чувствами человек утверждает себя в предметном мире.

С другой стороны, со стороны субъективной: только музыка пробуждает музыкальное чувство человека; для немзыкального уха самая прекрасная музыка не имеет *никакого* смысла, она для него не является предметом, потому что мой предмет может быть только утверждением одной из моих сущностных {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} сил, следовательно, он может существовать для меня только так, как существует для себя моя сущностная {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} сила в качестве субъективной способности, потому что смысл какого-нибудь предмета для меня (он имеет смысл лишь для соответствующего ему чувства) простирается ровно настолько, насколько простирается *мое* чувство. Вот почему *чувства* общественного человека суть *иные* чувства, чем чувства необщественного человека. Лишь благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} развивается, а частью и впервые порождается, богатство субъективной *человеческой* чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз, – короче говоря, такие *чувства*, которые способны к человеческим наслаждениям и которые утверждают себя как *человеческие* сущностные {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} силы. Ибо не только пять внешних чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.), – одним словом, *человеческое* чувство, человечность чувств, – возникают лишь благодаря наличию *соответствующего* предмета, благодаря *очеловеченной* природе. *Образование* пяти внешних чувств – это работа всей предшествующей всемирной истории. *Чувство*, находящееся в плену у грубой практической потребности, обладает лишь *ограниченным* смыслом. Для изголодавшегося человека не существует человеческой формы пищи, а существует только ее абстрактное бытие как пищи: она могла бы с таким же успехом иметь самую грубую форму, и невозможно сказать, чем отличается это поглощение пищи от поглощения ее *животным*. Удрученный заботами, нуждающийся человек *нечувствителен* даже по отношению к самому прекрасному зрелищу; торговец минералами видит только меркантильную стоимость, а не красоту и не своеобразную природу минерала; у него нет минералогического чувства. Таким образом, необходимо опредмечивание человеческой сущности

{das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} – как в теоретическом, так и в практическом отношении, – чтобы, с одной стороны, *очеловечить чувства* человека, а с другой стороны, создать *человеческое чувство*, соответствующее всему богатству человеческой и природной сущности {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование}.

Подобно тому как благодаря движению *частной собственности*, ее богатства и нищеты – материального и духовного богатства и материальной и духовной нищеты – возникающее общество находит перед собой весь материал для этого *образовательного процесса*, так возникшее общество производит, как свою постоянную действительность, человека со всем этим богатством его существа {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование}, производит *богатого и всестороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях* человека.

Мы видим, что только в общественном состоянии субъективизм и объективизм, спиритуализм и материализм, деятельность и страдание утрачивают свое противопоставление друг другу, а тем самым и свое бытие в качестве таких противоположностей; мы видим, что разрешение *теоретических* противоположностей само оказывается возможным *только практическим* путем, только посредством практической энергии людей, и что поэтому их разрешение отнюдь не является задачей только познания, а представляет собой *действительную* жизненную задачу, которую *философия* не могла разрешить именно потому, что она видела в ней *только* теоретическую задачу.

Мы видим, что история *промышленности* и сложившееся *предметное* бытие промышленности являются *раскрытой* книгой *человеческих сущностных* {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} сил, чувственно представшей перед нами человеческой *психологией*, которая до сих пор постигалась не в ее связи с *сущностью* {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} человека, а всегда лишь в связи с какой-нибудь внешней полезностью, потому что, – двигаясь в рамках отчуждения, – люди умели постигать как действительность человеческих сущностных {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} сил и как *человеческую родовую деятельность* только всеобщее бытие человека, религию, или же историю в ее абстрактно-всеобщей сущности {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} как политику, искусство, литературу и т. д. В *обыкновенной, материальной промышленности* (которую в такой же мере можно рассматривать как часть вышеуказанного всеобщего движения, в какой само это движение можно рассматривать как *особую* часть промышленности, так как вся человеческая деятельность была до сих пор трудом, т. е. промышленностью, отчужденной от самой себя деятельностью) мы имеем перед собой под видом *чувств-*

венных, чужих, полезных предметов, под видом отчуждения, *опредмеченные сущностные* {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} силы человека. Такая *психология*, для которой эта книга, т. е. как раз чувственно наиболее осязательная, наиболее доступная часть истории, закрыта, не может стать действительно содержательной и *реальной* наукой. Что вообще думать о такой науке, которая *высокомерно* абстрагируется от этой огромной части человеческого труда и не чувствует своей собственной неполноты, когда все это богатство человеческой деятельности ей не говорит ничего другого, кроме того, что можно выразить одним термином «*потребность*», «*обыденная потребность*»?

Естественные науки развернули колоссальную деятельность и накопили непрерывно растущий материал. Но философия осталась для них столь же чуждой, как и они оставались чужды философии. Кратковременное объединение их с философией было лишь *фантастической иллюзией*. Налицо была воля к объединению, способность же отсутствовала. Даже историография принимает во внимание естествознание лишь между прочим, как фактор просвещения, полезности отдельных великих открытий. Но зато тем более *практически* естествознание посредством промышленности ворвалось в человеческую жизнь, преобразовало [umgestaltet] ее и подготовило человеческую эмансипацию, хотя непосредственно оно вынуждено было довершить обесчеловечение человеческих отношений. *Промышленность* является *действительным* историческим отношением природы, а следовательно, и естествознания к человеку. Поэтому если ее рассматривать как *экзотерическое* раскрытие человеческих *сущностных* {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} сил, то понятна станет и *человеческая* сущность {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} природы, или *природная* сущность {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} человека; в результате этого естествознание утратит свое абстрактно материальное или, вернее, идеалистическое направление и станет основой *человеческой* науки, подобно тому как оно уже теперь – хотя и в отчужденной форме {die Gestalt – образ, форма} – стало основой действительно человеческой жизни, а принимать *одну* основу для жизни, другую для *науки* – это значит с самого начала допускать ложь. Становящаяся в человеческой истории – этом акте возникновения человеческого общества – природа является *действительной* природой человека; поэтому природа, какой она становится – хотя и в *отчужденной* форме {die Gestalt – образ, форма} – благодаря промышленности, есть истинная *антропологическая* природа.

Чувственность (см. Фейербаха) должна быть основой всей науки. Наука является *действительной* наукой лишь в том случае, если она исходит из чувственности в ее двояком виде {die Gestalt – образ, форма}: из *чувственного* соз-

нения и из *чувственной* потребности; следовательно, лишь в том случае, если наука исходит из природы. Вся история является подготовкой к тому, чтобы «человек» стал предметом *чувственного* сознания и чтобы потребность «человека как человека» стала [естественной, чувственной] потребностью. Сама история является *действительной* частью *истории природы*, становления природы человеком. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна* наука.

Человек – есть непосредственный предмет естествознания; ибо непосредственной *чувственной природой* для человека непосредственно является человеческая чувственность (это – тождественное выражение), непосредственно как *другой* чувственно воспринимаемый им человек; ибо его собственная чувственность существует для него самого, как человеческая чувственность, только через *другого* человека. А *природа* есть непосредственный предмет *науки о человеке*. Первый предмет человека – человек – есть природа, чувственность; а особые человеческие чувственные сущностные {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} силы, находящие свое предметное осуществление только в предметах *природы*, могут обрести свое самопознание только в науке о сущности {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} природы вообще. Даже элемент самого мышления, элемент, в котором выражается жизнь мысли – *язык*, – имеет чувственную природу. *Общественная* действительность природы и *человеческое* естествознание, или *естественная наука о человеке*, это – тождественные выражения.

Мы видим, как на место экономического *богатства* и экономической *нищеты* становятся *богатый человек* и *богатая человеческая* потребность. *Богатый* человек – это в то же время человек, *нуждающийся* во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как *нужда*. Не только *богатство* человека, но и *бедность* его получает при социализме в равной мере *человеческое* и потому общественное значение. Она есть пассивная связь, заставляющая человека ощущать потребность в том величайшем богатстве, каким является *другой* человек. Господство предметной сущности {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} во мне, чувственная вспышка моей сущностной {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} деятельности есть *страсть*, которая, таким образом, становится здесь *деятельностью* моего существа {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование}.

5) Какое-нибудь *существо* {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование} является в своих глазах самостоятельным лишь тогда, когда

оно стоит на своих собственных ногах, а на своих собственных ногах оно стоит лишь тогда, когда оно обязано своим *существованием* самому себе. Человек, живущий милостью другого, считает себя зависимым существом {das Wesen – существо; сущность, суть, сущее; существование}. Но я живу целиком милостью другого, если я обязан ему не только поддержанием моей жизни, но сверх того еще и тем, что он мою *жизнь создал*, что он – *источник* моей жизни; а моя жизнь непременно имеет такую причину вне себя, если она не есть мое собственное творение. Вот почему *творение* является таким представлением, которое весьма трудно вытеснить из народного сознания. Народному сознанию *непонятно* чрез-себя-бытие природы и человека, потому что это чрез-себя-бытие противоречит всем *осязательным фактам* практической жизни.

Представление о сотворении *земли* получило сокрушительный удар со стороны *геогнозии*, т. е. науки, изображающей образование земли, становление ее как некий процесс, как самопорождение. Generatio aequivoca является единственным практическим опровержением теории сотворения.

Легко, конечно, сказать отдельному индивиду то, что говорил уже Аристотель: Ты рожден твоим отцом и твоей матерью; значит, в случае с тобой соединение двух человеческих существ, т. е. родовой акт людей произвел человека. Ты видишь, стало быть, что человек и физически обязан своим бытием человеку. Значит, ты должен иметь в виду не только *одну* сторону – *бесконечный* прогресс, в силу которого ты продолжаешь спрашивать: кто породил моего отца? кто породил его деда? и т. д. Ты должен иметь в виду также и то *круговое движение*, которое чувственно-наглядным образом дано в этом бесконечном прогрессе, – круговое движение, в силу которого человек в деторождении повторяет себя самого и, следовательно, субъектом всегда остается *человек*. Однако ты ответишь: я признаю это круговое движение, так признай же и ты вышеуказанный бесконечный прогресс, который гонит меня все дальше и дальше, пока я не спрошу, кто же породил первого человека и природу вообще. На это я могу тебе ответить только следующее: самый твой вопрос есть продукт абстракции. Спроси себя, как ты пришел к этому вопросу; спроси себя, не продиктован ли твой вопрос такой точкой зрения, на которую я не могу дать ответа, потому что она в корне неправильна. Спроси себя, существует ли для разумного мышления вышеуказанный бесконечный прогресс как таковой. Задаваясь вопросом о сотворении природы и человека, ты тем самым абстрагируешься от человека и природы. Ты полагаешь их *несуществующими* и тем не менее хочешь, чтобы я доказал тебе их *существование*. Я говорю тебе: откажись от своей абстракции, и ты откажешься от своего вопроса; если же ты хочешь придерживаться своей абстракции, то будь последователен, и когда ты мыслишь человека и природу *несуществующими*, то мысли несуществующим и самого себя, так как ты тоже

– и природа и человек. Не мысли, не спрашивай меня, ибо, как только ты начинаешь мыслить и спрашивать, твое *абстрагирование* от бытия природы и человека теряет всякий смысл. Или, быть может, ты такой эгоист, что полагаешь все несуществующим, а сам хочешь существовать?

Ты можешь мне возразить: я вовсе не предполагаю природу несуществующей; я спрашиваю тебя об *акте* ее *возникновения*, как спрашивают анатома об образовании у зародыша костей и т. д.

Но так как для социалистического человека *вся так называемая всемирная история* есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека, то у него есть наглядное, неопровержимое доказательство своего *порождения* самим собою, *процесса* своего *возникновения*. Так как для социалистического человека *существенная реальность* {die *Wesenhaftigkeit*} человека и природы приобрела практический, чувственный, наглядный характер, причем человек наглядно стал для человека бытием природы, а природа наглядно стала для него бытием человека, то стал практически невозможным вопрос о каком-то *чуждом* существе {das *Wesen* – существо; сущность, суть, сущее; существование}, о существе {das *Wesen* – существо; сущность, суть, сущее; существование}, стоящем над природой и человеком, – вопрос, заключающий в себе признание несущественности {die *Unwesentlichkeit*} природы и человека. *Атеизм*, как отрицание этой несущественности {die *Unwesentlichkeit*}, не имеет больше никакого смысла, потому что атеизм является *отрицанием бога* и утверждает *бытие человека* именно посредством этого отрицания; но социализм, как социализм, уже не нуждается в таком опосредствовании: он начинается с *теоретически и практически чувственного сознания* человека и природы как *сущности* {das *Wesen* – существо; сущность, суть, сущее; существование}. Социализм есть *положительное*, уже не опосредствуемое отрицанием религии *самосознание* человека, подобно тому как *действительная жизнь* есть положительная действительность человека, уже не опосредствуемая отрицанием частной собственности, *коммунизмом*. Коммунизм есть позиция как отрицание отрицания, поэтому он является *действительным*, для ближайшего этапа исторического развития необходимым моментом эмансипации и обратного отвоевания человека. *Коммунизм* есть необходимая форма {die *Gestalt* – образ, форма} и энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма {die *Gestalt* – образ, форма} человеческого общества».

* * * * *

Итак, уважаемый В.В., приняв во внимание содержание «Экономическо-философских рукописей» Маркса, написанных в 1844 г., нетрудно понять и то,

что имелось в виду под «местным коммунизмом» в «Немецкой идеологии», написанной в 1845-46 гг.

Мало того и некоторые другие понятия разбираемого отрывка из «Немецкой идеологии» тоже становятся ясны при прочтении «Экономическо-философских рукописей»! Например, это касается эпитета «эмпирический». В «Немецкой идеологии» здесь встречаем: «*эмпирическое* существование всемирно-исторического, а не узко местного [lokale], бытия людей»; «всемирно-исторических *эмпирически* глобальных [universal] индивидов ставит на место местно-ограниченных [lokale]»; «Коммунизм *эмпирически* возможен только как действие господствующих народов, произведенное «сразу», одновременно, что предполагает глобальное [universal] развитие производительных сил и связанного с ними мирового общения {коммуникации}». А в «Экономическо-философских рукописях» – «Поэтому всё видение истории есть, с одной стороны, действительный акт порождения этого коммунизма – роды его *эмпирического* бытия, – а с другой стороны, оно является для мыслящего сознания постигаемым и познаваемым движением его становления»; «Нетрудно усмотреть необходимость того, что все революционное движение находит себе как *эмпирическую*, так и теоретическую основу в движении частной собственности, в экономике».

Под «местным коммунизмом» в «Немецкой идеологии» имеется в виду гипотетическая возможность реализации коммунистических проектов, разработанных и разрабатываемых современными Марксу и Энгельсу мыслителями. И тут же однозначно указывается на их обречённость перед лицом «глобального [universal] развития производительных сил» и «глобального [universal] общения {коммуникации} людей», а также «всеобщей конкуренции» и того факта, что «каждый народ делается зависимым от переворотов у других народов».

Классики подчёркивают, что «всякое расширение общения {коммуникации} упразднило бы местный [lokal] коммунизм» – если бы он возник. Содержится намёк и на то, что «местный коммунизм» мог бы реализоваться у более отсталых народов, так как говорится: «коммунизм *эмпирически* возможен только как действие господствующих народов, произведенное «сразу», одновременно, что предполагает глобальное [universal] развитие производительных сил и связанного с ними мирового общения {коммуникации}».

В XX-м веке, как мы знаем, возник целый ряд социально-политических режимов в странах, до этого отнюдь не передовых, которые называли себя социалистическими. Ни Маркс и Энгельс, ни Ленин не оставили после себя сколько-нибудь развёрнутого проекта социалистического и коммунистического

переустройства общества. Зато такие проекты оставили другие мыслители. «Утопистов» хватало и при жизни Маркса и Энгельса, и до них, да и после них. Наиболее известные из таких проектов были доходчиво резюмированы в 1918 г. Туган-Барановским. Я отдельно высылаю Вам электронную копию его книги «Социализм как положительное учение». Прочитайте сами представленные здесь «утопические модели» и сравните их с обликом (“Gestalt”, выражаясь по-немецки) тех экономик, которые были возведены в «соцстранах», включая СССР и КНДР. Разительное сходство видно, что называется, невооружённым взглядом! Очень многое из того, что было задумано «утопистами», оказалось реализованным! И что? **Капиталистическая глобализация всё это упраздняет!**

Далее.

Пересмотрели ли классики своё отношение к «глобальному [universal] развитию производительных сил и устанавливающемуся глобальному [universal] общению {коммуникации} людей» как к явлению прогрессивному – к такому, которое – через отрицание отрицания, разумеется – только и может привести к глобальному же коммунизму? Хотя при этом оно может и упразднить «местные коммунизмы». Если бы пересмотрели, то зачем они призывали бы пролетариев всех стран объединяться, зачем активно работали по созданию Международного Товарищества Рабочих (I-го Интернационала)? Ответы очевидны. Можно, к тому же, вспомнить и такой факт: до конца жизни классики переиздавали свой «Манифест Коммунистической Партии», созданный ими в 1847-1848 гг. При этом Энгельс подчёркивал, что в «Манифесте Коммунистической Партии», в связи с новыми реалиями, можно пересмотреть и уточнить перечень революционных мероприятий, является неполной критика социалистической литературы, что уже исчез ряд политических партий, которые там критически упоминались. Но вместе с тем, «общие основные положения остаются в целом совершенно правильными». Вот! А одним из таких общих основных положений является следующее:

«Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было сохранение старого способа производства в неизменном виде. Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воз-

зрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения.

Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи.

Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций, — отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. Вместо старых потребностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и самых различных климатов. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература.

Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации.

Дешевые цены ее товаров — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т. е. становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию.

Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни. Так же как деревню она сделала зависимой от

города, так варварские и полуварварские страны она поставила в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы – от буржуазных народов, Восток – от Запада.

Буржуазия все более и более уничтожает раздробленность средств производства, собственности и населения. Она сгустила население, централизовала средства производства, концентрировала собственность в руках немногих. Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами, оказались сплоченными в *одну* нацию, с *одним* правительством, с *одним* законодательством, с *одним* национальным классовым интересом, с *одной* таможенной границей.

Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, – какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!

Итак, мы видели, что средства производства и обмена, на основе которых сложилась буржуазия, были созданы в феодальном обществе. На известной ступени развития этих средств производства и обмена отношения, в которых происходили производство и обмен феодального общества, феодальная организация земледелия и промышленности, одним словом, феодальные отношения собственности, уже перестали соответствовать развившимся производительным силам. Они тормозили производство, вместо того чтобы его развивать. Они превратились в его оковы. Их необходимо было разбить, и они были разбиты.

Место их заняла свободная конкуренция, с соответствующим ей общественным и политическим строем, с экономическим и политическим господством класса буржуазии.

Подобное же движение совершается на наших глазах. Современное буржуазное общество, с его буржуазными отношениями производства и обмена, буржуазными отношениями собственности, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями. Вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собой лишь историю возмущения современных

производительных сил против современных производственных отношений, против тех отношений собственности, которые являются условием существования буржуазии и ее господства. Достаточно указать на торговые кризисы, которые, возвращаясь периодически, все более и более грозно ставят под вопрос существование всего буржуазного общества. Во время торговых кризисов каждый раз уничтожается значительная часть не только изготовленных продуктов, но даже созданных уже производительных сил. Во время кризисов разражается общественная эпидемия, которая всем предшествующим эпохам показалась бы нелепостью, – эпидемия перепроизводства. Общество оказывается вдруг отброшенным назад к состоянию внезапно наступившего варварства, как будто голод, всеобщая опустошительная война лишили его всех жизненных средств; кажется, что промышленность, торговля уничтожены, – и почему? Потому, что общество обладает слишком большой цивилизацией, имеет слишком много жизненных средств, располагает слишком большой промышленностью и торговлей. Производительные силы, находящиеся в его распоряжении, не служат более развитию буржуазных отношений собственности; напротив, они стали непомерно велики для этих отношений, буржуазные отношения задерживают их развитие; и когда производительные силы начинают преодолевать эти преграды, они приводят в расстройство все буржуазное общество, ставят под угрозу существование буржуазной собственности. Буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство. – Каким путем преодолевает буржуазия кризисы? С одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил, с другой стороны, путем завоевания новых рынков и более основательной эксплуатации старых. Чем же, следовательно? Тем, что она prepares более всесторонние и более сокрушительные кризисы и уменьшает средства противодействия им».

Ныне мы воочию наблюдаем, уважаемый В.В., что всё вышепротитованное и сегодня имеет место! Это факт!!! Мало того, исторически УЖЕ доказано, что именно «местному коммунизму», то есть тем, странам, в которых были построены «социализмы» во многом по «рецептам» «утопистов» (ещё раз: см. упомянутую книгу Туган-Барановского, где соответствующие «модели» описаны!) присуще стремление к «местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства». Исторически доказано, что буржуазно-космополитический глобализм заставляет и такие «местно-коммунистические» нации «принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т. е. становиться буржуа»! К великому огорчению всех и всяческих социал- и коммунопатриотов.

Наконец, о русской общине. По большому счёту, её историческая судьба уже красноречива сама по себе. Не так ли? Канула сия община в Лету – бесповоротно.

Ну, насчёт того, как относился к ней Маркс. Маркс русскую общину исследовал. Итоги этого исследования хорошо известны.

8 марта 1881 г. Маркс написал в письме Вере Засулич следующее:

«специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития».

21 января 1882 г. Маркс и Энгельс написали вместе в Предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» вот что:

«рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной земельной собственностью мы находим в России большую половину земли в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община – эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей – непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада?»

Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития».

История и здесь продемонстрировала, что именно те негативные факторы, которые перечислили классики, рассуждая о судьбе русской общины, и возобладали. Единственное, что нужно, наверное, здесь подчеркнуть, так это то, что Маркс и Энгельс считали, что предстоящая в России грандиозная революция будет буржуазно-демократической. Долгое время так же считал и Ленин.

ПОХОД ЗА ИСТИНОЙ

А. Бобраков

Журнал «Неизвестный марксизм» объявил поход за истиной. Попытаюсь оказать посильную помощь в поиске этой истины. Для этого воспользуюсь советом Рене Декарта: «Уточняйте значение слов, и человечество избавится от половины заблуждений».

Две статьи журнала первого номера кажутся центральными: «Марксистская анатомия Октября и современность» (А. Кравец, Ю. Куценко, Д. Фомин) и «О социализме, государственном капитализме и советской экономике» (И. Потапенков).

Вопросы подняты важнейшие и на сегодня актуальнейшие, но решаются, по-моему, чересчур «научно», в смысле с отрывом от «грешной земли».

В анализе советского социализма сознательно или по незнанию исключен период экономических реформ Косыгина – Либермана, поставивших советскую экономику с ног на голову, то есть в положение, в котором долго не простоишь и крах ее – дело времени.

Принципиальное различие между социализмом и капитализмом – это разные цели производства и принципы распределения произведенного. Цель производства при капитализме – получение прибыли, при социализме – удовлетворение потребностей народа. Поэтому при социализме могут быть предприятия не прибыльными и даже запланировано убыточными, но они сохраняются, если в них есть потребность у населения. С точки зрения получения прибыли крайне нецелесообразно иметь железную дорогу в тех местах, где всех пассажиров едва наберется один вагон, или держать магазин в деревне, где покупателей по пальцам перечесть. Но с точки зрения заботы государства об интересах людей это не только целесообразно, но и справедливо.

На сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1965 года выступил Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин с предложением эффективность работы социалистического предприятия оценивать показателем прибыли. Разработчиком этой губительной для социализма идеи был профессор из Харькова Либерман.

Переход на показатели прибыли объяснили тем, что номенклатура изделий стала настолько громадной, что учитывать каждый гвоздь, каждый мотор и т. д. стало очень трудно (компьютерный учет тогда отсутствовал, бухгалтерии работали до поздней ночи), поэтому проще учитывать обобщенный продукт: трак-

тора разных марок и мощностей в условном 15 – сильном тракторе, тарелки - в рублях и т. д.

Так что формула И. Потапенкова: « В советской экономике производство совокупной стоимости есть цель...» характерна для поставленной на голову экономики социализма. Сталинский социализм целью производства считал производство необходимого для села, города, армии и т.д. Искривление этого начал Хрущев ликвидацией независимых от власти островов экономической жизни: артелей, единоличных хозяйств и даже колхозов через их укрупнение или перевода в совхозы, своими совнархозами и т.д.

Реформы Косыгина-Либермана привели к появлению паразитных звеньев в экономике, повышению стоимости производства, появлению теневой экономики, отсюда – появление людей с большими деньгами, возможности подкупать власть и т.д. Закономерный итог этого – замена социализма капитализмом. Поэтому критика «Косыгинского» социализма как истинного социализма – это маскировка истинных причин гибели первого государства рабочих и крестьян. Да, власть в СССР была не народа (он не мог снять с должности ни одного высокопоставленного чиновника, не то что президента), но для народа (до появления Горбачева).

Был социализм, ибо пытались внедрить социалистический принцип распределения: «От каждого – по способностям, каждому – по труду». Торжества полной реализации этого принципа не достигли по той же причине, почему распались коммунистические колонии Оуэна в Америке: «Желающих писать плохие стихи было больше желающих добросовестно ухаживать за коровами». Бог изгнал Адама и Еву из рая за паразитизм: «Зачем долгий и трудный путь познания? Съел с Древа познания яблоко – и все знаешь!» Принцип коммунизма: «От каждого по способностям, каждому по потребностям» предполагает потребности человека демографические, паразитические потребности в принципе невозможно удовлетворить. Советский народ считал, что он живет при социализме, пусть и не достроенном, и хотя труд был наемным, но работать при социализме на общество, в том числе и на себя – это не то, что работать на буржуя. Он (народ) не вдавался в тонкости, о которых пишут авторы, мною упомянутое, у него было главное: вера в будущее и чувство, что они, люди, кому-то нужны. Сегодня требуется расчистить горы словесного мусора и дать фундаментальные понятия о мире, чтобы энергия масс не растрачивалась попусту.

Фундаментальные истины:

1. *Главное противоречие мира в прошлом, настоящем и будущем – между тружениками и паразитами, поэтому не стареет гимн:*

«Лишь мы, работники всемирной,
Великой армии труда,

Владеть землей имеем право,
А паразиты – никогда!»

2. *Все остальные противоречия есть формы главного* (расовые, классовые, этнические, религиозные и т.д.) Паразит сидит в каждом из нас и процесс выдавливания его – долгий и трудный.
3. *Власть народа (демократия) – это форма власти, где предусмотрена и реально осуществима процедура снятия с должности любого начальника, т.е. подобие остракизма в древних Афинах.*
4. *Советская власть и социализм – это разные, не обязательно связанные друг с другом понятия.*

Советская власть – это форма власти, суть которой:

- народ выбирает депутатов, не получающих за свой депутатский труд денег, а где-то работающих и представляющих свой рабочий коллектив;
- депутаты нанимают чиновников, так называемый «исполком» Совета;
- народ через своих депутатов может снять с должности любого чиновника своего «исполкома», т.е. реализовать главный принцип демократии.

Аналогично избираются депутаты областного и республиканского уровня, перед которыми подотчетны соответствующего уровня чиновники.

В Ливии народовластие осуществляется по другому: народ выбирает муниципальных депутатов (поселковых, районных), избранные депутаты выбирают депутатов более высокого уровня по принципу пирамиды. Каждый уровень депутатов нанимает свой уровень чиновников.

В США в малых городах чиновников муниципалитета нанимает «Совет граждан». Так что «советская власть» очень распространена в мире на местном уровне. Различия появляются на верхних уровнях. Сталинская Конституция 1936 года была самой демократичной в мире. Там не было статьи о руководящей и направляющей роли партии вообще и ВКП(б) в частности. Ожидающиеся первые свободные и всеобщие выборы по новой Конституции спровоцировали с низов, уровней районных и областных партийных и административных, репрессии против ожидаемых конкурентов, т. е. людей авторитетных. За эти репрессии последовали контр репрессии 1937 года, которые почему-то у нынешних «демократов» вызывают наибольшую ненависть.

5. *Во все времена и на всех континентах исполнительная власть пытается задавить или подкупить законодательную власть, то есть стать хозяином страны. В России это сделано по полной программе:*

- депутаты работают на постоянной основе, получают на свое содержание деньги налогоплательщиков и чиновничьи звания, что позволяет им претендовать на высокие государственные должности после окончания депутатских полномочий (если не «кусали» чиновников);

- министры не отчитываются перед депутатами и их депутаты снять с должности не могут;

- Госдума, по сути, совещательный орган, ибо последнее слово за президентом – он утверждает принятые Думой законы. То же на уровне областном – губернатор утверждает законы, которые разрабатывают его чиновники.

6. *Основные законы бюрократии едины во все времена и у всех народов.*

«Собственностью бюрократии является само государство». Главный закон бюрократической пирамиды:

«Каждый уровень пирамиды мечтает избавиться от контроля выше стоящего уровня и спустить свою ответственность на ниже лежащий уровень, а если его нет – то создать». Вот почему первое следствие этого закона:

«Каждая бюрократическая система стремится к своему расширению».

Степень полезности бюрократии обществу, которое она обслуживает, зависит от степени контроля за ней.

Например, вся история Китая – это смена династий тогда, когда император терял управление бюрократий.

Сталин знал китайскую мудрость: «Чиновник должен сидеть так высоко и так неудобно, чтобы постоянно боялся упасть», и четко и жестко управлял чиновниками Советского Союза. Ситуация в России нынешней аналогов в истории, по-моему, не имеет: у чиновников нет императора, которого надо почитать и бояться, они сами – правящий класс России. Их союзники – олигархи. Естественно, что когда «нет кошки – мышки пускаются в пляс!» Вот мышки и грызут нашу Родину. Президент, конечно, это не император, это «первый – среди равных». Не является особенностью и наличие всего одной партии власти. Американский вариант: два рельса одного пути (демократы и республиканцы) в России не прошел, ибо главная роль партии в России – быть стержнем, на который нанизываются все неподчиненные друг другу ветви и органы власти. Сталин только за эту функцию терпел многочисленное откормленное племя партийно-комсомольских работников. «Единая Россия» – партия высших чиновников и олигархов – копирует КПСС в ее худших чертах. КПСС в свое время лишила Советы их права управлять чиновниками, став главной властью. Так же действует и «Единая Россия», так что «Справедливой России» смены власти и портфелей не дожидаться.

Свой запрет политических партий лидер Ливийской революции Муамар Каддафи так обосновывает: «Партия – это часть народа, которая объединилась

для достижения своих целей (интересов) за счет остального народа». Отсюда его лозунг: «Принадлежность к партии есть измена народу». Очень справедливый лозунг относительно «Единой России».

Бюрократия не терпит чужой независимости. Вот почему антикоммунист Ельцин расстрелял в 1993 году независимый Верховный Совет Российской Федерации, возглавляемый антикоммунистом Хасбулатовым. Созданная вместо Верховного Совета Государственная Дума находится в полной зависимости от исполнительной власти, так же, как судебная власть со всеми прокурорами. Надо учитывать, что Бюрократия, как всегда, говорит одно, а делает противоположное. Сегодня говорит о поддержке малого и среднего бизнеса, а фактически поддерживает монополии. Ими легче управлять: все кругом свои люди живут по понятиям. Законы обязательны для «быдла». Но монополизация всего и вся имеет исторический плюс: упрощает переход от капитализма к социализму.

Мы изучаем историю, чтобы понять настоящее, поэтому всякие сравнения с днем сегодняшним естественны.

Эти сравнения помогают также понять прошлое (обратная связь). Часть истин доказана днем сегодняшним. Например, сегодня все наглядно убедились, что передача крестьянину (сельхозработнику) земли в частную собственность однозначно завершается переходом этой земли в руки спекулянтов. Непризнание этой истины характеризует человека: или дурак (жертва массовой идиотизации населения, проводимой теми, в чьих руках средства массовой информации), или сволочь (специально обманывает народ). Отношение, например, к Сталину тоже характеризует не Сталина (он давно умер и поэтому не изменился), а человека, его оценивающего. «Моська знать сильна, коль лае на слона». Люди такого уровня, как Сталин, могут оцениваться только как функция (правителя, полководца, реформатора, вождя и т.д.) Мы видим их по делам, а не по словам.

Возможно ли создать такую систему управления обществом, чтобы назвать ее справедливой?

Библия (книга Экклезиаста) утверждает, что «все было». История человечества – это тысячелетия поиска таких систем управления обществом, чтобы управляющие работали на общество, а не на себя.

Исходя из этого опыта, предлагаю обсудить нереволюционные изменения в системе высшей власти.

1. Избиратели страны должны избирать непосредственно следующих высших лиц государства:

- Президента страны – Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами;
- Председателя Верховного Суда;

- Народного Трибуна – защитника народного и главного Прокурора:
- Председателя государственной избирательной комиссии.

Зарплату судьи и прокуроры должны получать из рук Председателя Верховного Суда и Народного трибуна соответственно.

Только так они станут независимы от исполнительной и законодательной власти и все граждане станут равны перед законом.

2. Быть избранными или назначенными на высшие государственные должности могут только лица, имеющие офицерское звание. Быть избранным или назначенным в органы государственной власти могут только лица, отслужившие срочную службу по призыву или добровольно.

(С 1 января 2011 года Германия перешла на срочную службу добровольную. На контрактную службу принимают после срочной службы).

3. Бюджет распределяет парламент:

- правительству
- судам
- прокуратуре
- комиссиям по реформам (реформировать армию, МВД, образование, здравоохранение и т. д. могут только комиссии, созданные парламентом под контролем прокуратуры и общественности, а не начальники армии, МВД и т.д.)
- избирательным комиссиям.

4. Избирателями могут быть только граждане России, имеющими «разный вес» голоса в зависимости от личного вклада в мощь государства. Например: способный защищать свое Отечество имеет 2 голоса.

Имеющий детей – имеет столько голосов, сколько имеет детей (для женщины. Для мужчины – дополнительно один голос).

В Древних Афинах мужчина, не способный вставать в строй воинов, не имел права владеть недвижимостью (не можешь защитить – не владей) и жениться на свободной (то есть не рабыне) женщине (нечего плодить себе подобных). Так что мои предположения очень даже демократичны и историчны. Я пока не касаюсь вопросов социальной справедливости:

- от каждого по способностям, каждому по труду;
- кому больше дано, с того больше спрос;
- прогрессивный налог;
- разрыв зарплат не более чем в 3 раза;
- законы понятные и однозначные;
- законы выгодные труженикам и вредные для паразитов, и т.д.

В заключении уточним значение слов и избавим человечество от половины заблуждений.

1. «Есть в мире одно благо – знание, и есть в мире одно зло – невежество», – считал Сократ. Что знание – сила и даже – власть, – объяснять не надо. А вот что такое невежество, зло – далеко не всем понятно. Многие считают злом знание и ссылаются при этом на «народную мудрость», мол «меньше знаешь – крепче спишь». В Ветхом завете, в книге «Экклезиаст», сказано: «Во многом знании – много печали. Умножающий познания – умножает скорбь». **Невежество** по гречески – *idioteia* (идиотия). Слово «идиот» имеет два значения. Первое, медицинское – это «человек, страдающий идиотией, самой тяжелой формой врожденного психического недоразвития – олигофрении». Второе, просторечное – глупый человек, дурак. Короче говоря, идиот – это невежественный человек. «Когда боги хотят наказать человека, они лишают его разума», – считали древние греки. Дальше человек будет наказывать себя сам, а если он еще и начальник, то и своих подчиненных, а если царь – то и всех подданных. Невежество потому и зло, что невежественный человек распространяет зло, живет со злом и рождает зло, и самое страшное, такой человек не отличает добро от зла. «Зло изощренно – добро бесхитросно», – говорил Цицерон. Антисфен из Афин предупреждал: «Государства погибают тогда, когда перестают отличать дурных от хороших».

2. Самое распространенное сегодня слово – политика. В самых различных модификациях. И это не случайно. Слово «политика» придумал Аристотель, великий философ древности и учитель Александра Македонского. В переводе с греческого «поли» – много, «тикос» – интерес. То есть *politicos* – много интересов, или «искусство сочленения многих и разных интересов». Главным в слове является *tikos* – интересы. Когда чиновники в правительстве или депутаты в Госдуме начинают говорить о политике, подумайте, какие и чьи интересы они отстаивают, лоббируют, проводят и осуществляют. Очень интересное занятие для ума! И сразу виден идиотизм логунга: «Армия вне политики». Хотя даже идиоты знают: «Война – продолжение политики». (Клаузевиц).

3. Ну а про «демократию» я уже и не говорю, так это слово заезжено и истерто. Прямое значение слова (*demos* – народ, *kratos* – власть) – «власть народа». Но Аристотель в своем трактате «О государстве» выделил шесть видов государственного устройства: три – правильных и три – неправильных, то есть извращений первых трех. Правильные: монархия, аристократия, полития. Неправильные: тирания, олигархия, **демократия**. **Монархия** – правление одного во имя общего блага. **Тирания** – правление одного ради собственной выгоды. **Аристократия** – правление немногих, но лучших (а не богатых или знатных), осуществляемое в интересах всех граждан. **Олигархия** – правление немногих, но состоятельных, думающих о собственной выгоде. **Полития** – правление большинства, избираемого на основании определенного имущественного ценза и пекущегося об общем благе. **Демократия** – правление неимущего большинства в интересах исключительно этого большинства. Если руководствоваться клас-

сификатором Аристотеля, то ни одна из форм правления к России не подходит. У нас – плутократия (plutos – богатство, kratos – власть) Не власть плутов, как может показаться с первого раза, а власть богатства, власть богатых ради интересов богатых. Вообще-то плутократия – редкая форма государственного устройства, она возникает, как правило, в наиболее отсталых в политическом смысле и развитии странах. Вот так, двигаясь после 1991 года по пути демократии, мы пришли... сами понимаете к чему.

ТРИ ЭТАПА И ТРИ СОСТАВНЫХ ЭЛЕМЕНТА КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В СССР

Человек нечитающий перестает мыслить.

Дени Дидро

В 2007 г. президент России В.В. Путин на совещании историков в Ново-Огарёво призвал писать и показывать по телевидению правду истории (очень похвально и мудро!), но почему-то именно после этого события поток лжи на историю СССР по ТВ, радио и в прессе только усилился. Сегодня любое упоминание о прошлом обязательно содержит какую-нибудь гадость о стране и её героях. А без героев нет народа, есть население. Поэтому возникает подозрение: или власть не управляет, а только провозглашает, или сознательно лицемерит, говорит за здравие, а всё делает за упокой. Но, так или иначе, такая позиция в освещении новейшей истории объективно подтачивает ножки трона, на котором сидят те, кто управляет страной.

Проблему В.В. Путин поднял чрезвычайно важную для будущего России: на лжи, горькой или сладкой, сознательной или основанной на безграмотности, нельзя принимать правильные решения.

23 августа 2006 г. состоялось заседание Русского исторического клуба. Обсуждалась тема: «Август 1991 года. Пятнадцать лет спустя». Председатель Клуба ныне покойный Валерий Федорович Полосин включил в число докладчиков и меня, Бобракова А.В. По итогам заседания решено было подготовить сборник тезисов, и я тоже сдал свое выступление в редакционную комиссию. Но 7 ноября 2006 года В.Ф. Полосин скорпостижно скончался, и выпуск сборника отложился на неопределенное время. Такова предыстория публикуемой ниже статьи.

Великие переломы в истории человечества не случаются вдруг и не происходят мгновенно. Революции подготавливаются всем развитием общества, если оно направлено против народа. Контрреволюции начинаются на второй день после победы революции.

Тех, кто ясно видит мир и предупреждают человечество о грядущих событиях, которые по логике вещей должны произойти, называют пророками, провидцами, оракулами, но, тем не менее, люди не верят им, продолжают делать то, что неминуемо приведет к предсказываемым событиям, поэтому для них всё происходит внезапно.

В начале 20-го века русский религиозный философ Н. Бердяев писал, что «Человеческий род постепенно перерождается в человечество». То есть он считал, что пока в человечестве преобладает животное начало, но постепенно люди изживают в себе звериные начала: кровожадность, эгоизм, паразитизм и другие подобные черты. Прошедший век показал, что это перерождение идет индивидуально, т. е. в массе народонаселения всё больше появляется людей, живущих по принципу «Человек человеку друг, товарищ и брат». Немецкий социальный психолог Эйлер, долго изучавший характер поведения людей в экстремальных ситуациях, вывел определенные его закономерности и представил их в виде графика, названного позднее «палаткой Эйлера». При естественном отборе она выглядит так: 10 % альтруистов, посвящающих жизнь другим и ради других, (герои), 10 % рвачей, живущих исключительно для себя и ради своих алчных интересов (злодеи), а середина, эта огромная масса населения, одинаково предрасположенная и к героизму, и подлости (управляемая масса). Войны, революции и другие катаклизмы выбивают в первую очередь честных, совестливых, добрых, смелых людей, процент людских сорняков увеличивается, человечество «звереет», «палатка Эйлера» смещается влево. Разумно управляемое, социально ориентированное общество борется с паразитами во всех проявлениях, и «палатка Эйлера» смещается вправо. Людей становится больше, чем «зверей», и человеческий род действительно начинает превращаться в «человечество».

62 года назад, в феврале 1956 г. на XX съезде КПСС коммунисты Советского Союза предали анафеме своего умершего вождя, коммуниста И. В. Сталина. Сегодня Сталина ругают антикоммунисты.

Такое единодушие коммунистов и антикоммунистов говорит о том, что либо Сталин не был коммунистом, либо делегаты XX съезда КПСС не были коммунистами. (Сегодня антикоммунисты, в своем большинстве бывшие члены КПСС, объединившиеся в партию «Единая Россия», ещё больше ненавидят Сталина, и прежде всего за то, что он боролся с паразитами за интересы и счастье трудового народа). Приходится с горечью признать, что XX съезд КПСС

продемонстрировал тот факт, что КПСС переродилась в партию власти – партию бюрократии.

Разве не на наших глазах член ЦК КПСС Ельцин разогнал КПСС, а генеральный секретарь Горбачев, развалив Советский Союз, объявил себя главным борцом с коммунизмом? И разве не при нас и не при нашем участии (неучастие есть форма участия) контрреволюция одержала победу «в стране победившего социализма»?!

Борьба против Революции началась уже на другой день после «Штурма Зимнего». Она проходила и в форме ожесточенной гражданской войны, и в форме вялотекущей «холодной» гражданской войны, но все 80 лет она не прекращалась ни на миг. И если Сталин успешно справлялся с ситуацией и держал противников советского строя, контрреволюционеров под контролем и не позволял им сорганизоваться, то после его смерти они сумели не только объединиться, но и начать действовать, чтобы разрушить систему, созданную Революцией. Этот период, со смерти Вождя до XX партсъезда, называли «оттепелью». Неожиданно точное определение. Оттепель – это сырость, грязь, очнувшиеся комары и проснувшаяся плесень. В этой среде и стали стремительно размножаться микробы и бактерии либерализма и потребительства. Начался первый этап подготовки контрреволюционного переворота – идеологический. И старт ему дал именно XX съезд КПСС, а точнее доклад «О культе личности Сталина», с которым выступил Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущёв 25 февраля 1956 г. уже после официального закрытия съезда. Естественно, всё было облечено в форму улучшения социализма и борьбы с его отдельными недостатками. Впоследствии все удары по коммунистической идеологии и практике наносились именно с позиций «борьбы за улучшение и повышение, за демократизацию и совершенствование» того и другого.

Следствием доклада Хрущёва стал распад мирового коммунистического движения, снижение привлекательности идей социализма, пошатнувшийся авторитет Советского Союза, добытый морями крови в годы Второй мировой войны.

Внутри страны последствия оказались более катастрофическими. Критика «культа личности» очень быстро переросла в критику всего и вся за весь период Советской власти. Поскольку героический путь советского народа, первым в истории попытавшегося построить новое человеческое общество, где ликвидирован паразитизм одних людей на труде других, был назван «репрессиями», постольку в сознание людей была вбита мысль о том, что «не туда шли». Идея служения обществу и народу была подменена идеей личного благосостояния и потребительского отношения к жизни. Разом и навсегда упало доверие к власти и вождям. И главное – коммунистическая идеология начала замещаться комму-

нистической фразеологией, а воспитание масс перешло от принципа «Делай, как я!» к лозунгу «Делай, как я говорю!».

Доклад Хрущёва появился не вдруг и не случайно. На XIX съезде КПСС избранный членом Президиума ЦК Г.М. Маленков в своем выступлении сетовал, что многие директора государственных предприятий ведут себя как их собственники. Руководители, партийно-хозяйственная элита, в условиях естественного снижения доли коммунистов во всех звеньях управления и снабжения, не испытывали угрызений совести и просто хотели жить красиво и весело. Даже самые, казалось бы, доверенные лица в окружении Сталина не выдержали искушения воспользоваться своим служебным положением и возрадоваться жизни. Спрашивается, зачем Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову потребовалось 7 железнодорожных вагонов трофейного барахла из Германии? А ведь привез, разместил на квартире и на даче, превратив ту и другую то ли в музей, то ли в вещевой склад. Именно за это, а не из-за зависти к полководческим талантам маршала, как сегодня пытаются представить дело публицисты, Сталин отправил его в Одессу командовать военным округом. Лично бескорыстный и скромный в быту Генералиссимус не давал своим товарищам превращаться в удельных князьков. За это его и устранили.

Ситуация в принципе рядовая. Робеспьера убили его коллеги по Конвенту за то, что он был «функцией революции», абсолютно бескорыстной лично. По судьбе Дантона вороватые коллеги Робеспьера поняли, что придет и их черед и нанесли упреждающий удар. Маршалы предали Наполеона потому, что, дав им богатство и титулы, он не давал им времени наслаждаться жизнью.

Сталин понимал, что правящая партия превращается в гигантскую клоаку, занятую исключительно карьерным ростом и расстановкой кадров, а коммунистическая идеология превращается в религию: в нее верят, но не понимают. Труды по общественным наукам превращаются в цитатники основоположников марксизма-ленинизма и самого тов. Сталина. Но такая наука не могла дать ответа на изменившуюся ситуацию в стране и мире. Она не могла выработать теоретические основы движения вперед. Попытка Сталина в последней работе «Экономические проблемы социализма в СССР» заставить партию заняться теорией социализма, вернуться к воспитанию строителя коммунизма, не увенчалась успехом. И.В. Сталин хотел сделать главное: рост производительности труда направить не только на снижение цен, что уже осуществлялось, а на сокращение рабочего дня для лиц, занятых в материальном производстве.

Рост производительности труда ничего не изменил для рабочего класса, но позволил наплодить работников непроизводительного труда, что закономерно позволило «семерым с ложкой» самым демократическим путем сесть на шею «одному с ложкой». В конечном счете, Сталин оказался в вакууме, его соратни-

ки гнили в более материальном мире, он мешал им «жить», его попытки избавиться от окружающих его идеологических паразитов приводили к обратному результату. Он видел, что формируется партийно-хозяйственная элита, для которой интересы народа находились далеко не на первом месте, но он уже ничего не успевал сделать.

Со смертью Сталина СССР лишился своей концептуальной власти. Как Сталин и предвидел: «Без теории нам смерть!», Советский Союз незаметно для народа стал жить по рецептам чужой концептуальной власти. (Сегодня Россия уже открыто управляется по ее установкам). Начался второй этап контрреволюции— экономический: создание в недрах социалистической страны сил и классов, заинтересованных в ликвидации социализма.

В 1961 г. на XXII съезде КПСС была принята новая программа КПСС и Хрущев пообещал советскому народу, что через 20 лет он (народ) будет жить при коммунизме, т. е. будет реализован принцип: «От каждого по способностям, каждому – по потребностям». Но ни руководство, ни наука не занялись определением критериев и размеров этих потребностей. Паразитические потребности человека безграничны, их в принципе невозможно удовлетворить. Потребности жизненно обусловленные определить можно, в то время в некоторых капиталистических странах уже существовало научно обоснованное понятие так называемой «потребительской корзины».

Вместо определения потребностей и организации главного при социализме – учета меры труда и меры потребления каждого – Хрущев занялся любимым делом бюрократии всех времен и народов – реорганизацией управления народным хозяйством и ликвидацией независимых от власти островов экономической жизни: артелей, единоличных хозяйств и даже колхозов через их укрупнение или перевод в совхозы. Введение совнархозов разрушило единый хозяйственный механизм страны, у народа и руководителей возникли естественные вопросы типа: почему эстонским совнархозом управляют министры и ЦК компартии, а совнархозом в такой же по размерам Калининградской области – чиновники и партийные комитеты рангом и зарплатой меньше?

На пленуме ЦК КПСС в октябре 1964 г. Хрущева сняли «за волюнтаризм». Но новое руководство КПСС и государства не только не остановили контрреволюционные процессы, запущенные Хрущёвым, но и продолжили их, может быть, сами того не понимая. В 1965 году ЦК КПСС приступил к осуществлению экономических реформ. Они стали называться – «косыгинскими», ибо с обоснованием их необходимости и содержания на сентябрьском Пленуме 1965 года выступил Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин,

один из самых опытных хозяйственных руководителей СССР. Разработчиком же их был профессор из Харькова Либерман.

Суть их: главным показателем эффективности работы социалистического предприятия была названа прибыль. Тем самым социалистическая экономика была поставлена на голову: стоять можно, но долго не простоишь. Цель производства при социализме – удовлетворение потребностей населения страны, при капитализме – получение прибыли. Поэтому при социализме предприятия могут быть и не прибыльными, и даже убыточными, но они сохраняются если есть в них потребность у людей. С точки зрения получения прибыли крайне не целесообразно иметь железную дорогу в тех местах, где всех пассажиров едва ли наберется один вагон, или держать магазин в деревне, где покупателей – по пальцам перечесть. Но с точки зрения заботы государства и властей об интересах это не только целесообразно, но справедливо и достойно.

Переход на показатели прибыли объяснили тем, что номенклатура изделий стала настолько громадной, что учитывать каждый гвоздь, каждый мотор и т. д. стало очень трудно (компьютерный учет тогда отсутствовал), бухгалтерии работают до поздней ночи (было такое!), поэтому проще учитывать обобщенный продукт: трактора разных марок и мощностей в условном 15-сильном тракторе, тарелки в рублях и т. д. Проще для учета и сравнения в соцсоревновании. Но так как для увеличения производства нужен ум, организация, творчество. то проще стало увеличивать цену без роста производства. Например, на тарелочку добавили цветочек – и цену в 2 раза увеличили. Больше прибыль – всем польза: и директору, и рабочему. Заводу стало выгодно, чтобы комплектующие становились более дорогими: они увеличивали цену всего изделия, что было выгодно всем на данном конкретном заводе, но это был вред всему Советскому народу.

Хозяйственники потеряли интерес к росту производительности труда и, главное, к освоению нового, – уж очень это хлопотно и невыгодно. Но «свято место пусто не бывает», и новые товары, например, джинсы, стали изготавливать на подпольных предприятиях. Появилась теневая экономика, а с нею и теневые капиталы, и тайные миллионеры. Раз появились большие деньги, появилась возможность покупать власть. Появилась местная элита, в которую обычно входили директора предприятий, больших магазинов, главврач, начальник милиции, прокурор и т. д. Директор продовольственного магазина мог сделать полковника генералом одним звонком министру обороны.

«Левые» деньги требовали легализации, хотелось жить с шиком, а не пить коньяк «Наполеон» под одеялом.

Советская элита связывала свое благополучие с большевистской партией и ее вождем, хотя Сталин и держал её в жесткой узде, в строгости и даже страхе.

Хрущевская и особенно послехрущевская элита уже не только хотела жить «по-западному», но и иметь возможность передать свои привилегии и «добытое непосильным трудом» детям, т. е. ей нужна была частная собственность.

К началу 80-х годов в СССР сложился довольно значительный слой богатых и (или) обладающих реальной властью людей, готовых похоронить социализм. Пришло время сплотить всю эту стихийно контрреволюционную массу в организованную силу. Этим занялся Ю.В. Андропов, выдвиженец Хрущева. Впервые в истории фактическим и формальным главой государства стал начальник секретной службы – председатель КГБ.

Закончив в 24 года техникум водного транспорта, Юрий Андропов ни дня не работал по специальности – стал профессиональным комсомольским, а потом партийным работником, как и его будущий выдвиженец М.С. Горбачев. В кадровой политике партии наступили иные времена. Руководящие посты в государстве стали быстро заполняться людьми, которые, никогда ни за что лично не отвечая, учили ответственности других. Они руководили, не вдумываясь в то дело, которым руководили. Зато они хорошо знали, что нужно начальству и никогда не забывали о своих интересах. Наступал третий этап контрреволюции – политический.

В 70-е годы по распоряжению председателя КГБ Ю.В. Андропова были прекращены борьба с национализмом на окраинах Союза и ведение досье на руководителей, начиная с уровня первого секретаря райкома партии и командира дивизии. Высшие эшелоны номенклатуры выводились из-под контроля. Бесконтрольность неминуемо влечёт за собой злоупотребления. Началась ликвидация так называемых «неперспективных деревень», в разряд которых переводились все сельские поселения русской коренной нации. Шел постепенный, но методичный демонтаж сталинской системы образования, позволивший стране вывести человека в космос. Уже не космополитизм, а откровенное преклонение перед всем западным, от шмоток до «шатлов», стало определять общественное сознание. В 1985 году к руководству партией, уже насквозь идеологически перерожденной, пришел человек с черной меткой на лбу – М.С. Горбачев. В 1987 году он провозгласил «перестройку» – стал «исправлять» социализм капитализмом. В августе 1991 года КПСС была отстранена от власти. 8 декабря 1991 г., 280 миллионов советских людей лишились своей Родины. Контрреволюция перетекла в реставрацию. Советский Союз был разорван на части, Россия повернула вспять – в капитализм.

В октябре 1993 г. антикоммунист Ельцин расстрелял из танковых орудий Верховный Совет, возглавляемый антикоммунистом Хасбулатовым. Произошла «структурная» перестройка буржуазно-криминальной власти в пользу бюро-

кратии. Президент по новой Конституции получил практически неограниченные права в управлении страной.

В советское время часто дискутировали на тему: в СССР – власть народа или власть для народа? Теперь мы можем дать однозначный ответ: власти у народа не было никогда. Народ не мог снять с должности даже плохого руководителя районного звена, не говоря уж о руководителях высшего уровня. Но власть была для народа, пока у власти находились коммунисты со Сталиным во главе. Теперь власть – своих и для своих, для узкого правящего и обогащающего слоя новой буржуазии.

Власти в руках народа не было никогда, поэтому и стала возможной эта «контрреволюция сверху».

1. ТОВАРНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

В условиях социализма сохранилось старое разделение труда на умственный и физический труд, не уничтожено товарное производство. Феномен сосуществования товарного производства с единой государственной собственностью сбивал с толку политэкономов, начиная со Сталина и до наших дней. Этот феномен выпадает из трактовки классического марксизма. Здесь я попытаюсь кратко изложить свое понимание данной проблемы для того, чтобы двигаться дальше.

Образование государственного социала на базе старого разделения труда сохранило и упрочило управленческий труд, в котором отношение распоряжения рабочими местами, средствами производства и жизненными средствами приобрело ведущее значение. В цезарианский период централизованного социализма это отношение было почти полностью сконцентрировано в руках цезаря. Колхозно-кооперативная собственность сохраняла свое название, но фактически не существовала, поскольку земля перешла в государственную собственность и оплата труда в деревне проводилась натуральным продуктом. В городе физический труд соизмерялся заработной платой, чиновники получали установленные оклады за служение цезарю. Деньги не имели золотого содержания, не являлись средством обращения, выполняли лишь функции обмена. Это ограничивало денежное обращение. Между городским населением и государством проявлялись ограниченные меновые отношения. Поэтому сохранились стоимостные категории, но которые не служили экономическим регулятором, а выполняли учетные функции. Такую же роль в этот период играл хозрасчет. В этих условиях преобладал целенаправленный продуктообмен в денежном измерении, что находило отражение в политэкономических воззрениях Сталина.

После его смерти политэкономы, отражая развитие экономики социалистического общества, разделились во мнениях на природу товарного производства. Наиболее упорные приверженцы сталинской доктрины отстаивали идею бестоварного социалистического производства, упираясь на утверждение К. Маркса о том, что товар и деньги не совместимы с социализмом. Эти политэкономы не видели особенностей диалектического развития современного этапа. Другие утверждали, что из-за разделения труда в обществе и потому что труд

не стал первой необходимостью, осталось товарное производство. Но эти ученые не смогли объяснить механизм его сосуществования с единой государственной собственностью.

Первых стали называть «кавалеристами», обвиняя за то, что они хотят «кавалерийской атакой» овладеть твердыней социализма. Вторые стали называться товарниками, их обвиняли в возрождении капитализма.

Была третья группа политэкономов в Ленинградском университете, которая обращала внимание на то, что социалистические предприятия владеют средствами производства, не являясь их собственниками. Эта группа ученых ближе подошла к сущности товарного производства, но их взгляды задушила имперская социократия.

Однако все политэкономы, работавшие в этой области, отошли от методологии революционного марксизма, они не видели особого проявления отношений государственной собственности, не поняли развивающегося соотношения между разделением труда в обществе и разделением труда внутри производства на уровне управления и отказались от классового подхода при оценке интересов.

Но дальнейшее развитие социализма выявило расширение отраслевого и углубление производственного разделения труда, которые обособили отношение распоряжения государственным социалом и выделили специальных персон – распорядителей этой формы собственности, превратив их в первых лиц управления. Между этими лицами также происходит разделение труда по вертикали и горизонтали, которое это обособление доводит до раздельного распоряжения рабочими местами, средствами производства и жизненными средствами на разных уровнях пирамиды государственной власти.

В результате последующего разделения труда внутри государственного социала произошло обособление отношения распоряжения от других отношений собственности, например, владения. Теперь тот, кто распоряжается ею – не владеет, а кто владеет, – не распоряжается. Такое обособление отношений обезличило собственность, она стала принадлежать всем и никому.

На этом обособлении образовался общественный класс распорядителей государственной собственностью, называемый социалиями. Ему противостоит другой общественный класс, владеющий средствами производства – основной частью этой собственности. Таким классом является рабочий класс.

Разделение труда между распорядителями государственной собственности по признаку иерархии управления превратило распоряжение, в отдельный акт, отделив одного распорядителя от другого. Это отделение поставило каждого из них в положение агента меновых отношений. По вертикали эти отноше-

ния проявляются, как отношения подчинения, поскольку сохраняется централизация, по горизонтали – как отношения равноправных контрагентов.

В тоже время рабочие места, средства производства и жизненные средства являются продуктами физического труда. Для того чтобы эти продукты превратились в товар, не обязательно должны существовать их собственники. Достаточно чтобы те, кто владеет средствами производства /рабочие/ производили, а другие /социалии/ обособленно и отдельно распоряжались произведенными продуктами физического труда. Тогда эти продукты, переходя от одного распорядителя-социалия к другому, обмениваясь, друг на друга, остаются в распоряжении класса социалиев. Поэтому этот класс является господствующим в обществе.

Такой обмен приобретает суть товарного обмена в рамках единой государственной собственности, так как обмениваемые продукты физического труда соизмеряются всеобщим эквивалентом – временем на их производство.

Абстрагируясь от принадлежности вещи, для того, чтобы она получила общественное признание нужно, прежде всего, распорядиться ею для обмена. Факт такого признания вещи в условиях старого разделения труда превращает ее в товар. Она становится товаром не потому, что кому-либо принадлежала, а лишь потому, что получила общественное признание после распоряжения ею для обмена. Обособленное и отдельное распоряжение продуктами физического труда выполняет эту первейшую функцию товарного обмена. Отсюда производство готовых продуктов физического труда не может быть иным, кроме как товарным.

Товарообмен оформляется по вертикали как фондирование вниз и отчисления прибылей вверх. По горизонтали как хозяйственно-торговые связи равноправных контрагентов-товаропроизводителей, т.е. государственных предприятий. Выразителями их экономических интересов являются социалии – распорядители государственного социала на всех уровнях пирамиды государственной власти.

Каждый социалий одновременно – первое лицо управления. У них сложно переплетаются два общественных интереса: классовый и управленческий, вытекающие один из другого и составляющие причинно-следственные связи экономического и личного поведения. Классовый интерес порожден фактом распоряжения государственной собственностью, управленческий интерес обусловлен личными удобствами, управлять, которые проявляются, как возможность властвовать. Оба интереса сливаются в один материальный интерес: сохранить и упрочить свое социальное положение, обеспечивающее благополучие. Каждый в отдельности социалий, выражая экономические интересы подведомственного, учреждения или предприятия отражает, прежде всего, свой

материальный интерес. В мозгу социалия эта связь интересов преломляется как собственная непогрешимость. Социалий смотрит на себя как на человека, дающего своим подчиненным возможность работать и жить, а подведомственное учреждение или предприятие он видит как свою частную собственность. Пребывая в таком извращенном сознании, социалии чувствуют себя полновластными хозяевами, независимо, будучи назначенными или выбранными на центральное должностное место. Сосредоточение бесконтрольного распоряжения государственной собственностью на одной персоне со временем неизбежно развращает ее и превращает в худший вариант держиморды. Такой участи подвержены все социалии с нижних до верхних эшелонов власти. Только рабочий контроль снизу способен ослабить это явление.

Каждый социалий, в отдельности управляя, выдает классовый интерес за интерес своего учреждения или предприятия, точно так же, как класс социалиев в целом, свои классовые интересы выдает за интересы всего народа. Например, министр или директор предприятия выражают каждый свой управленческий интерес через общий классовый интерес. Поэтому их классовые интересы совпадают, а управленческие расходятся. На этом расхождении производственные социалии выступают против всевластия министерских социалиев, а министерские стремятся сохранить это всевластие. Но те и другие единодушны в стремлении угнетать рабочий класс в своих материальных интересах. В этом их общий классовый интерес.

Разность управленческих и общность классовых интересов наиболее ярко проявляется в развитом товарном производстве, когда всевластие становится тормозом предприимчивости и деловитости, а угнетение рабочих проявляется на фоне обогащения немногих при относительном обнищании большинства. За неразвитой товарностью производства скрыта противоположность классовых интересов господствующего класса социалиев и рабочего класса. Эта противоположность не проявляется в явных формах, поэтому рабочие не осознают себя как классовое целое.

До тех пор пока товарность социалистического производства носит однобокий характер, рабочий класс не обретет свою революционность. Эта однобокость проявляется в том, что экономическое поведение социалиев, которые одновременно являются первыми лицами учреждений и предприятий, предопределяются не свободным выбором коммерческих стратегий, а применением тактики, подчиненной, с одной стороны, интересам вышестоящего социалия, с другой, стремлению выразить свой управленческий интерес. Поэтому свобода выбора экономического поведения ограничена, и не проявляется, как предпринимательская предприимчивость. Эта ограниченность, следовательно, и одно-

бокость товарности социалистического производства, связаны с централизацией экономики и предаются на всю систему товарно-денежных отношений.

Целенаправленное распоряжение готовой продукцией по фондам является анахронизмом цезарианства. Оно нейтрализует товарность производства и придает ему форму продуктообмена при денежном учете затрат труда. Отсутствие свободного рынка средств производства, развитие которого сдерживается централизацией, снижает проявление готовой продукции как товара. Ведь продукт физического труда проявляет себя в полной мере как товар только в условиях рынка. Отсюда не заинтересованность социалистов в коммерческих сделках и в развитии общественного производства. Эта объективная незрелость отражается в субъективном сознании рабочих, как временные трудности, которые постепенно преодолеваются. У них остается надежда на улучшение условий труда и жизни, поскольку еще не резко проявлялась социально-экономическая дифференциация общества.

Однако недоразвитая товарность производства все больше вступает в противоречие с экономическими интересами господствующего класса, который получает относительно меньше материальных благ от своего господства по сравнению с предыдущими периодами. Поэтому требуется либерализация экономики, которая предоставляет больше коммерческих свобод производственным социалистам. Но эта либерализация активизирует революционность рабочего класса, так как коммерческая самостоятельность приводит к обогащению. Вместе с тем, социалисты не желают упускать властвование и поэтому как зеницу ока берегут централизацию. Но коммерческие свободы и самостоятельность производственных социалистов могут быть достигнуты только на базе развитой товарности производства. Противоречие состоит в том, что развитая товарность производства отменяет централизацию, а централизация не дает развиваться товарности производства.

Противовесом этому противоречию выступает зарождение кооперативной собственности, которая является альтернативной государственной собственности и вместе они проявляются как две борющиеся противоположности. Кооперативная собственность, обращенная в кооперативный социал, представляющий одну из разновидностей социализированной собственности, усилит товарность социалистического производства. Однако пройдет длительный стадийный путь зарождения, становления и подъема кооперативного социала.

В настоящее время этот вид социализированной собственности находится на стадии зарождения, во многом копируя государственную собственность, и поэтому принимает искаженные формы.

Кооперативный социал – это наиболее яркое проявление товарности социалистического производства. Но чтобы он не переродился в частную собст-

венность, распоряжение и владение средствами производства снова объединятся, только не в одних руках, а у членов рабочих кооперативов. В этих условиях их руководство будет наниматься в качестве социалистических менеджеров, работающих в интересах коллективного нанимателя. Зарботки социалистических менеджеров составят долю кооперативной собственности в форме денег, зависящую от продуктивности решений, принятых общим собранием членов кооперативов. Все это усилит товарность производства при сохранении его социалистического уклада. Экономика вступит в децентрализованный этап развития.

Такой оборот истории не был предусмотрен классическим марксизмом, хотя в известных трудах К. Маркс подчеркивал примат коллективного производства над государственным. В. Ленин не исключал развитие социализма на основе товарного производства цивилизованных кооперативов. Но ни Маркс и Ленин не могли предусмотреть товарности производства в рамках единой государственной собственности. Реальная практика вводит свои уточнения и поправки, но это нисколько не умоляет революционный марксизм. Важно, чтобы развитие товарного производства не захлестнулось буржуазной стихией. Этому может противостоять только организованный рабочий контроль как внутри производства, так в сферах товарного и денежного обращения. Каким будет этот контроль, покажет само развитие товарного производства.

2. ОСОБЕННОСТЬ СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

П. 1. ТОВАРНЫЙ ХАРАКТЕР И СТОИМОСТЬ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ.

В силу экономического обособления распорядителей и их отдельного распоряжения рабочими местами, средствами производства и жизненными средствами в рамках государственного социала, которые не являются собственностью конкретных субъектов, обмениваясь, друг на друга сохраняют существенные свойства товаров. Отсюда сохраняются товарно-денежные отношения как единственно возможные при наличии старого разделения труда.

На создание рабочих мест и средств производства затрачивается физическая сила прошлого труда, восстановление которой требовало других товаров – жизненных средств. Но с другой стороны, отсутствие рынка труда и невозможность распоряжаться чужой рабочей силой до начала процесса производства исключает ее из сферы товарного обращения. В этом случае рабочая сила при социализме не является товаром и значит, не имеет стоимости.

Если способность к труду рабочих не обладает стоимостным эквивалентом в готовом продукте, то таким образом создается стоимость готового про-

дукта? Если рабочая сила не имеет стоимости, то почему существует стоимость товаров? Откуда она берется, если государственный социал уничтожил «частное дело самостоятельных товаропроизводителей?» На эти вопросы современная политэкономия социализма также не дает вразумительных ответов.

Действительно, с появлением государственного социала рабочая сила перестала продаваться на рынке труда, но сохранился физический труд, и осталась потребность восстанавливать затраченные физические силы потреблением жизненных средств. Теперь рабочие сами покупают рабочие места и владеют средствами производства. Но в ходе производственного процесса рабочая сила попадает под распоряжение социалиев и рабочие обменивают ее на жизненные средства посредством заработной платы. Посмотрим, как это происходит.

Каждое рабочее место как товар имеет две стороны: стоимость предложения и стоимость спроса. Стоимость предложения кристаллизирует затраты настоящего труда за прибавочное рабочее время. Стоимость спроса отражается в затратах настоящего труда за необходимое рабочее время.

Обмен этими стоимостями происходит на рабочих местах после их покупки рабочими. При этом обмениваются затраты физических сил для производства прибыли на заработную плату. Поскольку рабочие покупают рабочие места как товар, постольку затраты их физических сил выражают меновые стоимости этих товаров на рынке рабочих мест. Но сам обмен физических сил на заработную плату происходит уже не на рынке рабочих мест, а на рабочих местах. Если в ходе производства затраты физических сил компенсируются заработной платой, то прибыль – эта та стоимость, которую рабочие добровольно отдают в распоряжение социалиев за возможность работать на конкретных рабочих местах. Такой обмен должен подчиняться законам товарного обмена.

Следовательно, на рабочих местах стоимость их предложения модифицируется в прибыль, стоимость их спроса – в заработную плату, затраты физических сил в их меновые стоимости, а техническое оснащение – в их потребительные стоимости.

Но затраты физических сил – это суть рабочей силы. Тогда рабочая сила, выраженная меновой стоимостью рабочего места отражает свою собственную стоимость, через стоимость спроса рабочего места, ибо не может состояться обмен труда, если отсутствует меновой эквивалент. Таким эквивалентом является необходимое рабочее время, определяющее стоимость рабочей силы, равная получаемой заработной плате.

Зависимость рабочей силы от такого обмена придает ей товарный характер, т.е. в ней остаются некоторые признаки товара, хотя уже не является товаром в прямом смысле, в классическом понимании. Товарный характер рабочей силы при социализме проявляется не на рынке труда, как при капитализме, а в

меновых отношениях на рабочих местах. Эти отношения проявляются по схеме: рабочий, купив рабочее место как товар, добровольно отдает физические силы на производство прибыли, социалии за это выплачивают заработную плату, соответствующую стоимости жизненных средств для восстановления затраченных физических сил. Такой обмен должен быть эквивалентным, поэтому происходит в соответствии с законом стоимости.

Согласно этому закону рабочие должны получать столько жизненных средств, сколько вкладывают физического труда в производство прибыли. Соизмерителем такого обмена является индивидуальное время, затраченное, с одной стороны, на производство прибыли данными рабочими; с другой, на создание жизненных средств другими рабочими. Средством такого обмена выступают деньги в форме заработных плат. Множество индивидуальных затрат рабочего времени при обмене труда на рабочих местах сливается в необходимое общественное время затрат физических сил на производство необходимого и прибавочного продукта, образуя стоимостную субстанцию товарного характера рабочей силы, занятой в общественном производстве.

При капитализме обмен физического труда на жизненные средства происходит на рынке труда, т.е. вне рабочих мест. Поэтому рабочая сила является товаром. При социализме этот же обмен осуществляется не на рынке труда, даже не на рынке рабочих мест, а на самих рабочих местах в рамках предприятий. Поэтому рабочая сила теряет свою товарную сущность, но сохраняет товарный характер.

Таким образом, рабочая сила всех производительных рабочих при социализме, не являясь товаром, сохраняет товарный характер в результате эквивалентного обмена труда на рабочих местах и проявляется как абстрактный физический труд, обладающий стоимостью вообще. Эта стоимость равна стоимости потребляемых жизненных средств, как при капитализме.

Здесь же заметим, что в условиях государственного социала абстрактный умственный труд также как физический труд непродуцельных рабочих не создает материально-вещественную форму продукта и не является производительным трудом. Поэтому не происходит его обмена на жизненные средства в рамках должностных мест. Денежная форма должностных окладов служащих проявляется на рынке служения и выступает как средство его обмена на жизненные средства и другие привилегии. Этот обмен соизмеряется не трудовыми затратами времени, а степенью конформизма, субъективно оцениваемого вышестоящими социалиями, которые нанимают служащих. В этих обменных отношениях закон стоимости не проявляется и абстрактный умственный труд не создает стоимости вообще. Это же относится к управленческому труду как к

разновидности умственного труда. Смысл этих рассуждений применим к непроизводительному физическому труду рабочих.

Производительным трудом считается такой, который непосредственно создает материально-вещественную форму продукта для общества. В условиях товарного производства в качестве таких продуктов выступают товары.

Вместе с тем затраты времени индивидуального умственного труда отражаются в профессионализме интеллектуальной силы каждого конкретного служащего, которая имеет потребительную стоимость, переносимую на сферу духовного мира в виде услуг, принимающих товарную форму. Этот аспект более подробно рассматривается ниже. Пока обратим внимание на то, что затраты времени на профессиональную подготовку рабочих не выражаются в материально-вещественной форме. Этот труд не производительный и не создающий стоимость вообще, но он формирует потребительные стоимости рабочей силы.

В дальнейшем изложении стоимость вообще будем называть стоимостью, помня, что она есть результат абстрактного физического труда производительных рабочих. Все виды не производительного труда участвуют в создании стоимости, но ее не создают, только лишь увеличивают вновь созданную стоимость.

П. 2. СТОИМОСТЬ И ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Для начала производственного процесса необходимо располагать тремя производительными компонентами: рабочими местами, средствами производства и рабочей силой. В условиях товарно-денежных отношений социализма они приобретают товарную сущность и имеют стоимость.

Средства производства на рабочих местах постоянно функционируют в процессе производства. Их социальная роль состоит в облегчении физического труда рабочих. Затраты денежных средств предприятий на создание технически оснащенных рабочих мест характеризуют часть издержек производства. Эти затраты осуществляются по распоряжению социалиев и зависят от их воли. Но они объективно не заинтересованы в увеличении затрат на новую технику, так как вместе с ее внедрением обнаруживается тенденция падения норм прибылей и сужается властвование над рабочими.

В историческом плане износ рабочей силы соизмеряется с износом средств производства. Он меняется от технической оснащенности рабочих мест, которая предопределяет их цены для рабочих. В конечном счете, наступит такое время, когда средства производства вытеснят рабочую силу, вместе с ней рабочие места, и останутся производительным единственным компонентом производства. Тогда исчезнет стоимость как таковая, и товарное производство

преобразуется в бестоварное, организованное на продуктообмене при дальнейшей социализации собственности на средства производства. С этой точки зрения они постоянны во времени, а рабочая сила в различные исторические периоды переменна независимо от способа производства.

Совокупная рабочая сила изменяется от производительности и структуры средств производства, которые являются существенным фактором для сбережения индивидуальных физических сил, воплощенных в стоимостях готовых продуктов. Их качество во многом обуславливается потребительной стоимостью рабочей силы.

Стоимость, созданная абстрактным физическим трудом, находится в диалектической взаимосвязи с потребительной стоимостью конкретного физического труда. Стоимость выражает количественную сторону абстрактного физического труда, а потребительная стоимость рабочей силы – качественную сторону конкретного физического труда.

Если рассматривать конкретный физический труд многих, как элемент абстрактного физического труда всех, то первый не может быть больше второго, т.е. качество не может выходить за пределы своего количества. Значит, потребительная стоимость рабочей силы не бывает больше стоимости.

Если существует количественное качество и качественное количество, то первое означает стоимость потребительной стоимости, второе – потребительную стоимость стоимости. Поясним эти диалектические зависимости на условном примере, опираясь на ниже приводимую таблицу.

Таблица 1. СВЯЗЬ КАЧЕСТВЕННО-КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
(в единицах)

Товар А				Товар Б			
Количественное качество				Качественное количество			
№	Сто- имость	Потре- битель- ная стои- мость		№	Потре- битель- ная стои- мость	Стоимость	
1.	5	4	9	1.	4	5	9
2.	6	4	10	2.	5	5	10
	2	8	19		9	10	19

Допустим, имеется два сопоставимых товара А и Б. Товар А оценивается как количественное качество. Это значит, например, в стоимости 5-ти единиц

содержится 4-е единицы потребительной стоимости. Товар Б оценивается как качественное количество. Оно означает, например, что 4 единицы потребительной стоимости содержат 5 единиц стоимости. Если увеличится стоимость товара А хотя бы на одну единицу, то при прочих равных условиях потребительная стоимость этого товара относительно уменьшится. Если же увеличится потребительная стоимость товара Б хотя бы на одну единицу, то при прочих равных условиях стоимость этого товара относительно уменьшится. В таблице 1 показано относительное равновесие количественного качества товара А и качественного количества товара Б, определяемая по сбалансированным суммам. Но если при прочих равных условиях увеличить или уменьшить, хотя бы один из параметров любого товара, то соответственно относительно уменьшится или увеличится все соотношение другого товара. В этом заключается одно из проявлений перехода качества в количество и обратно.

Качественная и количественная стороны физического труда составляют единство и противоположность, которые изменяются согласно рассмотренному проявлению перехода качества в количество и обратно. Это проявление формулируется: при прочих равных условиях, чем больше качества, тем относительно меньше количества и наоборот.

В данной части исследования я абстрагируюсь от потребительных стоимостей товаров и принимаю во внимание только потребительные стоимости рабочей силы.

Количественное качество или стоимость потребительной стоимости трактуется: абстрактный физический труд проявляется в индивидуальных профессиональных навыках рабочих. Качественное количество или потребительная стоимость стоимости расшифровывается: индивидуальные профессиональные навыки рабочих выражаются абстрактным физическим трудом рабочего класса.

Еще замечу, что К.Маркс в отличие от моего анализа рассматривал диалектическую взаимосвязь между потребительной и меновой стоимостями при капиталистическом товарообмене. Я же по его методологии анализирую стоимостные характеристики физического труда при социализме.

Итак, с учетом предварительных замечаний, накопление потребительных стоимостей конкретного физического труда относительно снижает стоимость от абстрактного физического труда. Другими словами, с повышением индивидуальных профессиональных навыков рабочих относительно снижаются общественно необходимые затраты физических сил рабочего класса в целом за определенный отрезок времени. Это происходит на основе внедрения более совершенных технических средств на рабочих местах. Но рост стоимости от абстрактного физического труда относительно уменьшает потребительные стоимости конкретного физического труда. Иначе говоря, увеличение физического

износа и перенапряжение физических сил рабочего класса в целом за определенный отрезок времени относительно уменьшает индивидуальное профессиональное мастерство рабочих. К настоящему времени падение их профессионализма привело к относительной дисквалификации рабочего класса в целом, т.е. относительное уменьшение потребительных стоимостей конкретного физического труда повысило стоимость от абстрактного физического труда.

В итоге, рабочие социалистического общества, перенося качество конкретного физического труда в форме потребительной стоимости рабочей силы, не могут не переносить на товар количество абстрактного физического труда в форме стоимости. Таким образом, создается стоимость потребительной стоимости товаров.

Что касается абстрактного умственного труда, то она участвует в формировании товарных стоимостей, уже созданных абстрактным физическим трудом, посредством переноса общественной потребительной стоимости интеллектуальной силы на сферу творчества, относящуюся к производству материальных ценностей. За пределами этой сферы абстрактный умственный труд увеличивает стоимости товаров.

Стоимость рабочей силы посредством абстрактного физического труда полностью переносится на товар. Вместе с ней в конкретном физическом труде переносится потребительная стоимость рабочей силы, воплощаясь в потребительные стоимости товаров.

Одновременно стоимость от абстрактного физического труда отражается в потребительной стоимости товара, созданной конкретным физическим трудом, который соответствует стоимости жизненных средств, необходимых рабочим для восстановления затраченных физических сил и воспроизводства себе подобных.

Вместе с тем механические изменения количества и качества физического труда не приводит к его стоимостным сдвигам, хотя внешне это выглядит именно так. Увеличение абстрактного физического труда или стоимости за счет числа рабочих мест и численности занятых рабочих не поднимает профессиональный уровень рабочего класса. Повышение численности квалифицированных рабочих не влечет увеличения общего числа рабочих мест и занятости, т.е. не повышает стоимость.

За истекшие 70 лет абсолютная численность рабочего класса в нашей стране возрастала из года в год, т.е. повышалась стоимость абстрактного физического труда. Зато квалификационные навыки рабочих относительно снижались. Это, значит, падали потребительные стоимости конкретного физического труда. Но эти процессы не имеют диалектической связи друг с другом, так как абсолютный рост численности рабочего класса вызван воспроизводством госу-

дарственного социала, который требует создания новых рабочих мест и пропорционально этому растет численность занятых, а относительное снижение квалификации рабочих произошло из-за низкой организации производства и нарушения естественного разделения труда путем совмещения профессий и многопрофессионального ведения специализированных работ, особенно в строительстве и сельском хозяйстве.

Если происходят позитивные качественные изменения в общественном производстве, то повышается потребительная стоимость рабочей силы, выраженная в конкретном физическом труде, а численность рабочего класса при этом снижается, т.е. уменьшается стоимость от абстрактного физического труда. Соответственно этому снижается стоимость жизни и растет благосостояние общества. Если же стоимость жизни повышается, то это означает, что повышается стоимость от нарастающего абстрактного физического труда, а потребительная стоимость рабочего класса относительно уменьшается. По-другому говоря, снижается потребительная стоимость стоимости. Повышение потребительной стоимости рабочего класса влечет улучшение качества товаров, а уменьшение стоимости от абстрактного физического труда приводит к снижению цен на товары. В ближайшие годы не ожидается ни того, ни другого.

Только в таком понимании стоимостного проявления физического труда можно объяснить абстрактное понятие стоимости при социализме.

П.3. ЗАКОН СБЕРЕЖЕНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ СИЛ РАБОЧИХ

Потребительная стоимость рабочей силы, отраженная в затратах физических сил конкретного труда, образует новую стоимость. Рабочая сила в разных производствах по-разному переносит потребительные стоимости на готовый продукт. В этом состоит ее переменность в отличие от средств производства, которые длительный период сохраняют свои потребительные стоимости независимо от производственных различий.

Говоря о товарном характере рабочей силы при социализме и непрерывном переносе ее потребительной стоимости на готовый продукт в результате затрат физических сил, следует указать на то, что стоимости переносятся в каждом отдельном случае больше, чем необходимо для восстановления этих затрат. Такое превышение является источником избытка стоимости отражающее природный дар рабочей силы, который всегда использовался в интересах господствующего класса. К.Маркс назвал этот дар сохранением стоимости посредством присоединения труда. Он ничего не стоит рабочим, но много приносит господствующему классу.

Рабочие, создавая новые стоимости, не могут не сохранять ранее созданные стоимости в виде средств производства. Владея этими средствами, они

присоединяют свой конкретный физический труд к уже созданной стоимости, превращая его в новые стоимости посредством переноса потребительной стоимости своей рабочей силы на готовый продукт.

Рабочие не подозревают, что, сохраняя ранее созданные стоимости естественным образом посредством присоединения и переноса физического труда в полезной форме к сохранным стоимостям средств производства, они сберегают свои физические силы ровно настолько, чтобы их хватило для производства новых стоимостей не только для себя, но и для господствующего класса. Само собой разумеется, что создавать новые стоимости каждый раз с нуля тяжелее, чем посредством присоединения физического труда к уже имеющимся стоимостям. Именно поэтому у рабочих имеется запас мускульной и нервной энергии производить за рабочий день (смену) избыток стоимости по сравнению с теми физическими силами, которые они затратили бы работая без производительной части средств производства. Этот избыток является приростом к необходимой стоимости для восстановления затраченной мускульной и нервной энергии и воспроизводства себе подобных. Запас физических сил, создающий избыток стоимости больше предела, которым ограничивается восстановительное потребление жизненных средств.

Теперь получается, что чем выше техническое оснащение производства, тем больше избыток стоимости создают рабочие, потому что больше сберегают физических сил. На этом основании марксистская поповщина утверждает, что с ростом научно-технического прогресса увеличивается прибавочное рабочее время и пропорционально сокращается необходимое рабочее время, которое рабочие работают на себя. Отсюда идеологи марксистского прихода делают вывод, что рабочим нужно меньше жизненных средств на восстановление не сбереженных физических сил. Такой вывод в духе господствующего класса социалистов, поскольку большая оставшаяся часть произведенных рабочими стоимостей за прибавочное рабочее время пожирается бездельниками бюрократической машины централизма.

Этот антинаучный вывод противоречит марксистской диалектике. Ведь, чем больше сберегаются физических сил рабочих, тем меньше создаваемая новая стоимость. Она сокращается пропорционально сбереженным физическим силам. Отсюда следует, что создание и применение даже таких средств производства, при которых рабочие выполняют только наблюдательные функции за работой машин, минимизирует размеры вновь созданной стоимости. Но рабочие все равно должны находиться на рабочих местах определенное рабочее время. При использовании самой производительной техники, как, например, в высоко развитых капиталистических странах, рабочие, выполняя наблюдательные функции за ее работой, и находясь на рабочих местах определенное рабо-

чее время, все равно сберегают свои физические силы по сравнению с менее совершенной и менее производительной техникой. С другой стороны, затраты не сбереженных физических сил от выполнения наблюдательных функций и нахождения на рабочих местах по-прежнему создают избыток стоимости для господствующего класса. Поэтому в этих странах отсутствует угнетение рабочих трудом, но сохраняется эксплуатация труда рабочих, вскрытая К.Марксом за 150 лет до корпоративного капитализма.

Революционный марксизм против капиталистической эксплуатации труда рабочих и против социалистического угнетения трудом рабочих. Революционный марксизм за освобождение труда рабочих от капиталистической эксплуатации и социалистического угнетения.

При использовании производственной части средств производства в процессе физического труда действительно происходит сбережение физических сил по сравнению с теми условиями, при которых бы эти средства отсутствовали. Но возникает резонный вопрос: какое количество физических сил за рабочий день (смену) расходуется на износ, в какое – сберегается? Это соотношение в каждом отдельном случае соизмеряется степенью тяжести и напряженности физического труда. На более технически оснащенных рабочих местах эта степень понижается, там физических сил больше сберегается, чем расходуется на износ. Такие рабочие места имеют меньшую цену для рабочих. На менее технически оснащенных рабочих местах происходит наоборот. Эти рабочие места дороже обходятся для здоровья рабочих. Значит при тяжелом и напряженном труде большая доля физических сил за рабочий день (смену) расходуется на износ, меньшая – сберегается. При легком и напряженном труде меньшая доля физических сил в течение рабочего дня расходуется на износ, большая – сберегается.

Но поскольку в народном хозяйстве имеются рабочие места с тяжелым и легким физическим трудом, поскольку это соотношение уравнивается по физическому труду средней тяжести. Средняя тяжесть физического труда для совокупного рабочего означает, что половина рабочего дня (смены) требует физических сил на износ, а за вторую половину происходит их сбережение. Поэтому рабочим, работающим в средних (нормальных) условиях труда по 8 часов в сутки, достаточно потребления жизненных средств для восстановления 4-х часов затрат физических сил. В течении других 4-х часов рабочего дня (смены) расходуется естественный запас физических сил, сбереженный посредством сохранения стоимости средств производства и присоединения физического труда к этим стоимостям. Расход сбереженных физических сил проявляется в нахождении на рабочем месте, но не в затратах мускульной и нервной энергии, как это происходит в другую половину рабочего дня (смены). Отсюда оплачи-

вается та часть рабочего времени, которая требует затрат физических сил на износ для их восстановления. Другая часть рабочего времени, за которую сберегаются физические силы рабочего, не требуют их восстановления, поэтому она не оплачивается, а используется в интересах господствующего класса.

Но запас сбереженных физических сил не безграничен. Он лежит в рамках нормальной напряженности организма каждого рабочего в отдельности. При оценках напряженности физического труда существенную роль играют субъективные взгляды рабочих. Для более сильного организма данные условия физического труда считаются допустимой напряженности, для относительно слабого эти же условия признаются недопустимой напряженности.

При напряженности организма выше средней наступает перенапряжение рабочей силы, ведущее к чрезмерной усталости и преждевременному износу, выражающих угнетение рабочих трудом.

Их способность не только физически трудиться, но и сохранять стоимости называется законом сбережения физических сил. Он является особенным проявлением общего закона экономии труда и отличается тем, что распространяется на физический труд, который непосредственно соединяется с производительной частью средств производства. Стало быть, речь идет о законе сбережения физических сил производственных рабочих, т.е. тех которые создают стоимость.

Закон сбережения физических сил действует в двух противоположных направлениях. Первое – рабочие всемирно стремятся использовать в труде имеющиеся технические средства производства с целью сбережения физических сил. Второе – с этой же целью рабочие сопротивляются нововведениям в трудовые операции, так как изменяются привычные приемы работы, и вводимые новшества на начальной стадии вызывают дополнительные физические усилия. Первое направление не меняет потребительную стоимость рабочей силы, поскольку на неизменных технических средствах производства не повышаются профессиональные навыки. Второе направление увеличивает эту стоимость по мере адаптации рабочих к нововведениям.

До изобретения машин закон сбережения физических сил не проявлялся в явном виде. Поэтому до капитализма прибавочная стоимость не существовала.

П.4 ОБЩИЙ ЗАКОН ЭКОНОМИИ ТРУДА

Общий закон экономии труда в отличие от закона сбережения физических сил выражает стремление всех работающих людей безотносительно к классовой принадлежности экономить свою мускульную и мозговую энергию. Этот закон проявляется в экономии времени физического и умственного труда за счет собственной рационализации трудовых операций с целью кратчайшего

пути выполнить работу. В этом проявлении первейшее условие повышения индивидуальной производительности труда. В результате экономится его время. Такая экономия наиболее ярко проявляется в свободном не принудительном труде, т.е. по призванию. В принудительном труде закон экономии приобретает уродливые формы.

Под принудительным трудом я понимаю необходимость трудиться не по призванию, а вследствие воздействия внешних обстоятельств. Для этого господствующий класс осуществляет различные меры. Например, в цезарианский период централизованного социализма широко применялись административно-правовые меры, в имперский период – административно-экономические, с началом либерального периода стали преобладать экономические меры принуждения к труду. Принудительный труд отнимает основную часть жизни людей, лишая их духовного развития.

Движение государственного социализма объективно требовало все возрастающего расширения рынка рабочих мест. Этот рынок обеспечил без малого полную занятость экономически активного населения путем принуждения к труду без учета призвания личностей. Ликвидация безработицы обернулась трудовым закабалением. Централизм вовлекал членов общества в бессмысленные общественные мероприятия, проверяя на преданность сначала цезарю, потом господствующему классу социалиев. Государственный социал почти полностью отнял свободное время у большинства членов общества, ограничив тем самым свободу личностей. Личность как таковая перестала существовать, на смену ей выработался стандарт личности.

В этом бешеном круговороте обнаруживается нарушение общего закона экономии труда. Он стал проявляться, как собственная противоположность в форме всеобщего нежелания трудиться. На уровне исполнителей это проявляется в формальном выполнении трудовых функций. На уровне управления это выразилось в оголтелом бюрократизме. Формальное выполнение работы и бюрократизм пожирают остатки свободного времени.

Без свободного времени прекратилось творческое самовыражение личностей, в конце концов, они слились в одну безликую массу, распределенную по группам в силу разделения труда, механически выполняющих свои установленные роли. Эта безликость, проявившаяся в производстве, передалась на другие сферы социальной жизни общества, в том числе на отношения мужчин и женщин. Безликость личностей мешает увидеть классовые различия этих групп людей, отсюда появляются идеалистические теории классовой однородности общества. В действительности эта однородная безликость его членов при сохранении классовых различий.

Все вместе привело к обесцениванию творческого труда и падению без того невысокой творческой потенции нации. Упадок творчества превратился в национальную трагедию.

Бездуховность и бескультурие, о которой сегодня много пишут и говорят, не в отсутствие добродетельного сознания, как утверждают идеалисты от марксизма, а в огосударствование личностей. Под этим термином я имею ввиду, что многорукий дезорганизованный труд без имени и отчества, но от имени безликого государства, обезличивает личности. Повсеместное огосударствование собственности на средства производства и жизненные средства в форме государственного социала обезличило эту собственность. Такая обезличка привела к обезличиванию физического и умственного труда. Обезличенный труд обезличил личности, все члены общества потеряли свои ролевые лица, превратившись в стандарт государственной личности, называемой советским человеком. Так мною понимается огосударствование личностей.

Нация, потеряв личностное отношение к труду, потерялась в духовной жизни, так как выработка и передача духовных ценностей это часть общего труда. Такая потеря означает, что извращенный коллективизм от имени государства уничтожил личность как таковую.

Огосударствование реальных личностей проявляется как их идеальное отражение в сознании собственной несвободы от бездуховности и безкультурья. Общий закон экономии труда продолжает работать за высвобождения времени от принудительной занятости и общественных мероприятий, которые духовно калечат личности. Выход из тупика – изменение производственных и внепроизводственных отношений путем революционного движения производительных сил, но не в благотворительных проповедях о гуманности, добре и зле. Высший гуманизм – это освобождение человека от унижительной зависимости делать то, что указывают другие люди, от принудительного труда. Это освобождение начнется с увеличения свободного времени и завоевания возможности распоряжаться им по собственному усмотрению. Без свободного времени неосуществимы ни экономические, ни социальные, ни политические, ни морально-этические, ни другие свободы для человека. Самостоятельное распоряжение свободным временем – необходимая предпосылка свободы выбора.

Но в товарно-денежных отношениях эта свобода относительна. Ее нужно понимать как исходный выбор из двух противоположностей в системе отношений: свободное время – деньги. С приобретением свободного времени и вместе с ним независимости от рынка рабочих мест, рынка служения и товарного рынка теряется возможность получать деньги и тем самым обретается свободная нищета.

Действительно, если стоимость измеряется временем физического труда, то ее противоположностью является свободное время, т.е. период, когда стоимость не создается. С другой стороны, средством приобретения стоимости являются деньги, обмениваемые на товары, в которых воплощена стоимость. Чем больше свободного времени, тем меньше стоимость, денег и товаров. Поэтому распоряжение свободным временем ограничено естественными потребностями в товарах, без которых невозможно существовать в товарном мире. Отсюда, объективная подчиненность свободы выбора выбору денег в ущерб свободному времени, так как деньги принуждают его тратить на труд. Без труда не выплачивают денег, без денег не приобретают товаров. Но за деньги развитие личностей превращается в инструмент, настраиваемый чужими руками. Это противоречие может быть устранено после устранения товарно-денежных отношений.

Однако объективным факторам, сдерживающим проявление общего закона экономии труда, противостоит субъективный фактор – отрицающая деятельная личность, как объективная необходимость отрицания. С появлением этого субъективного фактора начинается борьба за освобождение труда, вначале собственного. На этой стадии отрицающая личность сама определяет пути преодоления объективных факторов. Начинается осознание себя как личности и собственное личностное развитие в борьбе за свое свободное время. Эта борьба тяжела и опасна, потому что отрицающей личности противостоит весь государственный механизм подавления, ей приходится преодолевать устоявшиеся догмы и предрассудки. Отрицающая личность отрицается существующей политикой, идеологией, моралью и этикой, как их противоположность.

Но во всех обществах на определенных исторических этапах с железной необходимостью появлялись отрицающие личности, которые вначале в одиночку вели борьбу за свое свободное время. Это были, как правило, наиболее деятельные люди, превращавшие завоеванное свободное время в труд по призванию. Среди них были революционеры, свободные и независимые от господствующего класса. Эта независимость позволяет отрицающей личности наиболее реально отразить в своем сознании развитие общества и вскрыть его перспективы. Так начинались христианство, прогрессивные буржуазные теории и, наконец, революционный марксизм. Так продолжается, и будет продолжаться после очередного накопления исторического опыта.

Без отрицающих деятельных личностей не было бы развития обществ. Но такая личность играет определенную историческую роль до тех пор, пока отражает само это развитие. Отрицающие, но бездеятельные люди образуют безликость отрицания, составляющее основную массу де класса.

С углублением противоречия между общественным характером производства и обособленным распоряжением государственным социалом числен-

ность отрицающих деятельных личностей возрастает. Они, со своим особым образом жизни, будут формироваться в более или менее значительную группу, называемую классом интеллигенции. Вместе с ростом этого класса станет увеличиваться свободное общественное время.

Перед революцией, по выражению Бердяева, интеллигенция составляла тонкий слой. В огне революции и в цезарианский период этот слой частично уничтожил себя, перейдя на службу господствующему классу, частично был уничтожен физически от имени господствующего класса. В настоящее время класса интеллигенции, в моем понимании, не существует в нашей стране.

Экономия свободного общественного времени – это интеллектуально-творческое развитие личностей. Свободное время такое же бесценное богатство как здоровье и знания, если им рационально распоряжаться. Если свободным временем распоряжаются другие люди, то богатство переходит в чужие руки. Можно ли это допустить?

Закон сбережения физических сил проявляется через общий закон экономии труда. Увеличение свободного общественного времени как выражение этого общего закона, создает предпосылки для появления более производительных средств производства сначала в идеях, затем на рабочих местах. Эти средства производства явятся условием проявления закона сбережения физических сил рабочих. Такая схема может стать действительностью после разрушения государственного социала на различные виды социализированной собственности.

Общий закон экономии труда проявляется также в объективной борьбе рабочего класса за сокращение рабочего дня, что одновременно составляет борьбу за интеллектуально-творческое и культурное развитие каждого рабочего, за их здоровье и знания. Для этой борьбы тоже необходимо свободное время, т.е. незанятое принудительным трудом. Политика либеральных социалистов до некоторой степени открывает такую возможность.

П. 5. СОЗДАНИЕ ДОБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ И МЕНОВАЯ СТОИМОСТЬ ТОВАРОВ.

Согласно закону сбережения физических сил в условиях социализма появляется избыток вновь созданной стоимости, приходящийся на запас сбереженной мускульной и нервной энергии за счет применения производительных средств производства. За рабочий день (смену) оплачивается только та доля физического труда, за время которого изнашивается рабочая сила. Эта доля лежит вне времени производительной работы машины или оборудования. Оплата доли физического труда за время износа рабочей силы необходима для ее восстановления. Поэтому называется необходимым физическим трудом, в стоимостной терминологии – необходимой стоимостью. Другая доля физического труда,

вызванная сбережением физических сил, не требующих их восстановления, является избыточной. Она выступает как прибавочный физический труд, создающий добавочную стоимость. Для господствующего класса эта стоимость даровая добавка к необходимой стоимости.

Поскольку в условиях централизованного социализма рабочие покупают рабочие места и расплачиваются за них затратами физических сил на производство добавочной стоимости, поскольку именно эта стоимость является причиной износа рабочей силы. Рабочие часть рабочего дня (смены) используют технику. Ее производительная работа сберегает физические силы, которые расходуются за другую часть рабочего дня (смены). Поэтому оплачивается только та часть рабочего дня (смены), которая требует прямых затрат физических сил на производство стоимости. В практике эти части рабочего дня (смены) неразделимы и затраты физических сил распространяются на полное рабочее время.

Нахождение конкретного рабочего на рабочем месте независимо насколько он использовал технику и ассоциируется с полным расходом мускульной и нервной энергии. Ни рабочие, ни социалии не разделяют рабочее время на необходимый и прибавочный физический труд. Поэтому неполная его оплата в результате сбережения физических сил внешне не наблюдается. Но все-таки добавочная стоимость образуется, и это происходит за счет не оплаченной части физического труда рабочих.

С какой бы стороны не рассматривался физический труд видно, что оплачивается только та его часть, которая требует затрат физических сил вне времени производительной работы техники в течении рабочего дня (смены). Однако это время размыто, поскольку рабочие на протяжении всего рабочего дня (смены) остаются при машинах и механизмах. Поэтому здесь абстрагируясь от конкретных измерений рабочего дня (смены) принято, что за время необходимого физического труда создается необходимая стоимость, а за время прибавочного физического труда – добавочная стоимость, полученная в результате сбережения физических сил в течении рабочего дня (смены), не подлежащих восстановлению. Значит, для получения добавочной стоимости рабочие вынуждены изнашивать свою рабочую силу за то время, когда их работа не связана с техникой. Одновременно за рабочий день (смену) тот и другой труд создает новую стоимость, адекватную потребительной стоимости рабочей силы, ее создающей.

Отличие добавочной стоимости при социализме от прибавочной стоимости при капитализме состоит в том, что в условиях социала эта добавка не может быть обращена в частную собственность и поэтому не служит орудием эксплуатации рабочего класса. Зато неоплаченная часть необходимой стоимо-

сти служит инструментом угнетения рабочих трудом при централизованном социализме.

Заметим, что искаженное проявление общего закона экономии труда в сфере управления проявляется как бюрократизм в худшем виде, в области служения как перекалывание своих обязанностей на других. При этом угнетение умственного труда выражается не в физическом износе служащих, а в подневольном выполнении ими идей и взглядов, навязанных господствующим классом и в ограничении творческого самовыражения. Но угнетение служащих ни в коей мере не оказывает влияния на формирование товарных стоимостей.

Стоимость, как общественно необходимые затраты физических сил абстрактного труда рабочих во времени, проявляется на товарном рынке в форме меновой стоимости, которая составляет противоположность потребительной стоимости товаров.

Потребительная стоимость товаров определяет их жизненную сущность и является носителем меновой стоимости, через которую прослеживается стоимость. Для того чтобы товары обменивались, нужен другой товар, противостоящий первому, как эквивалент, иначе не на что менять. Таким противостоящим товаром-эквивалентом выступают деньги, в которых фокусируется меновая стоимость обмениваемого товара.

Производительность труда падает, когда меньше сберегается физических сил, чем расходуется на износ. Тогда большее количество не сбереженного физического труда выражается в меньшем количестве товаров. Вслед за этим повышается спрос на эти товары, так как их становится на рынке относительно меньше из-за падения производительности труда. В соответствии с повышением спроса повышается меновая стоимость, выраженная относительно меньшей потребительной стоимостью.

Товары с функциональной одинаковой предназначенностью имеют разные потребительные стоимости для покупателей и поэтому обладают разными меновыми стоимостями. Это различие проявляется в конкуренции товаров, которая отражает противоречие между потребительной и меновой стоимостями. Противоречие подобного рода преодолевается в тенденции к все большему выравниванию этих различий, сближение меновых стоимостей с общественно необходимым временем затрат физического труда и удешевления конкурирующих товаров.

Однако государственный социал сдерживает предпринимательскую самостоятельность товаропроизводителей, тем самым лишает покупателей свободного выбора товаров. Ограничение покупательского выбора сводит, на нет меновые стоимости, а вместе с ними теряет экономическое значение потребительные стоимости, т.е. качество и полезность товаров. На поверхности остаются

только общественно необходимые затраты абстрактного труда, выраженные стоимостью. Ее недостаточно для эквивалентного обмена товаров с учетом интересов продавцов и покупателей. Потребительская оценка товаров только по стоимости лишает заинтересованности товаропроизводителей в повышении качества и полезности, поскольку в бесконкурентных условиях не проявляется меновая стоимость.

Поэтому в централизованном социализме фактически происходит не обмен эквивалентных товаров, а их целенаправленное распределение за деньги, которые в этих условиях искажают меновые стоимости и перестают регулировать товарообмен. Тогда вступают в силу централизованные регуляторы, уничтожающие конкуренцию товаров и превратившие торговлю в распределительные центры, где меновые отношения сведены до минимума. В этих центрах отсутствует свободный выбор товаров и господствует принцип: бери, что дают, а то и этого не будет.

В результате стоимость жизненных средств выше спроса на них при нехватке многих товаров и неэквивалентна затратам физических сил в общественном производстве. Дефицит товаров не из-за повышенного спроса, а потому что закон стоимости срывается в обратном направлении: заработная плата рабочих не отражает меновые стоимости и ниже стоимости рабочей силы. Неэквивалентный обмен не стимулирует насыщение рынка товарами.

Государственный социал достиг такой точки развития, когда снова начинает проявляться противоречие между меновой и потребительной стоимостями, возрождающее конкуренцию товаров. Уже теперь не всякий товар находит своего покупателя, появляется отложенный спрос, что замедляет денежное обращение и ведет к инфляции.

Таким образом, конкретный физический труд рабочих, наполненный потребительной стоимостью рабочей силы, перенося ее на товары, создает потребительные стоимости новых стоимостей. Одновременно абстрактный труд этих же рабочих, переносом стоимости средств производства и присоединения ее к вновь созданным стоимостям, создает стоимости этих же товаров. Так создается стоимость всех товаров, включая рабочие места, обмен которых в обществе порождает товарно-денежные отношения. Они проявляются посредством торговли в обмене.

3. ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ КЛАССОВ

П. 1. ВСЕОБЩНОСТЬ И СДЕРЖАННОСТЬ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Товарно-денежные отношения существовали задолго до капитализма и существуют при социализме. Однако не во всех экономических формациях рабочая сила имела стоимость и существовала заработная плата в денежной форме.

В рабовладельческом обществе рабу платили за труд натуральным продуктом. В феодальном обществе крепостной крестьянин платил своим трудом возможность работать на помещичьей земле. Эта оплата осуществлялась также натуральным продуктом. Причем крестьянин, работая на помещика, часть продукта вырабатывал для себя. В этих двух экономических формациях, хотя и существовали товарно-денежные отношения, но они не приобрели всеобщего характера, поскольку рабочая сила не превратилась в товар и не имела стоимости. Поэтому ограниченность товарно-денежных отношений проявлялась в натурализованной оплате труда производителей. В периоды развития рабовладельческого и феодального строя она была достаточной для восстановления физических сил и воспроизводства рабочей силы. При отмирании рабовладения и феодализма от производителей больше отнимали, чем им оставляли. Эта несправедливость приводила к социальным конфликтам. Такая же тенденция наблюдалась в период крушения царского самодержавия и наблюдается теперь в условиях централизованного социализма.

В капиталистическом обществе рабочая сила приобрела стоимость и поэтому оплачивается деньгами в виде заработной платы. Но за это пролетарии производят прибавочную стоимость для капиталистов. С этого времени товарно-денежные отношения стали всеобщими. Их всеобщность говорит о том, что деньги приобрели невиданную власть над людьми, капитал превратился в господствующую форму частной собственности.

В централизованном социализме сохранилась всеобщность товарно-денежных отношений, которые проявляются в сдержанном состоянии. Эта всеобщность держится потому, что хотя рабочая сила перестала быть товаром в классическом понимании, но она все же сохраняет товарный характер, так как физический труд на рабочих местах обменивается на заработную плату, эквивалентную стоимости жизненных средств. Кроме того, рабочие места сами приобрели стоимостное содержание, превратившись в товар для рабочих, появился рынок служения.

Однако товарность производства развивается однобоко. В общем, разделении труда выделилась иерархия обособленного и раздельного распоряжения рабочими местами, средствами производства и жизненными средствами. Это распоряжение как волевой акт довлеет над естественным распределением в ходе товарного обращения. С другой стороны, производственное разделение труда породило равноправных товаропроизводителей. Их равноправие не может

реализоваться из-за сосредоточения ресурсов на высших уровнях пирамиды государственной власти, на которых вышестоящие социалии распоряжаются тем, что сами не производят. Это ограничивает распоряжение средствами производства на производственном уровне, что сдерживает самостоятельный выбор экономических стратегий производственных социалиев. Поэтому товарность производства развивается не в результате свободного товарообмена, а на основе централизованного распоряжения товарами сверху вниз, что придает ей односторонность. Одностороннее товарное производство порождает сдержанность всеобщих товарно-денежных отношений.

Эта сдержанность проявляется в том, что покупатели при неудовлетворенном спросе на товарном рынке лишены, возможности воздействовать на продавцов. Положение последних надежно страхуется централизованным распределением товаров, а не коммерческим престижем фирм. Поэтому заключаются фактически односторонние контракты купли-продажи, которые всегда отражают интересы только продавцов, а значит тех, кто распоряжается товарами, т.е. вышестоящих социалиев. На рынке средств производства в качестве продавцов выступают государственные предприятия-товаропроизводители. Деньги, как выразители меновой стоимости, не выполняют роли регулятора таких контрактов, поскольку меновые отношения проявляются крайне слабо. В итоге этой слабости устранено противоречие между меновой и потребительной стоимостями. Вместе с ним устранены экономические интересы в борьбе за качество товаров. При отсутствии этого противоречия потребительная стоимость покупаемых товаров интересует номинально и поэтому, покупатели не воздействуют на товаропроизводителей. Они же, освобожденные от покупательского воздействия, не заинтересованы в повышении потребительных стоимостей, так как это требует дополнительных затрат физического и умственного труда. Вот пример, когда закон экономии труда срабатывает в обратном направлении.

Это происходит, потому что у покупателей нет выбора товаров и продавцов, которые на рынке всегда выступают в единственно-монопольном числе. Отсутствие покупательского выбора приводит к абсолютной безальтернативности коммерческих сделок, характеризующихся сдержанностью товарно-денежных отношений, прежде всего, на товарном рынке. Безальтернативность также как и эта сдержанность распространяются на весь воспроизводственный процесс, и оборачивается экономическими дисбалансами. Несдержанность всеобщих товарно-денежных отношений проявляется в конкуренции.

Кроме всего прочего сдержанность этих отношений связана с тем, что социал, став господствующей формой государственной собственности, подчинил себе рабочую силу и сдерживает проявление закона стоимости при свободном выборе рабочих мест и найме служащих. Это означает, что рабочие получают за-

работную плату неэквивалентную затратам их физических сил, а служение служащих оплачивается выше реализации потребительных стоимостей их интеллектуальных сил. Искаженное проявление закона экономии труда во всеобщем нежелании трудиться также сдерживает товарно-денежные отношения.

Если все продается и покупается официально или за взятки, а количество средств существования зависит не только от результатов труда, но и от положения, в которое поставлены работники, то централизованное распоряжение рабочими и должностными метами искажает стоимостную оценку труда. В этих условиях деньги имеют всеильную власть над людьми, а заработная плата теряет свою стимулирующую силу. Полезность выгодного места оказывается выше уровня заработной платы.

К настоящему времени сложилась поместная система народного хозяйства, в которой не столько ценится труд, сколько занимаемое место работником. Оно может быть выгодным и не выгодным в зависимости от условий труда и привилегий в иерархии управления. Более высокое положение дает больше привилегий, тем относительно меньшую роль играет заработная плата. Это происходит из-за того, что, прежде всего, рабочие места покупаются рабочими за затраты физических сил. Соответственно этому высокие центральные должностные места также продаются, но только за деньги. Торговля выгодными должностными местами известна со времен Римской империи, она процветала во всех имперских государствах. Об этом красочно сообщил К. Маркс. Наша имперская страна не избежала этого явления.

Пирамидальная структура государственной власти построена в интересах безраздельного властвования над людьми. Поэтому они ограничены в выборе стратегий экономического поведения. Между тем, с одной стороны, требуется свободное обращение товаров и услуг, с другой, власть социалиев препятствует такому обращению, сохраняя за собой господствующее положение. Нарушается равновесие между трудом и государственным социалом, проявляющееся в том, что рабочие оплачивают чрезмерным износом рабочей силы возможность трудиться на рабочих местах, а нанятые служащие попадают в рабскую зависимость от выгодности должностного места. Зарплата рабочих отстает от рост цен, которые выше стоимостей. В результате социалии отбирают у них больше физических сил, чем оставляют им жизненных средств. При таком дисбалансе закон стоимости вступает в противоречие с волевым распоряжением социалиев средствами производства, жизненными средствами и рабочими местами. Все вместе сдерживает всеобщие товарно-денежные отношения.

Раскрепощение этих отношений при децентрализованном социализме открывает простор естественному проявлению закона стоимости. Эквивалентный обмен между умственным и физическим трудом исключит властвование над

людьми, потому что над ними будет властвовать заработанный доход. Заработки станут рационально управлять деятельностью. Результаты индивидуального и коллективного труда служащих в полной мере материализуется в общественном производстве как интеллектуальная совокупная сила. При этом рабочая сила начнет изнашиваться по мере средних условий физического труда, а выгоды должностных мест потеряет смысл.

П.2. РАЗВИТИЕ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПРОДАЖНОСТЬ

Сдержанность всеобщих товарно-денежных отношений создает иллюзию добропорядочной морали, когда речь заходит о продаже совести, чести и убеждений. Ханжество протестует против этой продажности, но само продает и покупает человеческие качества.

Человеческая потребительная стоимость тоже имеет цену и продается только не всегда за деньги, чаще за возможность выжить и сохранить свое благополучие. Людская продажность косвенно включается в товарно-денежные отношения и зависит от их развитости. Покажем эту связь.

Наша история переполнена примерами отступничества и предательства, которые являются мотивами для продажи совести, чести и убеждений. Отступничество встречается на каждом шагу, начиная с политических деятелей и ученых-обществоведов, заканчивая друзьями. Я не говорю о предателях Родины, но, предавали и предают не только далеких и близких, даже самих себя. Обезличенная массовость отступничества и предательства друг друга – это безликая продажность. Она отличается от продажи служения служащими тем, что не имеет классовой основы и присуща представителям всех классов. В этом безликость продажности, которая не служит, а отступничеством и предательством продает себя и людей своей противоположности. Цена продажности – уничтожение других личностей, в том числе продажных.

Безликая продажность тем шире и зловещей, чем более сдержаны товарно-денежные отношения. Абстрагируясь от индивидуальной психологии, я утверждаю, что сдержанность ставит членов общества в зависимость от распорядителей жизненных средств, которые, находясь над обществом и в силу этого положения превращают свою власть в распоряжение жизнями. Для этого используется негласный корпус сексотов, доносчиков, стукачей и провокаторов. Все они безлики, не подозревают, что продаются.

Особенно ярко безликая продажность проявилась в цезарианский период и в своем зловещем оскале докатилась до нас. Этот период централизованного социализма характеризуется крайней ограниченностью товарно-денежных от-

ношений. На фоне этой ограниченности бурно процветала безликая продажность, на которую опирался репрессивный аппарат.

В имперский период товарно-денежные отношения получили дальнейшее развитие. Представилась некоторая свобода экономического поведения, выразившаяся, прежде всего, в свободном выборе рабочих мест. Самостоятельность этого выбора поставила рабочих в относительную независимость от государственной власти. Ее экономическая устойчивость стала зависеть от спроса рабочих мест. Поэтому применяются различные административно-организационные меры, чтобы закрепить рабочих за рабочими местами. Социалии борются с рынком рабочих мест, который вызван движением государственного социала. С одной стороны, свобода выбора рабочих мест, с другой, зависимость власти от их занятости, снизили безликую продажность, по крайней мере, среди рабочих. Жестокость преследований заменилась изощренными преследованиями.

К началу либерального периода централизованного социализма товарно-денежные отношения не только получили признание, но обрели всеобщность, которая дополняется теневой экономикой. Эти отношения все больше раскрепощаются от давления идеологической надстройки и лживой морали.

Зародилось кооперативное движение, которое во многом копирует централизованную ограниченность. Однако, то, что вчера считалось аморальным, сегодня начинает признаваться допустимым. В этих условиях новоявленные кооператоры оказываются менее зависимыми от социократии, чем члены общества, втянутые в принудительные трудовые отношения с государственным социалом. На государственных предприятиях и в учреждениях по-старому царит тупость и ханжество, отрицающее кооперативы.

Относительной независимости кооперативного движения противостоит труд по принуждению. Это противостояние сохраняет безликую продажность, но она перестает быть поголовной. Все меньше становится стукачей, провокаторов и доносчиков. Медленно исчезает предательская опора репрессий, и репрессивность власти постепенно приобретает форму экономических преследований с прежним содержанием. Если раньше применялось насильственное уничтожение неугодных личностей, то теперь их уничтожают без применения насилия.

Большая свобода выбора экономического поведения предприимчивыми социалиями и кооператорами раздвигает возможности товарно-денежных отношений. Вместе с этим продажность властям снимает свою маску безликости, и все больше обретает классовое лицо, параллельно усиливается власть денег.

До сих пор продажность носила инициативно-добровольный характер. Поэтому она была массовой и явной, не считая продажности под пытками. Классовая сущность продажности состоит в том, что сокращается ее добро-

вольность и на смену идет принудительная и шантажируемая продажность, тайно провоцируемая и организуемая специальными органами господствующего класса социалиев. Принудительная продажность загоняется во внутрь и снимается с поверхности явлений. Она все отчетливей принимает денежную форму. Господствующий класс становится содержанием продажности.

Следовательно, чем больше свободы экономического поведения для членов общества, тем меньше их зависимость от распорядителей жизненных средств и сокращается число людей добровольно по собственной инициативе продающих совесть, честь и убеждения, тем изощренней преследования отрицающих личностей. Развитие товарно-денежных отношений способствует этому процессу.

Между отрицающей личность и продажностью лежит субъективная порядочность, как высший принцип поведенческой культуры. Она выступает рычагом сопротивления продажности. Порядочный человек может не быть отрицающей личностью, но сохраняющий этот высший принцип, не переступит грань порядочности и не пойдет на продажность ради собственного благополучия. Но таких людей пока единицы, можно надеяться, что с развитием товарно-денежных отношений их будет больше.

Это развитие предполагает конкуренцию, т.е. борьбу за выживание экономическими методами. Такая борьба при сдержанных товарно-денежных отношениях составляет смысл безликой продажности. Эти две борьбы сами являются борющимися противоположностями как товаро и продуктообмен.

Конкурентная борьба вырабатывает порядочность, основанную на предпринимательстве, которая противостоит безликой продажности. Но при этом деньги проникают во все поры общественного организма, и продажность меняет форму. Парадокс состоит в том, что при сдержанных товарно-денежных отношениях проявляется безликая продажность за похлебку, а при конкуренции она обретает классовое лицо и осуществляется за деньги. Значит конкуренция, как высшая форма товарно-денежных отношений, не отменяет продажность как таковую, а лишь ее видоизменяет. Продажность может быть уничтожена с уничтожением классовых различий. Тогда жестокость преследований сменится преследованием жестокости.

Мы выступим перед миром не как доктринеры с готовым новым принципом: Тут истина, на колени перед ней! – Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов. Мы не говорим миру: «перестань бороться; вся твоя борьба – пустяки», мы даем ему истинный лозунг борьбы. Мы только показываем миру, за что собственно он борется, а сознание – такая вещь, которую мир должен приобрести себе, хочет он этого или нет.

Karl Marx.

**ВОПРОСЫ
МАРКСИСТСКОЙ
ФИЛОСОФИИ**

№2(8) 2011

Научно-популярный журнал

СОДЕРЖАНИЕ

<i>1.Э. Беккет</i> – Мечты в Сантьяго	86
<i>2.С. Бир</i> – Мозг фирмы	91
<i>3.Л. Ольштынский</i> – Роль системного подхода в исторической науке	132

Когда тридцать лет назад вооруженные силы Пиночета свергли чилийское правительство, они обнаружили коммуникационную систему революционеров – «социалистический интернет», опутавший всю страну. Его создатель? Эксцентричный ученый из Суррея. Энди Беккет о забытой истории Стаффорда Бира.

В начале 70-х годов, в английском графстве Суррей, прошел маленький, но весьма знаменательный эксперимент. Недалеко от бара под названием «Маленькие бочонки» подросток по имени Саймон Бир, используя радиоприборы и куски картона, смастерил ряд электрических измерителей общественного мнения. Пользователи измерителей должны были поворачивать тумблер так, чтобы последний указывал, насколько они довольны или разочарованы теми или иными политическими действиями. Этот проект, хотя и был достаточно странным и амбициозным, работал. Однако еще большим потрясением для окружающих стал намеченный им рынок: не Англия, а Чили.

В отличие от Суррея, в Чили была революционная ситуация. В Сантьяго, столице Чили, радикальное марксистское правительство Сальвадора Альенде, полное энтузиазма и свежих идей, жаждало всяческих новшеств. Оно наняло отца Саймона Бира – Стаффорда – провести намного более технологичный эксперимент, измерители в котором были лишь малой частью. Этот эксперимент стал известен как «Проект Киберсин» (Project Cybersyn). Никто не пробовал сделать что-либо подобное ни прежде, ни потом.

То, что предпринял Стаффорд Бир, по его же словам, стало «внедрением» электронной «нервной системы» в чилийское общество. Избиратели, рабочие места и правительство должны были быть соединены вместе новой, интерактивной национальной системой коммуникаций, которая преобразовала бы отношения между ними, сделала бы их более свободными, равноправными и ответственными, чем ранее. Это был своего рода «социалистический интернет», опередивший свое время на десятилетия.

Несмотря на то что Стаффорд Бир и его британские и чилийские сотрудники далеко продвинулись в строительстве высокотехнологичной утопии, после свержения во время военного переворота правительства Альенде о ней очень быстро забыли. Во множестве бесконечно обсуждаемых историй, часто мифологизирующих период правления Альенде, «Проект Киберсин» едва ли достаивается даже сноски. И все же вовлеченные в проект лица, результаты, которых они достигли, оптимизм проекта и его амбициозность и, возможно, его нереализованность содержат важные истины о самом привлекательном левом правительстве конца двадцатого столетия.

Стаффорд Бир, который умер в прошлом году, был неутомимым и идеалистичным британским авантюристом, который долго присматривался к Чили. Отчасти ученый, отчасти великолепный организатор и управленец, а частью и социально-политический теоретик, Стаффорд Бир соединял качества, редко

встречающиеся в людях. В течение 50-х и 60-х гг. он быстро разбогател, но это не избавило его от растущего разочарования в английском обществе. Идеи о сходстве между биологическими и искусственными системами, наиболее полно отраженные в его книге «Мозг Фирмы», сделали Стаффорда Бира высококлассным консультантом, пользующимся большим спросом у британских фирм и политических деятелей. Но эти клиенты принимали рекомендованные им решения далеко не так часто, как ему хотелось бы. И Стаффорд Бир стал искать контракты за границей.

В начале шестидесятых его компания сделала некоторую работу для чилийских железных дорог. Стаффорд Бир непосредственно в ней не участвовал, но один из привлеченных к проекту чилийцев, студент-техник по имени Фернандо Флорес, начал читать его книги и был очарован столь новаторскими идеями. Когда в 1970 было избрано правительство Сальвадора Альенде, в Чили уже сформировалась группа учеников Стаффорда Бира. Флорес стал министром новой администрации, ответственным за национализацию крупной промышленности. Как и во многих других областях, правительство Альенде действовало иначе, чем «традиционные» марксистские режимы. «Я был против советской модели централизации», – рассказывал Рауль Эспехо, один из старших советников Фернандо Флореса и один из учеников Стаффорда. «Я чувствовал, что в Чили эта система нежизнеспособна».

Но как же тогда нужно управлять чилийской экономикой? К 1971 г. начальная эйфория демократической, антиавторитарной революции Альенде стала спадать. А Фернандо Флорес и Рауль Эспехо обнаружили, что под руководством их министерства сконцентрирована неорганизованная империя шахт и предприятий, из них некоторые заняты самоорганизовавшимися рабочими, другие все еще контролируются старыми владельцами. Но лишь немногие из них работают с полной отдачей. В июле они попросили Стаффорда Бира о помощи.

Они знали, что Стаффорд Бир симпатизировал левым, но знали и то, что он был очень занят. «Мы собирались нанять кого-то из его команды», – говорил Рауль Эспехо. Но после получения письма Стаффорд Бир пристально заинтересовался ситуацией в Чили. Он решил повременить с другими контрактами и отправился туда. В графстве Суррей реакция была неоднозначной: «Мы подумали, что отец снова ввязался в какую-то авантюру», – сказал тогда Саймон Бир.

Когда Стаффорд Бир прибыл в Сантьяго, чилийцы были шокированы. «Это был огромный и необычайно умный человек, – вспоминал Рауль Эспехо. – Во всей его внешности, в каждом движении проскальзывала глубокая продуманность». Стаффорд запросил 500 долларов в качестве ежедневной оплаты своей работы. Хотя эта сумма и была меньшей, чем обычно, но оставалась весьма весомой для правительства, находящегося под экономическим давлением США. Республика Чили, несмотря на постоянные поставки шоколада, вина и сигар, подвергалась жестким санкциям Вашингтона и испытывала валютный голод.

В течение двух лет, пока подчиненные выискивали скромные ресурсы посреди нехватки продовольствия, а местная пресса сравнивала его с Орсоном Уэллсом и Сократом, Стаффорд Бир лихорадочно работал в Чили, каждые не-

сколько месяцев возвращаясь в Англию, где его британская команда тоже трудилась над «Проектом Киберсин». То, что стало результатом этого сотрудничества, потрясает воображение: новая коммуникационная система, протянувшаяся на всю длину Чили, от пустынь севера к ледяным полям юга, ежедневно передающая информацию о продукции фабрик и заводов, о потоках важного сырья, о количестве брака и других экономических проблемах.

До сих пор получение и обработка этой ценнейшей информации – даже в более богатых, более «развитых» странах – отнимали у правительства, по крайней мере, шесть месяцев. Но «Проект Киберсин» предлагал обходные пути вокруг многих препятствий технического характера. Обнаруженные на одном забытом складе 500 телексов, купленных предыдущим чилийским правительством, но так и оставшихся неиспользованными, потому что никто не знал, что с ними делать, были распределены по фабрикам и заводам. Центром появившейся сети стали две диспетчерские в Сантьяго. Там небольшая группа персонала собирала всю экономическую статистику воедино, а последняя прибывала каждый день по плану – ровно в пять часов. Оттуда обработанную статистику в виде отчета, используя дорогостоящую ЭВМ, отправляли в президентский дворец Ла Монеда.

Сам Сальвадор Альенде отнесся к этой схеме с большим вниманием и энтузиазмом, хотя Стаффорд Бир и набросал ее на клочках бумаги. Сальвадор Альенде был по профессии доктором и, как это почувствовал Стаффорд Бир, инстинктивно понял его мысль о схожести биологических особенностей организма с коммуникационными сетями учреждений. Точно так же они оба разделяли мысль, что «Киберсин» создается правительством не для того, чтобы шпионить за людьми и контролировать их. Напротив, планировалось, что система позволит рабочим управлять или, по крайней мере, принимать участие в управлении их предприятиями. А ежедневный обмен информацией между цехом и Сантьяго создаст доверительное отношение и поможет подлинному сотрудничеству, при котором стало бы возможным совместить личную инициативу и коллективную деятельность, то есть разрешить проблему, всегда бывшую «святым Граалем» для левых мыслителей.

Однако это далеко не всегда удавалось. «Некоторые люди, с которыми я общался, – рассказывает Эден Миллер, американский исследователь, пишущий докторскую диссертацию – в том числе и о «Проекте Киберсин», – говорили, что заставить предприятия посылать свою отчетность правительству походило на вырывание зуба с помощью нитки». В беспокойные для Чили 1972 и 1973 годы, с дефицитом, забастовками и пробуксовывающими инициативами правительства, на первый план часто выходили иные приоритеты. Да и рабочие часто не хотели или не были способны управлять своими предприятиями: «Люди, с которыми имели дело ученые группы Бира, – рассказывает Миллер, – в основном все же были управленцами».

Но были и успехи. «На многих предприятиях, – вспоминает Рауль Эспехо, – рабочие начали распределять место в своем цехе так, чтобы создать те же самые графики, что были у нас в Сантьяго». Предприятия использовали свои телексы, посылая запросы, предложения и жалобы правительству, и получали от-

веты. Была налажена обратная связь. В октябре 1972, когда правительство Альенде столкнулось с самым большим кризисом за последнее время, изобретение Стаффорда Бира доказало свою жизненную необходимость.

По всему Чили, поддерживаемые ЦРУ, в общенациональной стачке забастовали консервативно настроенные представители малого бизнеса. Ручейки продовольственных и топливных поставок угрожали иссякнуть. Тогда правительство пришло к решению, что «Киберсин» – это способ обойти бастующих с фланга. Телексы можно использовать, чтобы получать сведения о том, где сейчас наиболее тяжелое положение, о том, где люди работали и могли бы помочь нуждающимся. Смены в диспетчерских в Сантьяго работали круглосуточно. Уставшие люди, включая и государственных министров, оставались спать там же. «Комнаты ожили самым неожиданным образом, – вспоминал Рауль Эспехо. – Мы чувствовали, что находимся в центре целой вселенной». Организаторам забастовки так и не удалось опрокинуть правительство Альенде.

В каком-то смысле это было звездным часом «Проекта Киберсин». Но на следующий год, как и все правительство в целом, он начал сталкиваться с неразрешимыми проблемами. К 1973 г. проект сильно расширился. В него теперь было вовлечено от четверти до половины всей национализированной экономики. Это означало, что группа учеников Стаффорда Бира постепенно растворялась среди других, менее идеалистичных ученых. Между этими двумя группами постоянно происходило трение. А тем временем сам Стаффорд начал сосредотачиваться на других проектах: использовать живопись и народные песни для распространения принципов высокотехнологичного социализма в массах, испытывать придуманные его сыном электрические измерители общественного мнения, которые до этого никто не использовал, и даже организовывать рыбацкие экспедиции, чтобы заработать так необходимую чилийскому правительству иностранную валюту.

Тем временем правый заговор против Сальвадора Альенде становился все более явным. Экономика Чили начала задыхаться, так как соседние страны, поощряемые американцами, стали блокировать свои сделки и инвестиции в Чили. А Стаффорд Бир был обвинен международной прессой в создании в Южной Америке административно-командной системы в духе оруэлловского Большого брата. «В Чили была очень сильная напряженность, – писал он впоследствии. – Я мог выехать на родину в любое время и часто подумывал сделать так».

В июне 1973 ему посоветовали покинуть Сантьяго, и он арендовал маленький дом на побережье у одного из родственников Рауля Эспехо. В течение нескольких недель он там писал, смотрел в раздумьях на океан и приходил на правительственные встречи лишь под покровом ночи. Десятого сентября в Ла Монеда была измерена комната. Она предназначалась для установки обновленного центра управления «Проекта Киберсин». Оборудованный целыми стенами мигающих экранов и наполненный футуристическими пультами управления, встроенными в стулья, центр управления должен был стать сердцем чилийской экономики. Однако на следующий же день президентский дворец горел – его бомбили и обстреливали заговорщики. Стаффорд Бир был в это время в Лондоне и призывал организовать экономическую помощь чилийскому правительству.

ву. Покинув очередную такую встречу, с четким намерением вылететь обратно в Сантьяго, он остановился купить газету и был поражен ее заголовком: «Сальвадор Альенде убит».

Солдаты мятежников обнаружили «Проект Киберсин», который остался неповрежденным во время переворота. Генералы Пиночета требовали объяснений у Рауля Эспехо и других ученых. Однако они посчитали предлагаемые системой свободу действий, равноправность обеих сторон и открытость крайне непривлекательными и разрушили ее. Рауль Эспехо бежал из страны, но не всем его коллегам так повезло. Вскоре после переворота Стаффорд Бир оставил графство Суррей, свою жену и большую часть имущества и поселился в Уэльсе. «Он, бесспорно, чувствовал вину за то, что остался в живых», - говорил про отца Саймон Бир.

Киберсин и другие, менее известные изобретения Стаффорда Бира теперь живут не только на социалистических сайтах, но и, что более удивительно, в программах современных деловых школ. Там, где преподается важность экономической информации и методов небюрократической рабочей деятельности.

Однако – что, возможно, еще более важно – его работа в Чили повлияла на тех, кто принимал в ней активное участие. Рауль Эспехо сделал блестящую карьеру международного консультанта по управлению. Он живет в Англии уже в течение нескольких десятилетий и немного улыбается при упоминании об аресте Пиночета в Лондоне, произошедшем пять лет назад. И все же, когда после завтрака в пабе около его дома в Линкольне я спросила, изменил ли его самого «Проект Киберсин», его теплый и немного профессорский пристальный взгляд стал весьма серьезным. «О, да, – ответил он, – полностью».

Перевод Евгения Амбутавичуса

Опубликовано в газете: “The Guardian”, September 8, 2003

МОЗГ ФИРМЫ

Стаффорд Бир

Brain of the Firm, Stafford Beer

Перевод с английского проф. М. М. Лопухина

Оглавление

Предисловие и признательность автора

Часть первая. Концептуальные компоненты

Глава 1. Давайте подумаем снова

Глава 2. Общие понятия и терминология

Глава 3. Масштабы проблемы

Глава 4. Организация немыслимых систем

Глава 5. Иерархия управления

Часть вторая. Разработка модели

Глава 6. Анатомия управления

Глава 7. Физиология управления

Глава 8. Автономия

Глава 9. Автономное управление

Глава 10. Важнейший переключатель

Часть третья. Использование модели

Глава 11. Структура корпорации и ее количественное определение

Глава 12. Автономность – системы 1, 2, 3

Глава 13. Обстановка принятия решений – система 4

Глава 14. Мультинод – система 5

Глава 15. Высшее руководство

Часть четвертая. Ход истории

Глава 16. Стремительное начало

Глава 17. На пути к успеху

Глава 18. Октябрьский водораздел

Глава 19. Конец начинаниям

Глава 20. Перспектива

Часть пятая. Приложение

Словарь кибернетических терминов

Список литературы

ПОСВЯЩАЕТСЯ

*прошлым и нынешним управ-
ленцам и ученым под девизом
ABSOLUTUM OBSOLETUM
если что-то работает,
то оно уже устарело.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга посвящена большим и сложным системам, таким как животные, компьютеры и экономика. Она, в частности, посвящена системе управления предприятием – мозгу фирмы. Это трудный предмет – трудный для размышления, трудный для чтения, трудный для изложения.

Когда Белый Кролик спросил Короля, с чего начинать рассказ, Король ответил: «Начинай с самого начала и продолжай, пока не дойдешь до самого конца – тогда остановись». Но объяснение – это не рассказ. Совет Короля – хороший пример невозможности не признать трудности, которые возникают перед человеком, пытающимся объяснить работу больших сложных систем. Такая система начинается с двух подсистем, каждая из которых почти невыносимо сложна: это – автор и читатель. Далее идет сам предмет – тоже сложный – как то единственное, что их свяжет. Предмет должен быть изложен так, чтобы связать три подсистемы в имеющее смысл целое. В этом вся суть передачи знаний, но сделать это нелегко.

После многих перестановок и переписываний оказалось, что книга начинается трижды, поэтому-то она и разделена на три части. Первая определяет предмет обсуждения. Вторая посвящена тому, что я действительно хотел сказать исходя из общей посылки. Третья (как я надеюсь) о том, что читатель в действительности хотел узнать, считая, что он уже усвоил сказанное. Однако, как я полагаю, такой подход скорее облегчает задачу, чем затрудняет ее.

В общении с людьми все зависит от того, что Вы хотите довести до сведения собеседника, а не от того, что фактически сказано или написано. В данном случае предполагается, что Вы получите собственное представление о предмете, а не набор фактов. Когда предмет всесторонне понят, детали теряют важность, они могут измениться, могут быть отброшены и заменены другими. Как говорит Виттгенштейн в конце своего «логико-философского трактата», «когда Вы добрались. по лестнице до самого верха, то лестницу можно отбросить».

Но лестница обязательна, и она должна быть надежной, со всеми ступеньками – сам подъем, может быть тяжелым. Моя единственная надежда, что вид с самого верха того стоит. По окончании обсуждения предмета можно, конечно, согласиться с тем, что число ступенек наверх могло быть другим.

В частности, мы можем, если захотим, ввести совершенно новый терминологический словарь. Кстати, мне пришлось его создавать как первопроходцу в этой области. Многие сочтут его странным. Однако термины – это только названия, пожалуйста, не отмечайте их. Пожалуйста, согласитесь с моей терминологией. Я говорю так, зная, что кибернетика (особенно кибернетические публикации) побуждает людей страстно оспаривать терминологию, забывая о смысле, который в нее вложен. Впрочем, всякое общение сталкивается с подобным риском.

Это обстоятельство хорошо изложено таким автором, как Виттгенштейн. В моем доме оно проявилось в самой живой форме благодаря одному из моих детей – Мэтью, когда ему было 3 года. Он нашел две медные монеты в ящике. «Папа, – осторожно заметил он, – мои старые пенсы – то же самое, что и твои новые. Неважно, как они называются. Мы оба знаем, они для того и выпущены, чтобы на них что-то покупать».

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Оригинал этой книги впервые опубликован в 1972 г. Она уже переиздана на датском, французском, немецком, итальянском и португальском языках, и идет подготовка к изданию ее еще на трех языках. Тем временем ее публикация на английском языке прекратилась к неудовольствию многих с 1975 г.; вследствие изменения планов и состава редколлегии издательства John Wiley & Sons . Договор на издание этой книги вежливо возвращен и мне.

Ко времени ее второго издания произошло два события. Кибернетика была всесторонне использована для управления экономикой Чили (1971-1973 гг.). Неизбежное свержение правительства Альенде стало тяжким испытанием для меня и многих других, включая тогда еще не родившихся чилийцев, у которых есть основания связывать себя с несчастной судьбой их страны. Потребовались годы, прежде чем я почувствовал себя способным взяться за свои чилийские записки и составить личный отчет о том, как внедрялась кибернетика в управление экономико-социальными системами в Чили. Отчет теперь составляет новую четвертую часть (гл. 16-20) второго издания этой книги.

Во-вторых, я был связан написанием двух других книг: *Platform for Change* (Платформа для перемен), которую издательство John Wiley & Sons выпустило в свет в 1975 г. *Heart of Enterprise* (Сердце предприятия), изданную там же в 1979 г. Вторая из них представляет собой, в известном смысле, дополнение к этой книге. Благодаря моему издателю и другу Джеймсу Камерону, работающему в издательстве John Wiley & Sons , книги *Brain of firm* . (Мозг фирмы) и *Heart of Enterprise* изданы в одном томе. Я очень надеюсь, что такое взаимно дополняющее издание вызовет синергетический эффект у читателей обеих книг.

Использование этих книг стало, без сомнения, весьма распространенным. Хотелось бы знать о реализации вложенных в них идей, не только когда я к этому привлекался или выступал в качестве «сторожевой собаки». Это важно отчасти по соображениям продолжения научных исследований, а также и потому, что мне пишут многие, стремящиеся контактировать с теми, кто занимается внедрением наших рекомендаций в своих, частных, областях управления или в специфических организациях.

В предисловии к первому изданию, которое Вы, вероятно, только что прочли, объяснено, почему эта книга в первом издании начинается фактически три раза и соответственно разделена на три части (плюс приложение). Возможно, изложенная выше история достаточна для объяснения того, почему теперь она начинается четырежды и издается в четырех частях (а приложение стало ее пятой частью). Конечно, был соблазн переписать всю книгу заново, но, как представляется, это было бы несправедливо по отношению к тем, кто уже освоил ее первое издание. Пересматривая ее текст, я вводил в нее немного дополнений, предпочитая небольшие изменения и сохранение ее структуры, ее глав и разделов. Последняя проблема, касающаяся этого нового издания, связана с названием книги. Даже в 1972 г. было ясно, что ограничение рассмотрения кибернетики для управления такой жизнеспособной системой, как фирма, слишком узко, поскольку использование ее в других областях предпринимательства и в особенности в органах исполнительной власти уже началось. Включение новых материалов в четвертую часть книги привело к несоответствию названия ее содержанию. Тем не менее было бы неправомерно и нецелесообразно назвать по-новому книгу, содержание которой и смысл вполне сформировались.

По вопросу о причинах использования в названиях моих книг таких слов, как «мозг» и «сердце», полагаю достаточным сослаться на анатомию. Заметим, однако, что у многих моих коллег нет основания ожидать выхода из-под моего пера книги о «Большом пальце ноги», поскольку я движусь от головы вниз. Приняв такое решение, я все же позволю себе еще одну последнюю ссылку на человеческое тело, связанную в данном случае с нововведением в управлении экономикой страны, о чем так много сказано в этих книгах. На медали, которой я в 1958 г. был награжден в Швеции, изображена фигура Прометея. Вручавший медаль покойный Эди Варландер спросил, что, по-моему, эта фигура означает. Я ответил, что Прометей, конечно, символизирует науку, поскольку он с небес перенес огонь на землю. «Нет, нет. – сказал Эди. – На самом деле эта медаль предназначена для новаторов, а смысл фигуры Прометея в том, что новатор прикован к скале и обречен на склевывание его печени», Я не подумал тогда, что это не просто шутка, и только теперь догадался, насколько она серьезна. Вся наша структура управления с помощью поощрения и наказания очень

сильно препятствует новаторству, и этот факт требует его переосмысления, если наши институты должны сохраниться.

Тем не менее рекомендую вам «Мозг фирмы». Мозг как орган требует деликатного и в высшей степени уважительного к себе отношения, поскольку в наших умах будущее человечество, с которым нам предстоит иметь дело. Есть и другая книга, написанная Джокастой Иннес (см. список литературы), которая, судя по тому, как часто я к ней обращаюсь, вероятно, столь же важна. Ею написаны строки, их стоит запомнить: *«Ум требует бережного обращения, иначе гибнет безвозвратно»*

Стаффорд Бир

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Множеству моих друзей, знающих, что я знаю, что они мне помогли, и в равной мере тем, кто подозревает, что я того не знаю, — моя самая горячая благодарность.

Я отдаю должное памяти трех великих прародителей кибернетики: Норберту Винеру, Уоренну Макклоху и Россу Эшби с глубочайшим почтением.

Моя благодарность руководителям бизнеса и промышленности, правительственных учреждений, университетов и общественных организаций, которые позволили мне заниматься созданием теории организации и даже подталкивали меня к этому более тридцати лет. Позвольте мне также публично поблагодарить мою жену Сэлли, постоянно побуждающую меня и мою машинку продолжать работать над рукописью в течение нескольких лет, — это единственная страница, которую я напечатал сам.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

Краткий обзор первой части

Мы начнем с попытки понять специфику современных проблем управления. Как представляется, их уникальность связана с необходимостью учитывать темп перемен окружающего нас мира. Возможно, что отставание способности наших систем приспосабливаться к его изменениям превышает средний интервал проявления следствий новой техники и технологии, а если это так, то неприятностей не избежать. Однако теперь мы располагаем инструментом, который может справиться с этой проблемой, ибо действует быстро и гибко. Это — компьютер, но мы еще не понимаем, как им пользоваться. Эта книга посвящена именно тому, каким должен быть следующий шаг после появления компьютера.

Нам необходимо по-новому взглянуть на реальности мира, воспользовавшись достижениями кибернетики как науки. При написании книги я предпочитал везде, где только можно, пользоваться простым языком, но мне не удалось написать ее без введения некоторого числа новых терминов. Они потребовались при рассмотрении нескольких новых концепций или концепций, заимствованных из других наук. Если вторая глава будет внимательно прочитана и читатель не отбросит книгу, то он вооружится первым набором нужных ему инструментов. В конце книги помещен словарь кибернетических терминов, позволяющих читателю при необходимости обновить смысл этих новых терминов. Вполне может случиться, что эти странные термины вскоре станут Вашими старыми друзьями – они того заслуживают, иначе я не стал бы их вводить.

Далее (гл.3) начинается использование этих инструментов. Здесь обсуждается и анализируется действительно фундаментальная проблема управления – проблема сложности: как ее измерить, как с нею справиться. Мы рассматриваем наши проблемы касательно таких факторов, как люди, материалы, оборудование и денежные средства, а также их взаимодействие. Кроме того, нам следует уяснить природу причины, в силу которой система переходит из одного состояния в другое, а это относится к закону Эшби. Как выяснятся организации для того и существуют, чтобы выполнять этот закон! (Многое об этом будет добавлено в гл. 15.)

К концу гл.3 станут ясными фундаментальные причины, по которым нельзя все организовать до последней йоты (и, говоря по-человечески, к этому и не нужно стремиться). Конечно, все мы знаем, что это невозможно и что фактически огромное число событий сами себя организуют. Но если мы точно знаем почему, то можем подойти к ответу на вопрос «как». Этому, т.е. природе самоорганизации очень больших систем, посвящена гл.4. Уяснив надлежащим образом ее принципы, мы получим полную возможность улучшить управление, не вводя его формально. Это именно то, что делают хорошие управляющие. Здесь будут введены еще несколько новых терминов (которые, как подтверждает опыт, станут полезны управляющим), включая описание небольшой простой машинки, которую я назвал алгедонод. Зачем она понадобилась, объяснено в тексте.

Но зачем еще одно новое слово? Ответ в том, что никто ранее не рассматривал этот механизм как самостоятельный, и он поэтому не имеет названия. Все мы о нем знаем, но задача кибернетики заключается в превращении некоего нечеткого понятия в точное и ясное с тем, чтобы знать реально, как им пользоваться в дальнейшем. В гл.5 простой алгедонод используется как строительный блок для конструирования еще больших систем. Здесь нам предстоит усвоить, что система должна понимать смысл иерархии организации. Иерархия

нужна по фундаментальным причинам, обусловленным логикой создания больших систем. Когда все это переводится на человеческий язык, то выглядит так, как будто речь идет о власти и престиже, а это приводит к тому, что люди теряют из виду реальную природу таких систем и их смысл.

К концу первой части нам придется совершенно по-новому взглянуть на природу управления и на то, как подойти к задачам организации и контролю. Пожалуйста, не отчаивайтесь, если практическое приложение всего этого еще не ясно. Как говорилось в предисловии, первая часть – начало разговора. Мы продолжим его во второй части.

Глава 1

Давайте подумаем снова

После долгого перерыва нечто серьезное начало, по-видимому, происходит в управлении. Молодые, более решительные и ориентированные на использование достижений науки руководители стали появляться на высших должностях и даже среди руководителей предприятий. Стали испытываться новые модели организаций, созданные с учетом достижений науки. Прошли дни, когда заявлялось «у нас это принято делать так», а 70 лет попыток поставить управление на научную основу начинают приносить свои плоды.

Я говорю об этих признаках с чувством потерпевшего крушение моряка, завидевшего парус на горизонте. Дело в том, что мы, как динозавры за много лет до нас, довольно поздно предприняли попытки приспособления к новым обстоятельствам. Перемены – технологические – происходят всегда. Однако с точки зрения управления мы к ним не приспособливаемся и в известной мере вымираем.

Два предыдущих абзаца, впервые написанные почти девять лет тому назад, открывали первое издание этой книги. При ее пересмотре, как кажется, все, что требуется, так это заменить «70 лет» на «80 лет». Но это было бы нечестно. Боюсь, что иллюзии об изменении в управлении, о которых я упоминал, потерпели крушение. Лозунг «У нас это принято делать так» вновь стал повсеместно основным. Свидетельства 1978 г.: британский премьер-министр, называемый «социалистом», сохранил свой пост как представитель консервативной политики, а американский президент, назвав себя «демократом», сохранил свой пост, прикинувшись республиканцем. Рискованные идеи быстро увядают вследствие того очевидного факта, что сторонники этих идей не могут их довести до соответствующих выводов, и тогда старые идеи побеждают. И не потому, что они более обещающи, отнюдь нет. И то, что в мире все трагически смешалось лучшее тому доказательство. Я, следовательно, должен считать себя виноватым в том, что обращал внимание только на самые важные технологические перемены, а мне следовало бы упомянуть также и о политических, и о социальных из-

менениях. Однако я не вижу причин, по которым должен был бы продолжать поступать, как и ранее (хотя мне и придется вновь прерываться). Дело в том, что я исходил из более глубокого понимания существа предмета. А суть в следующем.

Трудно делать подобные заявления человеку, живущему в культурном обществе. Другие народы, оказавшиеся в худшем положении, или более безрассудные, менее чувствительные, чем мы, к историческим процессам развития человечества, ушли далеко вперед. У них не было времени, чтобы разочароваться или стать самыми умудренными. Мы же со своей стороны, кажется, слишком долго заявляли, что фантастический темп технического прогресса всего лишь дело его степени; наша культура не допускает признания его сюрпризов и утверждает, что надо еще посмотреть; как он сложится. Она не позволяет нам увлекаться. Ну и что, если кто-то изобрел компьютер: «Это только средство ускорения счета», тогда как компьютер – вещь совсем другого класса.

Жалоба, которую я хочу положить на порог нашей культуры, такова. Мы считали, когда был изобретен арбалет, что теперь «пришел конец цивилизованной войне». То же самое говорилось, когда появились танки, отравляющий газ, магнитная мина. Оглядываясь теперь назад, мы понимаем, что эти изобретения соответствуют прогрессу и что каждый технический успех в средствах нападения быстро вызывал к жизни силы (как бы невероятным это сперва ни казалось) для создания эквивалентной техники защиты. То же самое было и в промышленности. Мы рассуждали о промышленной революции, но теперь, если оглянуться назад, уже никто не верит в то, что она была настоящей революцией. Она была частью эволюции. Так и наши современники по-прежнему не склонны признать исключительность тех технических чудес, которые они видят в последние десятилетия. Они относятся к ним прохладно, и не только я утверждаю экстраординарность происходящего и заявляю, что «мир в корне изменился». Первый человек на Луне был, конечно, «арбалетом» нашего времени. Однако философы науки также поддерживают этот приговор нашей культуры, поскольку утверждают, что вселенная развивается непрерывно и что не бывает «особых событий». Или, как говорили их предшественники в средние века: *natura non facit saltus* – природа скачков не совершает.

На фоне всех культурных, исторических и философских доказательств о том, что нет никакой проблемы адаптации, динозавры все же остаются. Их погубила не атомная бомба, ни другое какое-то особое событие, но *темпы перемен*. Так и мы не должны обманываться такими фактами, как существование космической ракеты или компьютера, но должны смотреть на темп перемен, который создают эти технические достижения. Именно темп, скорее чем сами перемены, это то, к чему мы должны приспособиться.

Рассмотрим теперь, если мы уже заговорили о ракетах, скорость, с которой мог перемещаться человек. На большей части тех 2000 лет нашего календаря самое лучшее, что человек мог сделать, так это взобраться на коня и помчаться галопом. Первая перемена здесь произошла совсем недавно в связи с изобретением парового двигателя. Вскоре его сменили двигатель внутреннего сгорания, турбина и сама ракета. Кривая, соответствующая последовательности событий, приведена на рис.1, на которой нанесена также «огибающая кривая», которая, касаясь их всех, демонстрирует общий темп этих изменений.

Странно, а возможно совсем не странно (поскольку наука едина, как и природа), что весьма похожие кривые получаются, когда пытаются измерить прогресс в других областях человеческой деятельности. Например, скорость передачи сообщения совсем еще недавно была жестко связана со скоростью передвижения человека. Вы отдавали письмо верховому или позднее посылали его авиапочтой. Открытием, которое увеличило почти до бесконечности скорость передачи сообщения, стало радио (почти вертикальная линия на рис.1). Несмотря на это возникли трудности при наземной радиопередаче сообщения, и уже совсем недавно было найдено, что лучше направлять радиоволны на искусственный спутник, чем на слой Хевисайда. Так вновь появилась возможность увеличить скорость передачи информации, как еще совсем недавно казалось, так или иначе ограниченную скоростью наземной радиопередачи.

Такое же положение со счетом. В течение большей части рассматриваемых нами 2000 лет люди были ограничены в счете их способностью пересчитывать свои пальцы или камешки. Даже *ученые* были ограничены элементарными формами счета (арифметика с арабскими цифрами и много позже логарифмы), которые они сами изобрели. Важнейшим техническим прорывом было колесо Паскаля, которое позволило механически складывать и вычитать ряды цифр бесконечной длины. Это произошло в середине XVII в. Так было до 20-х годов XIX века, когда Ч.Бэббидж изобрел значительно более сложный, но все тот же механический компьютер, а типичный механический конторский арифмометр стал использоваться только в конце XIX в. В такую машину позднее была добавлена электрическая часть, но нам пришлось ждать 1946 г., когда был изобретен электронный компьютер. Современный компьютер работает по крайней мере в 1 млн. раз быстрее, чем первые ЭВМ конца 40-х г. К 2000 г. их быстродействие увеличится в 1 млрд. раз.

Здесь уместна вторая вставка в новое издание книги. Вышеупомянутый прогноз требует корректировки. Скорость работы современных компьютеров увеличилась с десяти до ста миллионов раз по сравнению с той, что была у них в 40-е гг., а предсказание для 2000 г. может оказаться заниженным. Но скорость их работы ничто по сравнению с их дешевизной. Создание микропроцессоров

представляет собой значительно более важную революцию, чем само изобретение компьютера, поскольку его может приобрести себе всякий, кто пользуется самым минимальным кредитом. Это событие вырвало компьютеры из рук большого бизнеса, что явилось фактом колоссальной важности. Теперь вновь вернемся к тому, о чем писалось в первом издании.

Каких бы достижений человечества мы не касались, по-видимому, получим кривую, подобную той, что приведена на рис. 1, - кривую, состоящую из частных кривых, каждая из которых представляет эпоху в своей области. Есть и другое достижение человечества, которое, увы, следует тому же шаблону, - рост населения. Существует достаточно точная оценка народонаселения всего мира за два последних тысячелетия, но теперь темп его роста на подобном графике отображается почти вертикальной линией. Согласно имеющимся моделям, построенным исходя из тех же данных, эта зависимость и должна изображаться вертикальной линией. Если такой темп продолжится, то, как подсчитано, народонаселение мира к 2026 г. станет бесконечно большим. Это означает, что Мальтус был по крайней мере наполовину прав, полагая, что Земля не прокормит столь стремительно растущее население, что мы погибнем не только от голода, но и из-за отсутствия места. Из всего этого вытекает два урока.

Первое, если мы возьмем типичную продолжительность жизни человека и нанесем ее на рис.1, то увидим, что линия сил технического прогресса на большей части истории цивилизации шла горизонтально. Это означает, что человек встречался при рождении с таким же миром, каким он его покидал. Такие события, как изобретение арбалета, могли его удивлять в свое время, но верно будет считать, что они укладывались в его стандартные представления и вносили (если вновь оглянуться) сравнительно малые изменения в его жизнь. Однако если наложить отрезок продолжительности нашей жизни на зону последних десятилетий, то обнаружим, что линия технического развития пересечет его неизбежно. В течение нашей жизни наши возможности расширились, по всей видимости, в миллион раз или около того и вообще не могут рассматриваться в качестве нормальных для ранее существовавших людей. Не удивительно тогда возникновение проблемы приспособления к переменам. Я повторяю – это не *случайность*. Весь темп прогресса принял взрывной характер, и вряд ли существует такая область человеческой деятельности, которая оставалась бы статичной столь долго, чтобы можно было к ней приспособиться. Поэтому мы ощущаем трудность своего положения. Посмотрим на проблемы, возникающие у нас с детьми. Существует и культурный, и психологический разрыв между поколениями, который, по-видимому, всегда наблюдался в истории человечества. Современники спрашивают, не является ли разрыв в наших поколениях более значительным. Одно могу сказать: надеюсь, что это так. Все слои общества

сталкиваются с той же проблемой приспособления, и если нашим детям при жизни одного поколения не удастся создать новый образ жизни, новое о ней представление, то человек как вид – обречен.

Мы оказались в западне наших культурных и социальных шаблонов, но тогда чем более непостижимы для нас наши дети, тем, вероятно, оно и лучше.

Когда мы обращаемся к управлению – будь то фирма или страна, или международные дела, то встречаемся все с той же проблемой – проблемой приспособления. Как мне представляется, она бросает вызов управлению. И если эта проблема сводится к темпу технических перемен, то, по-видимому, нет другой альтернативы, как обратиться к науке за ее решением. Именно научным должно быть современное управление. Вопрос не в том, как часто пытаются представить дело, чтобы использовать «лучшие методы» или «передовую технику». Такая точка зрения была хороша в самом начале экспоненциальной кривой прогресса. Сегодня требуется тотальная переоценка наших методов управления, которая, в свою очередь, охватывает также требования переоценить организации, которые нами управляют.

Второе, о чем нужно подумать, несколько иного сорта. Оно возникает из утверждения, что народонаселение мира «выглядит» якобы так, что различие между народами становится чрезвычайно малым. Никто, как я полагаю, с этим не согласится. Почему? Так можно думать просто со страха. Но более спокойное рассмотрение вопроса подсказывает, что как природа не делает скачков, так и народы не склонны становиться неразличимыми. Бесконечно малое различие касается математически описываемых процессов, а не физических. Оно есть абстракция, реальности конечны. Следует отметить, что в случае рассматриваемых нами кривых они представляют собой огибающие, состоящие из частных кривых, характеризующих технические эпохи, которые сами предельны. Пределы типичны для развивающихся процессов в природе. Такие кривые склонны принимать S-образную форму, т.е. стремиться к пределу, математики называют их «логистическими». Но если составляющие огибающую предельны, то кажется вероятным, что и рассматриваемая нами общая кривая будет также стремиться к пределу или, по крайней мере, станет частью общей пока еще не представляемой нами технологической эры.

На рис. 2 представлена типичная кривая роста, отражающая процессы в природе. Мы можем наблюдать ее в биологической сфере, например в нашем собственном росте, или в экономике, росте рынка и даже не только в животном мире, но и везде, где имеет место рост. Например, когда человек строит завод или большой станок, то он должен располагать деньгами для покрытия начальных расходов – на закладку фундамента или базы. Это капиталовложение на короткое время остается практически статичным, пока собираются материалы и

рабочая сила для более серьезной работы. После этого темп работ увеличится, станут расти капиталовложения. Кривая роста далее возрастает неуклонно и очень быстро. Однако к концу работы расходы обычно начинают приближаться к своему пределу, как и усилия работников. Эта фаза, в течение которой нужно ждать последних поставок деталей, которые, как оказалось, забыли вовремя заказать, теперь никто не знает, когда придет последняя деталь.

Если проследить за прогрессом технологии в нашу эпоху, то обнаружится то же самое явление. Был медленный старт, поскольку технология еще не полностью определилась; тут были свои трудности. На средней фазе этой эпохи наблюдалось быстрое обучение – открытие следовало за открытием, создавая преуспевающие отрасли промышленности. Такой ход событий характерен для всех процессов обучения по мере того, как они приближаются к своему теоретическому пределу. Тогда обнаруживается, что для каждого эквивалентного периода времени, в прошлом особенно для каждого дополнительного капиталовложения, улучшение становится все менее и менее значительным. Можно считать обычным как в работе человека, так и в развитии любого дела прекращение усилий и согласие удовлетвориться чем-то несколько меньшим, чем идеал. Таково утверждение закона о падении эффективности. Этот инструмент используется в экономике, и фактически любое нормальное производство следует этому закону.

Дальнейшее внушает тревогу. Достигнутый уровень эффективности работы, как бы его ни мерить, будет, вероятно, поддерживаться некоторое время. После этого, если этот рост не сведется на нет, эффективность может начать фактически *падать*. Как беззаботные люди могут забыть то, что знали, как и биологический организм, полностью выросший, может начать увядать, так и рынок может сокращаться, достигнув насыщения, так и фирма может потерпеть неудачу и прийти к банкротству. Даже преуспевающая техника или технология может перестать быть в дальнейшем экономически выгодной. Когда такой симптом появился, есть одно лекарство. Бесполезно воображать, что дополнительные усилия, дополнительный капитал могут восстановить умирающий организм. Должно приниматься решение – наложить новую кривую роста на старую. В технике это означает: начать новые исследования или найти других работников, получить другое оборудование для работы в проверенной, но новой области, которая достаточно чужда как для руководителей данной фирмы, так и для ее работников. Такой переход будет, вероятно, болезненным. Для самой фирмы правильным решением может стать приобретение другой фирмы или, возможно, слияние с другой фирмой исходя из того, что синтез дает больше, чем сумма его частей.

В любом случае здесь уместно указать на два серьезных обстоятельства. Во-первых, предстоит преодолеть массу практических трудностей, связанных с коренными изменениями производства, сохраняя в то же время действующее на полную мощность старое. Вторая трудность, как ни странно, более серьезна, поскольку она концептуального характера. Если люди, которых коснутся изменения, будут рассматривать их как «новое веяние» или «некое разнообразие», или как «укол в руку больному», то дело провалится. Работники должны поддерживать изменения и смотреть на них шире. Они должны видеть и понимать, что наложение новой кривой роста на старую делается для того, чтобы создать часть огибающей кривой, которая пойдет вверх и приведет, вероятно, к совсем другому результату. Они не совершенствуют старую технологию, а создают новую. Они не улучшают свое дело, которое знают и любят, они создают новое – с неизвестными характеристиками.

Рассматривая перспективу вложений капитала (будь то слияние с другой фирмой, приобретение другой фирмы или разработки новой технологии), фирма столкнется с трудной проблемой статистического анализа. Рассмотрим ответственного начальника (или директорат), стремящегося опереться на то, что эвфемистически известно как «факты». Мы хотим получить ряд цифр, показывающих, как идут дела, – будь то прибыль, фондоотдача, темпы производства или какой-то другой показатель.

Можно построить небольшой график (рис. 3), показывающий тенденцию возрастания за последние несколько лет. Если мы честны, то нашим первым желанием будет попросить у кого-то соответствующую информацию за последние 20 лет. Если этот кто-то тоже честен, то он, вероятно, откажет и напомним, что всего четыре года прошло с дней последних преобразований или пожара, или нового закона о налогах, или войны на Дальнем Востоке. Под любым из этих или других предлогов он будет убеждать, что никак не следует принимать всерьез информацию за более ранний период, чем тот, за который он нам ее уже представил. Условия действительно могут стать несравнимыми. Тогда мы должны посмотреть на наш короткий ряд точек и провести между ними прямую. Можно сделать это на глазок или использовать математическую статистику, проведя регрессивный анализ. Во всяком случае, эта линия будет тем, в чем мы твердо уверены, более того, мы попытаемся ее экстраполировать. В этом и смысл сплошной линии и ее пунктирного продолжения.

Все хорошо, если мы видим, что значения интересующего нас параметра растут. Но, как мы знаем, кривая роста склонна к насыщению. Тогда спрашивается, где на кривой насыщения находится наш отрезок? Возможно, он подходит к началу кривой (отмечено буквой X), когда ей предстоит быстрый рост. В таком случае, как показано на рис. 4, экстраполяция с помощью прямой линии

будет свидетельствовать о медленном росте потенциала фирмы – нас обойдет конкурент, делающий более крупные капиталовложения.

Однако, если кривая относится ко второй части капитальных вложений (отмечено буквой Y), мы породим ожидания, которые вызовут горькое разочарование, так как мы произведем излишние капитальные вложения. В обоих случаях наша фирма погибнет. Поначалу кажется так просто найти место, где «сейчас» лежит наша прямая на кривой роста. Это было бы так, если бы мы наперед знали, что растет. К сожалению, мы этого не знаем. Мы знаем только наше *представление* о нашем производстве, наше *представление* о его технологической основе. Каким станет наше дело и какую технологию будем мы тогда использовать, почти неизвестно. Как утверждалось ранее, самая главная трудность концептуального характера – глубоко понимать именно эти стороны коренных преобразований.

Природу этой проблемы можно вскрыть, если еще раз бросить взгляд назад. На рис.5 представлена огибающая кривая E нашего бизнеса. Технология A – та, с которой мы хорошо знакомы. Технология B представляет ту, которая (пока нам неизвестна, поскольку она еще разрабатывается) будет доминировать в нашей отрасли промышленности в следующую эпоху.

Настоящая ситуация соответствует моменту t_1 . Все было бы ясно, если бы мы предвидели момент t_2 , когда новая технология распространится на нашу отрасль. Но когда наступит этот момент, к сожалению, сейчас далеко не ясно. Мы преуспеем в бизнесе или потерпим неудачу в зависимости от нашей мудрости – от стремления стать первыми в освоении технологии B и затем в нужный момент начать капиталовложения в ее освоение. Конечно, это не решение типа «все или ничего», принятое в какой-то особый момент.

В такой ситуации предпочтительна стратегия смешанных капиталовложений – в *обе* технологии в течение всего интервала времени между t_1 и t_2 . Следует продолжать вкладывать в технологию A , чтобы обеспечить непрерывное получение прибыли и получить максимальную отдачу от ранее вложенного в нее капитала. Но следует также начать вкладывать капитал в технологию B , чтобы обеспечить плавный переход к ее использованию, когда, технология A себя исчерпает.

Однако нужно помнить, что нам известна ситуация лишь в настоящее время – t_1 , а весь остальной график достаточно гипотетичен. Здесь наряду с чисто технологическими возникают весьма трудные психологические проблемы относительно выбора нового курса. Кто-то из числа руководителей фирмы может предвидеть появления технологии B и ее влияние на дела фирмы. Другие, вполне естественно, склонны объявить такого человека сумасшедшим. Более того, любой, знающий фирму, заявит, что технология B ничего общего на имеет

с ее производством. Предположим все же, что битва выиграна и люди постепенно убедились в важности технологии В. Но еще предстоит принять решение о капиталовложениях и решить много других проблем. Некоторые совершенно справедливо укажут, что капиталовложения в технологию В могут истощить ресурсы фирмы. Неверно оценив момент времени, они могут не поддерживать технологию А в период, когда она еще дает прибыль, но вместе с тем упустить возможность получения прибыли за счет технологии В, поскольку фонды исчерпались. Все это важные обстоятельства. Однако может случиться обратное: если директор фирмы слишком затянет решение, то фирма уступит свою долю рынка конкурентам, которые правильно оценили фактор времени.

Эта дискуссия выливается в проблему корпоративного планирования. В прошлом руководство фирмы мало что слышало на эту тему, но вопрос планирования стал внезапно модным. Возможно, это еще одно проходящее увлечение школ бизнеса и консультативных компаний. Я утверждаю, что это не так по причинам, указанным в начале этой главы. Фирмы всегда сталкивались с проблемами корпоративного планирования, но они их достаточно легко решали, поскольку линия технологического развития была почти горизонтальной (см. рис.1). Сегодня, как отмечалось, она стремится вверх все круче и круче. Следовательно, проблема приспособления фирмы, которая является проблемой планирования, оказалась не таким уж простым делом. Планирование стало делом высшей ответственности. Короче говоря, потребовалось 500 лет, прежде чем Сикорский сделал коммерческим продуктом вертолет, предложенный Леонардо да Винчи, но в течение 20 лет после появления первого компьютера в Пенсильванском университете он не только стал коммерческим товаром, но и обещает управлять всем миром. Фактически и наука находится в начале своего развития, поскольку едва ли не все ученые, когда-либо творившие, живы до сих пор. Такова кривая бурного роста самой науки, и с этим столкнулся современный мир. Как управлять фирмами, как их организовывать, как их обслуживать, как и что делать в правительстве, в промышленности, в бизнесе, теперь далеко не известно. Прошлые знания, как и прошлый опыт, стали почти бесполезны. Мы все оказались в положении экспериментаторов.

Именно на этом фоне управление столкнулось с компьютером. Этот инструмент предлагает управляющим его собственную «технологию В» – нечто глубоко разделившее мир управления. Однако управляющие направили свои усилия на те возможности компьютеров которые так или иначе препятствуют возникновению нового порядка в управлении. Вместо того, чтобы ввести компьютер в технику управления технологией А, они стремятся использовать его для улучшения или, скажем просто, для ускорения решения вопросов, которые

они и без того знали, как решать. По моему мнению, можно проследить четыре фазы этого процесса.

Первая фаза – удивление. Публика назвала компьютер «электронным мозгом», хотя понимающие дело говорили, что это далеко не так. Чего в действительности управляющие должны были ждать? Ответ на этот вопрос зависел от темперамента, но многие управляющие опасались двух вещей. Компьютер мог оказаться для них совершенно непостижимым и, следовательно, представлял для управляющего угрозу его карьере; в другом случае стоимость компьютера могла привести фирму к финансовому краху. Но хороший руководитель «сделан более добротной». На втором этапе он правильно понял природу ЭВМ и предпринял серьезные усилия, чтобы разобраться в основных принципах ее работы. Он быстро обнаружил, что ЭВМ – умственно отсталый инструмент. Такое открытие не только избавило его от неоправданных страхов, но и уничтожило чувство удивления компьютером, что очень жаль.

Хотя возможности даже современных компьютеров в сравнении с человеческим мозгом во многих отношениях весьма ограничены, они во многом значительно превосходят компьютер, скрытый под нашим черепом. Но на второй фазе люди как-то упустили эти обстоятельства из поля своего зрения и принялись обсуждать довольно тривиальные проблемы, касающиеся достоинств ЭВМ для контор и для научных исследований, исходя, например, из требований эффективности капитальных вложений в ЭВМ. Тогда вопросы управления быстро превратились в вопросы политики, поскольку люди использовали эти тривиальные аргументы для оправдания существования разных ЭВМ – для контор и для научно-исследовательских лабораторий, с учетом доходности их производства. Все, что разжигает аппетит к частностям, становится не только злом, но отвлекает от вопросов, которые действительно следовало бы обсуждать.

Для руководителя наше время – век электронной обработки данных – «electronic data processing» (или сокращенно ЭОД, англ. EDP). Независимо от того, с какой целью ведется обработка данных, все усилия теперь сосредоточились на том, как лучше добиться, чтобы данные поступали быстрее и дешевле – путем ли установки компьютера или путем сокращения ортодоксальных конторских процедур. После того как эта идея была признана управляющими (и, конечно, этот процесс продолжается), некоторые управляющие решили двигаться вперед и установить у себя компьютеры. Это привело их к третьей фазе, на которой сейчас находятся большинство предпринимателей. Довольно распространенным стало использование компьютера в роли новой лампы вместо старой¹. Рутинная работа делается машинами, кое-где произошло некоторое сокращение чиновничьего аппарата. Производительнее и качественнее стала их работа, некоторые люди научились по-деловому использовать компьютеры, но

некоторые так этому и не научились. Добивались сокращения расходов, но часто экономия оказывалась ничтожной. Многие, кто ввел компьютеры на второй фазе, разочаровывались в них на третьей, а многие, кто их не приобрел, чувствуют себя вполне прилично и без них.

Тем временем, однако, лидеры в этой области перешли к четвертой фазе развития компьютеризации. Она началась со следующей дилеммы. В мире вычислительной техники произошло достаточно много событий, подтверждающих, что компьютеры теперь с нами навеки. История показала, что, как только человечество узнало о возможности выполнения разных функций машиной, машины вытеснили людей. И здесь же началось разочарование, а вся экономика стала выглядеть неустойчиво. Ответ на эту дилемму стал ясен. У слишком многих управляющих вскружилась голова под давлением аргумента электронной обработки данных: «больше и быстрее». Это привело к недостатку размышлений над тем, чему должна служить представленная управляющим информация. Это, как было провозглашено на четвертой фазе, информация для управления. Итак, магическая аббревиатура была заменена менее магической аббревиатурой ИСУ (информационная система управления).

Такая замена, конечно, казалась шагом вперед – серьезным подходом к вопросу о цели электронной обработки данных. Но в жизни получалось так, что мы стали все больше и больше возвращаться к старой философии управления. Мы продолжаем заменять одну вещь другой, более эффективной, и теперь уже считаем, что все эти биты и кусочки информации должны быть *интегрированы* в отдельные информационные сети. Вся фирма должна теперь управляться на основе «мгновенного факта», поскольку руководители могут почерпнуть любые необходимые им сведения из огромной базы данных, накопленной всеми фактами относительно хода работы фирмы. Позднее я докажу, почему такое представление о будущем управления никак не достижимо. Здесь уместен аргумент, основанный на том, что даже если бы такая цель была обоснованной, не это главное.

Фактов, касающихся состояния дел, великое множество. Их число растет с каждой прошедшей минутой. Большинство из них бесполезно в том смысле, что не требует управляющего решения, фиксируя их, сортируя по-разному, а затем распечатывая в виде огромных таблиц, ничего полезного не достигнешь. Наоборот, руководители потонут в море бесполезных фактов. Без сомнения, важные факты в этом море есть, но они теряются в нем бесследно. Руководителю нужна информация, а не факты, а факты становятся информацией, если что-то изменяется. Руководитель есть инструмент для изменений (иначе, что же он делает?), т. е. его работа состоит в том, чтобы управлять. Это означает, что он ни в коем случае не должен создавать систему обработки данных, а должен

создавать систему управления. Но если использовать компьютер просто для того, чтобы создать увеличенный вариант старой системы управления, которая была неадекватной из-за отсутствия компьютеров, то положение не станет лучше прежнего. То же справедливо в отношении техники планирования как части вооружения руководителя, которая так остро нуждается в улучшении в смысле технологических перемен. И тут мы вновь концентрировали свои усилия на «полировке» существующих методов изготовления вещей, а не на том, чтобы разобраться, зачем мы их делаем. Какой смысл все время убыстрять, шлифовать, доводить до предела прогнившее прошлое?

Задаваться вопросом о том, как использовать компьютер на фирме, коротко говоря, неверно. Лучше спросить, *как управлять фирмой в компьютерный век*. Но лучший вариант этого вопроса: что, собственно, представляет Ваше дело в компьютерный век? В основе хорошей практики работ современной фирмы лежит проблема управления, а под ней скрывается, в свою очередь, проблема определения цели управления.

Центральная в этом вопросе проблема управления является по-прежнему его краеугольным камнем. Если руководитель должен управлять порученным ему делом – любым, вплоть до управления страной, то требуется очень совершенная система управления, которую можно создать для него с помощью компьютера. Если мы хотим ответить на вопрос о природе и цели предприятия, то система управления им должна демонстрировать, на какой идее оно создано. Этого можно добиться в том случае, если не ограничивать управление только внутрифирменной экономикой, а охватить связи предприятия с внешним миром.

В наше время наука управления стала самостоятельной областью, известной как кибернетика. Если мы захотим разработать новую систему управления, она должна иметь кибернетическую составляющую и выходить за рамки использования компьютера в смысле замены старой лампы на новую. Я говорю теперь о структуре или, иначе, об организации скорее, чем о фактах и информационных потоках. Вероятно, то, что может предложить техника управления технологией В по сравнению с технологией А, и есть точное кибернетическое решение этой задачи.

Главная заслуга кибернетики, дающая ей право называться цельной наукой, – наличие фундаментальных принципов управления, приложимых ко всем большим системам. Открытые ею принципы изучались на живых системах (таких, как мозг), на электронных системах (таких, как компьютер), а также на социальных и экономических системах. Эта книга целиком касается возможного вклада кибернетики как науки управления в управление, в профессию управляющего.

В начале, когда я задумал эту книгу, мне предлагали написать о том, как смотреть на предмет управления как таковой. Идея шла от аналогии с арифметикой. С самого начала арифметика имела дело с вычислениями на основе натуральных чисел: 1, 2, 3, 4, 5 и т. д., но в науке управления содержится и нечто другое, принадлежащее к высшей математике. Это нечто другое касается пространства законов, управляющих поведением натуральных чисел вообще. Ясно, что изучается предмет более высокого порядка, поскольку мы уверены, что и ребенок способен сложить две цифры, но нужен математик, чтобы понять природу процесса, когда, например, складываются пары случайных цифр, следующих в случайном порядке. Аналогия здесь такова: в большинстве учебных курсов для руководителей их обучают тому, что называется «изучением принципов управления». В обычных случаях такой курс в основном касается того, как манипулировать деловыми данными. Как подсчитать, например, финансовые скидки, что весьма похоже, хотя и на несколько более высоком уровне, на арифметическое сложение двух цифр. В этих условиях наш новый предмет, называемый «высшим управлением», можно определить как имеющий отношение к законам, которые управляют поведением подобных данных. Как в общем ведут себя показатели промышленной деятельности и, в частности, как они связаны друг с другом? Короче говоря, я хочу способствовать изучению управления на более высоком уровне, где природа вещей и их структурные отношения нас будут интересовать больше, чем текущие дела, которые всегда строго последовательны. Высшая задача управления – разработка курса дальнейшего развития фирмы.

В этом смысле самой неотложной проблемой, стоящей перед нами, является проблема взаимоотношения человека и машины. Мы уже говорили об использовании компьютера в роли быстродействующего арифмометра, рассматриваемого как более быстрый и, возможно, более точный способ «получения суммы». Нам предстоит посмотреть на компьютер как на нечто большее, оценить возможность его значительно более разумного использования. При всем его кажущемся «слабоумии», его способности хранить огромные объемы информации, его фантастической способности находить в них нужные сведения и его значительно превосходящей человеческую способность быстро разбираться среди тысяч количественно выраженных переменных, компьютер предлагает человеку инструмент, который превращает его в равного человеку партнера.

Быстро приближается конец средневекового деления между живой и неживой машиной. Мы видели огромные машины, проглатывающие людей, которые их создали, но теперь человек перестал быть маленьким винтиком в их создании. Мы видели машины, встроенные в человека, такие как электронный водитель ритма сердца. Мы видели машины, которые ограничивают человека, и

машины, которые расширяют его возможности. Компьютер – это машина существенно более высокого уровня, нежели усилитель его мускульных сил это средство управления, которое необходимо сделать точным. Компьютер – нечто такое, что может быть использовано как дополнительные лобные отделения нашего мозга. Тут ожидается, а в некоторых случаях оно так и будет, некоторое слияние человека с машиной – их симбиоз.

Ранее мы упоминали, что современная наука не изучает отдельные события, а рассматривает их в качестве непрерывного процесса. Я лично полагаю, что частью задач кибернетики в этом смысле является признание отсутствия специфического механизма управления различающегося по способу его реализации. Мозг может состоять из белка, а компьютер – из полупроводников. Поведение, обусловленное деятельностью мозга, возможно, более совершенно, чем можно достигнуть путем использования каждого из этих устройств в отдельности. Оно не является функцией того, из чего эти устройства сделаны. Поведение есть функция законов управления, с помощью которых управление может быть организовано так, чтобы и мозг, и компьютер заработали в согласии.

Еще раз подумаем снова.

Второе издание этой книги, естественно, своеобразно. Мне только дважды пришлось прерывать первое издание, чтобы ввести самые свежие факты. Необходимо констатировать: кибернетике уже 35 лет, и теперь появились доказательства, что кривую роста, приведенную на рис. 1, можно рассматривать не как экспоненту, а как гиперболу. Однако я не привык извиняться за недооценку, и пусть эти гиперболические кривые говорят сами за себя. Приводимые в главе аргументы, как они были первоначально сформулированы, остаются верными. Меня часто упрекали в том, что я выступаю как «предвестник всемирной катастрофы», но, как выяснилось, необоснованным оказался лишь мой оптимизм. Стоит обсудить, почему так случилось. Ключ к пониманию этого, как оказалось, лежит именно в тех двух вставках, которые пришлось вводить. В первой из них говорилось:

«Рискованные идеи быстро увядают вследствие того очевидного факта, что их сторонники, по-видимому, не могут их додумать до соответствующих выводов, и тогда старые идеи побеждают. И не потому, что они более обещающи, отнюдь нет, и то, что в мире все трагически смешалось, – лучшее тому доказательство».

Как я полагаю, так происходит обычно по двум главным причинам. С первого взгляда они представляются весьма различными.

Люди хватаются за рискованные идеи, поскольку они сулят им *освобождение*. Дела всегда идут не так, как надо, а тут новое предложение, которое ста-

вит все на место. Рискованные идеи по сути своей разумны как мирные средства начать партизанскую войну против сидящей за крепостными стенами устаревшей административной системы подавления. Проблема сводится к следующему: нам не просто одна идея кажется привлекательнее другой. То же может происходить или с отдельным человеком в поисках Бога, или с семьей, или с любой другой небольшой группой людей, стремящихся к лучшему образу жизни. Но даже и в таких случаях идея реализуется в социальной среде, а это требует учета реакции всей системы. Иначе говоря, то, что предлагается отдельным человеком или небольшой группой, должно было бы укладываться (в достаточно узком смысле) в рамки «нормального поведения» системы. Отклонение от подобной «нормы» вызывает не только удивление или неприятие идеи другими членами системы даже при наибольшей к ней благосклонности – система не организована так, чтобы ее воспринять. Например, любая замужняя англичанка, стремящаяся вести себя как свободная личность, быстро обнаружит (несмотря на наличие принятого парламентом закона), что она ограничена старыми представлениями. Так, она должна предъявлять подпись мужа как его согласие на заявлении при поступлении на работу, хотя по закону она имеет на это полное право, и т. д. Все это происходит потому, что одного стремления к реформе авторов закона недостаточно – они не учли *системных последствий* их революционных идей.

Все это еще более очевидно проявляется в области управления экономическими делами, поскольку системные последствия здесь поистине неисчислимы. Наивность, с которой выдвигаются рискованные идеи, часто звучит как смертный приговор из-за энтузиазма, с которым их поддерживают полупонимающие сторонники. Мне часто приходится удивляться тому, что всякий раз, когда нужен пример для иллюстрации того, о чем я пишу, я всегда нахожу его в сегодняшних новостях. Сегодня, именно в данный день, один из лидеров британских профсоюзов потребовал, чтобы все лаборатории, имеющие дело с патогенными бактериями, были перенесены в отдаленные районы и охранялись там с собаками за ограждениями с колючей проволокой. Идея эта новая, возникающая из-за совершенно понятного и уместного беспокойства, связанного с недостаточной безопасностью биологических лабораторий для окружающих, что послужило причиной смерти одного из членов профсоюза, возглавляемого этим лидером. Однако единственной причиной разведения смертоносных бактерий в данном случае является обучение студентов-медиков. Даже если бы мы перевели в «отдаленные районы» студентов, можно было бы наверняка держать пари, что только небольшое число специалистов, способных вести обучение студентов-медиков, двинулось бы за ними в подобные места. Так произойдет не потому, что они плохие люди, а потому, что система, охватывающая всю эту про-

блему, настоятельно требует их присутствия в больницах крупных городов, где они практически обучают студентов, осознавая некоторую рискованность такого положения.

И пусть никто из управленцев «со стороны» не улыбается скептически по поводу этого примера, касающегося профсоюзного деятеля: управленцы в *любой области* просто не в состоянии охватить всю систему, в которую предлагается ввести подобные недалекие, паллиативные идеи, и потому не в состоянии проработать до конца их системные последствия. Сказав все это, я вновь становлюсь всеобщим врагом. Но, может быть, человеческий мозг слишком мал, а человек слишком нерешителен, чтобы разобраться с последствиями в системе, с которой он имеет дело. Амбиции и алчность были главными создателями наших «систем». Цель книги в том, чтобы побудить наш ум искать ответы.

Первой причиной, по которой рискованные идеи часто проваливаются, а старые торжествуют, является покладистость. Она – всего лишь проявление слабости и несовершенства человека. Я не ссылаюсь на «теорию заговора», согласно которой злые силы способны справиться с любым нововведением. Однако же в этой теории есть одно язвительное объясняющее обстоятельство, хотя она тогда никоим образом не выступает как «теория заговора». Слово злой означает также *враждебность к нежизнеспособному*. Нам не надо быть параноидными шизофрениками, чтобы понять, что все мы в этом смысле больны.

Второе объяснение сводится не только к тому, что новая идея выходит за пределы нашей способности ее понять в рамках существующей системы, но и к тому, что существующая система считает ее угрозой своему установившемуся состоянию. Именно так и происходит, хотя и не обязательно, в силу решительного стремления системы сохранить свою власть. Это происходит потому, что существующая система просто не знает, что с нею будет, если новая идея привьется. В первом объяснении говорилось, что автор новой идеи не додумывает ее до конца – до оценки последствий ее влияния на систему. Второе объяснение утверждает, что этого сделать не может и существующий аппарат власти по вполне понятным причинам и, кроме того, у него нет к этому никаких побудительных мотивов. Вся ответственность ложится на автора нововведения. Это кажется вполне резонным. И это остается вполне резонным, пока мы не вспомним уравнение власти: аппарат власти управляет всеми ресурсами, включая необходимые для воплощения рискованной идеи...

Рассмотрим с позиций кибернетики престижную организацию, созданную для того, чтобы распределять деньги от имени правительства на научно-исследовательские работы. Согласно порядку ее деятельности этот механизм работает так, чтобы: а) предоставить деньги по результатам голосования его членов и б) получить уверенность, что такие расходы вполне обоснованы. То-

гда, если деньги предоставляются для того, чтобы существующие знания были расширены академическим или пользующимся солидной репутацией институтом, который уже доминирует в данной области, система не может доказать, что деньги «потрачены с толком», в частности, потому, что люди, пришедшие к такому заключению, связаны своими прежними решениями с теми, кто *получает* такую государственную субсидию (или получал ее в прошлом году, или получит в следующем). Если, однако, рискованные идеи и проходят, а они могут провалиться (по определению), то тогда все члены такой организации и те, кто их назначал, станут уязвимы для критики.

Этот анализ не является безответственным поношением сложившегося механизма, исполнителем какового выступает такая организация, да я и сам никогда из-за нее не страдал. Я никогда к нему не обращался, никогда не получал государственных субсидий, не соглашался стать членом организации, предоставляющей деньги на проведение научных исследований. Это я могу утверждать с достаточной степенью объективности. Если память меня не подводит, то я не знаю ни одного случая, когда бы я выступал в поддержку рискованной идеи, которая получила финансовую правительственную поддержку, как не помню случая, когда бы я выступал против из-за риска зря потратить на нее деньги.

Стоит заметить, что у всякого, сознающего рискованность своей идеи и понимающего то, о чем говорилось выше, не остается другого выбора, кроме обращения в организацию, выдающую государственные субсидии на проведение исследований. Если субсидия гарантирует провал, а отказ гарантирует успех, единственной эффективной стратегией остается рекомендация поступать в противовес складывающимся мнениям, хотя такая стратегия тоже незащитима. Но если попробовать ею руководствоваться, то будет оказана сильная поддержка существующему механизму выдачи государственных субсидий, при котором он будет значительно больше застрахован от нерискованных, т. е. неинтересных, предложений. Существующая дилемма может быть решена по-другому, но не при помощи возмущенного индивида, а обычным кибернетическим путем – *структурно*. До тех пор, пока некоторая часть средств не будет израсходована напрасно, нет способа доказать, каким должна быть ее процентная доля. Здесь мы встречаемся с *физиологическим пределом гомеостаза*, который регулирует расходы на исследовательские работы... К сожалению, эта терминология опережает объяснения, предлагаемые настоящей книгой, а надежда создать настоящее регулирование общественных средств на научные исследования обгоняет даже попытку ее реализации.

Однако вернемся к утверждению, что «старые идеи преобладают». В данном примере предсказуемо, что приведенный выше анализ будет характеризо-

ваться как «упрощенчество». Таков уж всегдашний первый тактический прием доказательства, тут ничего не поделаешь. Относительно других доказательств предсказуемо предполагать заявление о «типичном преувеличении» – все это типичные человеческие уловки. Серьезные критики сошлутся на факты Британского совета по социальным наукам, если такие факты еще есть.

Как говорилось ранее, два объяснения причин провала рискованных идей показали, в чем их фундаментальное различие: первая в нашей покладистости, вторая в нашей зловредности. Но, как уже упоминалось, это различие видно лишь с первого взгляда. У этих двух объяснений общий корень – неумение разобратся в проблеме как симптоме организационного порока и при этом либо считать, что пороки проникли в систему и могут быть устранены, либо принимать их за технические таинственные враждебные силы, которые могут наносить тяжелые удары. Общее решение такой задачи – научный и управленческий подход к системным последствиям. В несложном случае не стоит обращать внимания на то, как система отреагирует на предлагаемое нововведение, рассматривая его просто как возмущение на входе. В тяжелом случае это означает оценку того, как система вероятнее всего отреагирует на *угрозу* – угрозу исказить ее собственное единство. В большинстве случаев рискованная идея даст и хорошие, и плохие последствия. Неумение инициатора новой идеи видеть и то, и другое может обратить его в бесплодного стратега. В конце концов он может стать психически больным человеком.

Однако как бы ни проявляли себя эти тонкости, «старая идея возобладала» и поэтому «давайте подумаем еще и еще раз».

Вторая вставка в первую редакцию этой главы книги касалась микропроцессоров. Это совсем свежее нововведение – действительно рискованная идея, но и концептуальный факт. Нужно указать на ее особенности. Здесь, как мне кажется, нет философских расхождений между ценностью новой идеи и изделием, которое работает, а если и есть, то, конечно, эта ценная идея стала совершенной конкретностью для тех, кто сумел ее понять, хотя никакое число таких изделий не обладает потенциалом без соответствующего программного их обеспечения. Различие можно усмотреть, принимая за исходную другую позицию – *количество денег*. Если идея изложена в книге, то по закону ее нельзя запатентовать, нельзя получить вознаграждение за фотокопию страниц, на которых она изложена. Но вполне законно получить крупное денежное вознаграждение за образец изделия, поскольку он может патентоваться, что и сделали производители вычислительной техники. Все это прекрасно при нашем социальном строе. Но далеко не прекрасно то, что сила денег, которая четверть века управляла производством компьютеров, тотально блокировала эту рискованную идею из плохих и добрых побуждений одновременно. Однако есть твердые

основания полагать, что применительно к компьютеризации сила денежного мешка преодолена даже в обществе, подобном нашему.

По поводу второго добавления заметим, что главное в микропроцессорах – это их *дешевизна*. «Она вырвала компьютер из рук большого бизнеса, и это был шаг вперед». Так оно и произошло. В прошлом блестящие молодые люди, желающие поработать на компьютере, должны были стоять в очереди – в очереди, созданной со злым умыслом теми, кто делал на этом деньги. Общий результат этого ясно виден, но больше об этом будет сказано в последующих главах. Вызов, брошенный компьютером управлению, брошен вновь спустя двадцать пять лет...

В данной главе перечислялись четыре фазы реакции управленцев на появление электронного компьютера на управленческой сцене:

«Первая фаза – удивление».

«На втором этапе... он обнаружил, что ЭВМ – умственно отсталый инструмент».

«... на третьей фазе остановилось большинство предпринимателей. Довольно распространенным стало использование компьютера в роли новой лампы вместо старой».

«... фаза четвертая – информация для управления. И тут магическая аббревиатура ЭОД стала заменяться не менее магической ИСУ – информационные системы управления».

После объяснения, почему такой подход к делу не сработает (а он и не сработал), аналитик задался вопросом, *каким ныне после того, как компьютер стал ему доступен*, стало предприятие.

Микропроцессор, как следует из этого второго дополнения, «приведет к значительно более глубокой революции, чем изобретение самого компьютера». Когда это писалось, реакцией управляющих на это достижение было *удивление*. Тут мы вновь четверть века спустя вернулись к первой фазе. Другие фазы не могут повториться в прежнем виде, поскольку сила денег скажется теперь совсем иначе. В этой второй электронной революции всплывут на поверхность управляющие, которые поддержат блестящую молодежь, поскольку ее обучение сопряжено с мизерными затратами. Ассигнования на эти цели не станут предметом совета директоров корпорации, не будут постоянно неверно истолковываться и не будут урезаться в угоду алчным хозяевам. Более того, некоторые владельцы фирм окажутся выходцами из числа блестящих молодых людей, да и сами блестящие молодые люди станут управляющими и станут содействовать тому, чтобы не блестящая молодежь овладела новой техникой, хотя они будут по-разному озабочены будущим всего мира – некоторые с добрыми, а некоторые и с дурными намерениями.

Больше я не стану нарушать последовательность изложения этой книги добавлениями или специальными вставками, как это было сделано в данной главе, а просто исправлю текст с учетом опыта последних лет.

Но призыв остается: давайте задумаемся еще и еще раз!

Глава 2

Общие понятия и терминология

Чтобы понять сущность кибернетики больших систем управления, нам неизбежно придется порвать с общим стилем мышления, использованным в гл.1. Если существуют принципы управления, то следует начать с их точного определения. Это будет сделано исходя из того, что общие понятия и терминология, известные в классической науке управления, мало чем нам помогут. Следовательно, в этой главе начнется обсуждение систем и управления ими на новом языке, без особых ссылок на деятельность фирм. Идея сводится к тому, чтобы сесть и подумать всерьез. Что такое, собственно говоря, управление?

Первый принцип управления сводится к тому, что управляющий является частью управляемой им системы. Управляющий не является человеком, посаженным над системой высшей властью, который в дальнейшем реализует свои полномочия. В любой системе, говорим ли мы о популяции животных или внутренних функциях живого организма, функции управления распределены по всей ее архитектуре. Управление совершенно невозможно отделить от организма, но его существование вытекает из поведения самой системы. Более того, управление совершенствуется с ростом системы, и если оглянуться на историю, то станет видно, что и управляющий развивался вместе с системой.

По этой причине лучше спрашивать о том, как система узнает о себе и своем состоянии, чем спрашивать, как то же самое узнает управляющий. Я полагаю, что нам не следует рисковать, отождествляя систему с *личностью* или с чем-то другим, лучше принять за систему те границы, в которых ее различает обозреватель. Будем далее определять состояние системы по ее поведению, т.е. выделять в поведении то, что можно считать типичным для любой действующей системы. Примем систему как данное. Определим набор частей как системе, поскольку все ее части выступают как действующие в единстве. Примем обычную деятельность системы за примерное отображение ее естественной динамики. Иначе говоря, рассмотрим тот случай, когда части системы действуют типичным образом. Далее посмотрим, что произойдет, если мы вмешаемся – воткнем палку в систему, прикрикнем на нее или изменим температуру ее окружающей среды. Если система как-то ответит на эти стимулы, то можно сказать, что это действующая система. Заметьте, нам не нужно говорить, что система реагирует на стимулы, поскольку это требует целенаправленных действий по отношению к окружающему миру. Все, что мы узнали из этого эксперимен-

та, сводится к тому, что система чувствует вмешательство в нее. Это различие очень важно.

Подобное объяснение вызывает новый вопрос: что считать ответом на стимулы? Если мы вмешаемся в работу автомобильного двигателя, выключив зажигание, то будет ли верным заявить, что система реагировала остановом? Нет, поскольку мы разрушили динамическую систему, изучаемую нами, а не внесли в нее стимулы. Если мы выстрелом ранили животное, оно умрет по той же причине. В равной мере если мы бросили спичку на блок цилиндров автомобильного мотора или на спину слону, то ничего не произойдет. На этот раз потому, что наше вмешательство нельзя признать стимулом.

Нетрудно уловить смысл сказанного. Ясно, что за стимул следует принимать такое вмешательство, которое так или иначе отразится на действиях системы, будучи не слишком незначительным, чтобы не отразиться на ее деятельности, и не слишком сильным, чтобы ее разрушить. За реакцию системы примем некоторое ее изменение, имеющее смысл только результата воздействия использованного стимула. Если система изменится произвольно при введении в нее того, что мы приняли за стимул, то, вероятно, какие-то изменения последуют. Кот, не покинувший комнату после того как он увидел плакат «Поди прочь», не отреагировал на содержание надписи, и, следовательно, по нашему определению, для него такой плакат не является стимулом. Но мы вполне можем натренировать кота покидать комнату всякий раз, когда он увидит этот плакат. Если он станет всякий раз убегать из комнаты, то нам придется оставить идею о случайном совпадении и говорить о его реакции на стимул, т.е. о коте как о действующей системе.

Из этого рассуждения вытекает несколько важных принципов управления. Стимулом является то, что изменяет работу системы. Реакция системы есть ее действие, которое должно интерпретироваться в качестве следствия стимулов. В общем, это означает, что система избегает стимулов или как-то по-другому противодействует стимулам, нарушающим ее деятельность, и воспринимает или стремится усилить стимулы, способствующие ее деятельности. Заметим, что мы считаем очевидным, что наблюдаемые нами действия системы не являются случайными. Такое суждение зависит от того, насколько сильно влияет вмешательство на качественные показатели системы (что может ввести в заблуждение) или на высоконадежные показатели их повторяемости (это является научным критерием). Система, подтверждающая такое ее поведение, является действенной, по крайней мере до известной степени. Если она подтверждает такое свое поведение при всех обстоятельствах, мы будем называть ее действующей без всякого сомнения или оговорок. Это не будет безнадежно антинаучным суждением, поскольку вселенная подчиняется вероятностным, а не аб-

солютным законам. В физике, генетике, общественных науках мы полагаемся на описания и даже на законы, которые основаны на равной вероятности случайностей. Только в специальных или искусственно созданных областях, таких как теоретическая механика, эффект следует за причиной детерминированно и считается совершенно неизбежным. Но даже здесь бывают исключения.

В общем, мы утверждаем, что реакция действующих систем на стимулы бывает либо негативной, либо позитивной. В первом случае система склонна избегать враждебных ей стимулов, во втором – усиливать благоприятные. Из этого следует, что действующая система в известном смысле обладает возможностью судить о том, что к чему. Необходимо с осторожностью подходить к пониманию этого вывода Действенность по-прежнему не эквивалентна самосознанию; система не обязана судить о важности стимулов. Все, что ей нужно, так это механизм, регистрирующий полезность или вредность стимулов, но эти термины в данном случае не несут этической нагрузки. Если система обладает критерием устойчивой работы, она может быть организована для работы по благоприятному для нее критерию. Мы с самого начала заявляли: «Возьмите некоторое обычное действие в качестве типичного для естественной динамики системы» – в этом и заключается ключ к пониманию управления. Системы *существуют*, и они *работают*; если нет, то они не системы. Управление есть то, что способствует существованию и работе систем.

Мы говорили и раньше, что быть действующей и воспринимать стимулы – две разные вещи. Посмотрим теперь, почему. Так происходит потому, что критерием хорошей работы является критерий, основанный на *внутренней* стабильности. Можно предположить, что стимулы появляются из внешней среды, окружающей систему; неразумные системы этого не знают, разумные системы либо сами делают такое заключение, либо предчувствуют подобный факт. Но даже в таком случае для обеих систем управляющее действие является ответом на внутреннее изменение, после того как система так или иначе его зарегистрировала. Мы отстраняемся от боли – это психологический факт, как и съеживаемся при виде шприца или приближения горячей сигареты – интеллектуальная конструкция. В действительности мы съеживаемся от предчувствия боли, от предчувствия, существующего внутри нас, поскольку боль может испортить наше внутреннее состояние. Мы съеживаемся до того, как почувствовали боль, поскольку видим приближающуюся опасность и просто понимаем последствия такой опасности как прогноз внутренних событий. Так происходит потому, что мы – (усовершенствованная) обучающаяся система. Если бы мы не научились связывать события с их внутренними для нас последствиями, то мы бы не съеживались заранее. Типично, что наши представления об управлении довольно путаны, поскольку мы сами – системы весьма совершенные и знаем о себе

очень много. Мы научились различать стимулы, классифицировать их, поэтому мы, как и следовало ожидать, реагируем на стимулы скорее, чем на стимулирование.

Так мы пришли к совершенно неверному заключению: системы могут знать, как отвечать только на те стимулы, о которых они знают заранее, и их классифицировать. Конечно, нам возразят, что инженер не может создать машину или какую-либо конструкцию, защищенную от неизвестных, непредвиденных помех, но может создать защищенную только от тех, которые указаны заранее. Нам говорят, что мы должны определить, что считается стабильной работой машины, а затем перечислить по порядку помехи, которые считаются нарушающими стабильность ее работы. Тогда и только тогда мы будем в состоянии создать или запрограммировать систему, которая «правильно» воспримет помеху в ее работе. Все это неверно. То, в чем действительно нуждается система, и это все, в чем она нуждается, так это в способе измерения ее собственной внутренней тенденции отклоняться от стабильного состояния, а также в наборе правил проведения экспериментальной проверки ее реакций, которые возвращают ее к внутреннему равновесию. Следовательно, нет нужды знать наперед, что вызовет нарушение работы системы, как нет нужды знать, что ее нарушило. Вполне достаточно быть уверенным в том, что что-то случилось, классифицировать это нарушение и быть в состоянии изменить внутреннее состояние так, чтобы нарушение исчезло.

Система, которая может выполнить это, которая может справиться со случайным и непредвиденным вмешательством, известна в кибернетике как *сверхстабильная* система (по классификации Эшби). Например, можно представить себе устойчиво работающий компьютер, который в случае пожара в здании будет продолжать отщелкивать цифры, даже когда начнут плавиться его части. Можно подумать, что для защиты от подобного риска конструктор должен установить температурные датчики. Ничего подобного. Любой ультраустойчивый компьютер должен обнаруживать не пожар (обходиться без термометров), а «нарушение работы», поскольку внутреннее контрольное устройство должно показывать, что счет стал неверен. Компьютеру тогда следовало бы привести в движение свои колеса и просто покинуть горящее здание. В таком случае люди могут подумать, что компьютер в состоянии «почувать» пожар, и вновь ошибутся. Разумное поведение часто основывается на простых механизмах, вроде только что упомянутого, которые вводят нас в заблуждение, заставляя думать, что они основаны на более глубоком понимании обстоятельств. Простейшая версия управляющего устройства, управляющей функции системы, которую можно себе представить, выглядит тогда так, как показано на рис.6.

Сенсорное устройство (прямоугольник на рис.6.), входящее в систему, может регистрировать наличие стимулов и классифицировать их. Управляющее устройство в нем должно либо усиливать (+), либо уменьшать (-) действие стимулов в зависимости от того, помогают они деятельности системы в целом или нарушают ее. Для этого они включают и заставляют срабатывать точки А или В, которые далее предпринимают действия в зависимости от характера стимулов.

Чтобы выбрать положение переключателя (точку А или В), управляющее устройство должно сравнить ожидаемый результат эффекта своего выбора по критерию стабильности системы. Его простейшая стратегия для этого заключается в том, чтобы двинуться *немного* в сторону уменьшения, а затем немного в сторону усиления стимула, сопоставить получаемые результаты по своим критериям и затем твердо установить переключатель. Если система будет экспериментировать слишком долго, то она начнет раскачиваться. В технике это называется рысканием, в психологии – атаксией. Все системы подвержены этой болезни. Если таково простейшее устройство управления, то теперь следует убедиться в том, что мы достаточно глубоко понимаем это, и овладеть основной терминологией, обходимой для ее изучения.

Стимулы, как было показано, возникают вне системы. Стимул может возникнуть и по внутренним причинам, но наше утверждение сохраняет силу – должно быть устройство, регистрирующее, что что-то произошло, и переводить происшедшее, каким бы оно ни было, в термины, имеющие смысл для управляющего устройства. Такое устройство есть часть системы – оно является не стимулом, а тем, что его обнаруживает. Оно называется *преобразователем*, т.е. устройством, которое следит за стимулами для всей системы (оно помечено на рис.6 в круге крестом). В систему, вероятно, входит один сенсориум, одно сенсорное устройство, но много преобразователей. Фактически, основная классификация стимулов происходит в самом начале и сводится к тому, чтобы разобраться, какой из преобразователей стимулировался.

Когда преобразователь сработал, сообщение о стимуле поступило в систему. Канал, по которому сообщение о стимулах поступает в систему, называется *сенсорным каналом ввода*. Эти сообщения являются сенсорными входными данными. Другая половина цепи управления, ее замыкающая, является *моторным каналом выхода* (МОС). Соответствующий «мотор» связан с выходом, потому что выходные данные имеют смысл постольку, поскольку выходной сигнал вызывает действия. Например, в психологии нервы, представляющие выходные каналы, как говорят, передают «эффекторные» импульсы [которые могут быть стимулирующими либо ингибиторными (подавляющими): или +, или -], тогда как сенсорный выход является «аффекторным». Таким образом, мотор-

ный выход ведет к эффектам (пустая цепь на рис.6), способности действовать в зависимости от стимулов. В простом случае один из них побуждает систему действовать согласно стимулам, другой – избавляться от них. Тогда, заметьте, пожалуйста, системе безразлично, что собственно вмешивается в нее.

Действующие в реальной жизни системы управления, конечно, намного богаче; масса импульсов пробегает через огромное число входных и выходных каналов. Это справедливо как в отношении организма человека, так и в отношении управленческих ситуаций. Этот факт не меняет базовой структуры сенсорных и моторных узлов в цепи управления; однако при рассмотрении операций переключения, которые подготавливают решения, мы должны принимать во внимание то, что в больших комплексных системах этот процесс никогда не сводится к столь простому переключению, как в нашей схеме (рис.6.).

В частном случае управления техническими средствами такая процедура переключения вполне понятна. Закономерность, отображающая такую процедуру, известна как *функция преобразования*, поскольку она математически указывает, какого сорта преобразования происходят между сенсорными и моторными узлами в цепи управления. Функция преобразования математически описывается дифференциальным уравнением и может быть весьма сложной. Сложность возникает потому, что характер реакции системы часто определяется диапазоном стимулирования, вызванного данным стимулом или частотой, с которой происходит стимулирование. В живых системах управления самым наглядным примером осуществления функции преобразования является деятельность нейрона или отдельной нервной клетки. Как утверждает Маккулох, функция преобразования в этом случае будет весьма сложной и описывается нелинейным дифференциальным уравнением восьмого порядка. Мозг человека состоит, вероятно, из 10 000 000 000 нейронов, и, насколько мы знаем, нет двух из них, функции преобразования которых были бы одинаковы. Мы столкнемся с проблемой именно такого порядка при обсуждении функции преобразования руководителя. Решение, принимаемое в деловом мире, может касаться десятка руководителей, но это просто в сравнении с несколькими тысячами нейронов, функцию преобразования, управляющую нейронами, совершенно невозможно составить (если бы в этом было дело), поскольку она есть некоторая сумма взаимодействующих нейронов мозга. И нам это известно.

Дальнейшее еще сложнее. При рассмотрении управления системой я целом, что является нашей конечной целью, мы вполне можем столкнуться с тем, что не удастся даже опознать отдельные входные и выходные каналы, а удастся идентифицировать лишь их целые связки. Еще меньше наши возможности в отношении идентификации индивидуальных переключателей, преобразующие функции которых по этой причине не могут быть исследованы и еще менее мо-

гут быть измерены. Тому есть существенные причины, обусловленные физиологическими структурами, такими как нервная система, и в социальных структурах, таких как корпорации и фирмы. В подобных случаях сенсорные входные данные поступают в сенсориум распределенно, а триггеры моторных действий тоже распределены широко и достаточно плотно не только по всей периферии системы, но и между точками А и В, о которых мы ранее упомянули. Проблема переключения, следовательно, охватывает весь набор входящих и весь набор выходящих импульсов. Следовательно, вместо одного переключателя между ними необходимо иметь сложную соединительную сеть. Такая сеть называется по латыни *reticulum* (сеточка, сетчатое образование), а ее кибернетический вариант называется *anastomotic*. Это указывает на тот факт, что множество ветвей такой сети взаимодействуют целесообразно, но невозможно разобраться в том, как поступает сигнал в ретикулум. Этот термин просто означает что каналы вывода заканчиваются как дельта реки – множество потоков вливается в море и такие потоки, кроме того, часто переплетаются один с другим. Нет никакой возможности проследить, каким путем данная пригоршня воды попадает в море, как нет способа указать на то, из какого протока или источника она туда поступает.

Весьма важно усвоить это замечание об анастомотик ретикулум, поскольку процесс принятия решения как в организме человека, так и в сообществе руководителей осуществляется именно так. Мы видим информацию, которая была получена, видим предпринятые действия, эффекторные и аффекторные каналы, через которые эти меры осуществлялись, и только.

В этих условиях разумно перейти к электрической модели и попытаться построить систему переключателей, лежащую в основе цепи принятия решений. Более того, при рассмотрении рис.6 казалось разумным представить эти соединения как переключатели (А и В). Так можно было поступить, поскольку мы рассматривали простейший случай. Без сомнения, бывают простые случаи и в управлении, когда управляющий, отвечая по телефону, говорит, что следует взять курс А или В – решение принято, и он кладет трубку. В подобных случаях функция преобразования может быть выражена через минимизацию стоимости решения. Но это тривиальный случай. Обычно также трудно сказать, какие внутренние причины повлияют на группу руководителей, принимающих решение о том, как проследить путь воды в дельте реки. Поэтому, чтобы сделать модель более реальной, мы должны видоизменить главную цепь (рис.6) и представить ее, как показано на рис.7.

Применительно к этому новому варианту модели важно подчеркнуть следующее: стимулы возбуждают целую колонию входных преобразователей или сенсоров, а реакция системы осуществляется через целую колонию выходных

преобразователей (или эффекторов). Оба этих набора преобразователей служат передатчиками импульсов через множество каналов. Сенсориум и связанный с ним переключатель заменены своего рода коробкой, имеющей сенсорную панель сзади и моторную панель спереди. Эти панели соединены своеобразной сетью переключающей системы, которую мы назвали анастомотик ретикулум.

Все сказанное в этой главе до сих пор касалось управления большими комплексными системами исходя из первых принципов, хотя введенные термины имели явно биологический оттенок. Был упомянут также инженер-автоматчик, но в основном с тем, чтобы сказать, что он не в состоянии чем-то помочь нам! Однако теперь он снова выступает на авансцену, чтобы ввести новый термин – важнейшую концепцию из всех – *обратную связь*. Прежде всего заметим, что было бы ошибкой принять связь между стимулом и ответной реакцией за систему обратной связи. Этот термин стал настолько вольно использоваться в ряде мест, что почти всякая реакция на любое действие принимается за обратную связь. Содержание этого термина следует вскрыть с известной осторожностью, поскольку он относится к фундаментальным понятиям кибернетики. Для его объяснения нам придется привести небольшое математическое описание в самой общей форме в надежде на то, что это поможет правильно понять термин даже читателям, далеким от математики.

В системе есть входные и выходные сигналы. То, что происходит внутри системы и превращает первое во второе, уже было названо преобразованием и описывается функцией преобразования. В технике управления, как говорилось, функция преобразования описывается дифференциальным уравнением, которое определяет скорость преобразования во времени входных величин в выходные. Оператор в этом преобразовании обычно обозначается буквой «р». Нет необходимости детализировать это уравнение, достаточно упомянуть, что оно в общем является функцией оператора p . Как говорилось ранее, функция преобразования нейрона может быть достаточно хорошо описана нелинейным дифференциальным уравнением восьмого порядка, однако ее тоже можно записать как $f(p)$. Беда в том, конечно, что хотя и можно ее так записать, в действительности мы ее не знаем. Трудность здесь точно такая же, как в заявлении «пусть x есть число жителей в данном городе». Далее мы свободно пользуемся параметром x в наших расчетах, и, по-видимому, можно было бы подсчитать число семей в городе как функцию от x , но рано или поздно нам придется выяснить, что же стоит за числом x .

В технике управления существуют методы точного определения дифференциального уравнения функции $f(p)$. Прежде всего она устанавливает связь между входной и выходной величинами. Это означает, что мы можем определить $f(p) = o / i$, где i – входная переменная; o – выходная переменная вели-

чина. Когда дело идет об электрических цепях управления, входная и выходная величины поддаются непосредственному измерению. Более того, если можно построить график зависимости выходной величины от входной во всем диапазоне их изменений, то можно с уверенностью считать наличие зависимости между ними. Функция преобразования и есть уравнение, описывающее такую зависимость. Она может быть очень сложной, но ее можно найти, особенно потому, что мы обычно располагаем множеством доступной информации относительно переключателей и цепей, из которых состоит изучаемая система. Знание структуры системы позволяет математикам предсказывать вид требуемого в данном случае уравнения. Найти значение $f(p)$ в типичной кибернетической ситуации может оказаться невозможным. Как мы уже видели, трудно и отчасти, может быть, лишено смысла принимать что-то за входную или за выходную величину в физиологических, социальных и управленческих ситуациях. Может оказаться невозможным выделить, и тем более измерить, интересующие нас переменные. Тогда нам никак не удастся получить зависимость переменных на выходе от переменных на входе. А если структура цепи, как говорилось, представляет собой анастомотик ретикулум, то трудно сформировать какую-либо математическую гипотезу относительно формы, соответствующей данной функции преобразования.

Однако мы должны вернуться к инженеру-автоматчику и его *сервомеханизму*, как называется его прибор управления. Инженер знает входную, выходную переменные и функцию преобразования для своей системы. Стоящая перед ним задача сводится к следующему: выходной результат системы может не полностью соответствовать тому, который ему нужен. Предположим, например, что при устойчивой входной переменной функция преобразования дает устойчивую выходную переменную, которая точно соответствует желаемой. Пусть теперь входная переменная начнет регулярно изменяться – что произойдет с выходной величиной? Она может следовать за входной, поскольку предполагалось, что выходная величина должна быть постоянной. Хуже того, выходная величина, будучи поданной на вход, может усиливать колебания в системе и дать сильное раскачивание, опасное для следующей системы, выходная величина данной системы для которой является ее входной величиной. Что бы ни случилось, во всяком случае, можно измерить текущие изменения значений переменной на выходе и сравнить их с ожидаемыми. Полученные при таком измерении результаты выявят отклонения системы от нормы. Именно такие измеренные величины, которые могут быть несколько видоизменены, *подаются обратно* с целью регулировки входной величины так, чтобы при существующей функции преобразования была сформирована правильная выходная величина.

Представим себе такой простой цифровой пример: пусть функция преобразования удваивает входную величину. Пусть в данный момент значение на входе равно 3, тогда на выходе будет 6, а 6 и есть то, что мы хотим. Представим теперь, что по неизвестной нам заранее причине значение на выходе внезапно стало равным 8. Тогда отклонение на 2 будет воспринято как изменение значения на выходе, а отсюда следует, что значение на входе по той или иной причине по своему *эффекту* стало равно 4. Цепь обратной связи воспримет как свою входную величину отклонение выходной величины (на 2 единицы) и теперь должна сработать при таком его значении. Если она просто направит обратно отклонение в 2 единицы как поправку на вход в систему, то теперь при его, как мы помним, значении, равном 4, на входе останется только 2. Функция преобразования его удвоит, и новое значение на выходе станет равным 4 вместо 6. Ясно, что цепь обратной связи нуждается в своей собственной функции преобразования, которая снизит первичное отклонение выходной величины с 2 до 1 и заставит первичное отклонение на входе снизиться на это значение. Тогда выходное значение системы возвратится к требуемой цифре 6, поскольку входная величина теперь исправлена на 3.

Этот пример хорошо демонстрирует механизм действия отрицательной обратной связи, исправляющей ошибку, но он с дефектом.

Мы заморозили систему, чтобы рассмотреть фактические показатели, а затем позволили ей работать снова на конечном интервале времени, необходимом для срабатывания обратной связи. Однако причиной всех неприятностей является неожиданное изменение входного сигнала, и, вероятнее всего, он изменится снова к моменту проведения корректирующих действий. Тогда то, что произойдет за время отклонения и введения в систему обратной связи, сложнее, чем просто изменение на обратное значение первичной функции преобразования. Если бы это была единичная операция, то легко было бы видеть, что систематическое изменение входной величины, которое происходит в фазе с временным циклом обратной связи, будет не подавлено, а усилено. Наш механизм обратной связи обнаружит первичное отклонение + 2, и снижение входной величины на единицу последует точно в момент, когда на входе будет импульс, приводящий в результате к отклонению на -2. Иначе говоря, на входе останется величина 2, что генерирует 4 скорее, чем 6. Тут начнет действовать обратная связь, считывающая первое (положительное) отклонение, и снизит входное значение с 2 до 1. Теперь на выходе останется 2 вместо 6, что еще хуже.

Из этого следует, что в цепи обратной связи должна быть обеспечена своя собственная функция преобразования, которая может быть записана как $F(p)$, и она должна быть умно реализована, чтобы скорее подавлять, чем усиливать флуктуации на входе. Допустим, что так или иначе это может быть сделано и

мы получим тот впечатляющий результат, которого добиваемся – саморегулирующий механизм, в основе действия которого лежит не *причина* нарушения, а производимый ею *эффект*. Дело в том, что причиной отклонения может быть или изменение температуры (а в системе не предусмотрено ее обнаружение), или нарушение соединения (которое не предполагалось), или отказ в другой системе, генерирующей входную величину для данной системы (о которой система «ничего не знает»). Для нас важно, чтобы управление осуществлялось независимо от причины нарушения.

Чтобы уяснить различие между первичной функцией преобразования $f(p)$ и новой функцией $F(p)$, мы должны обратиться к первичной сети и сети обратной связи, которые управляются этими двумя функциями соответственно. «Сеть» – по-прежнему подходящий для нас термин, поскольку реальные системы значительно сложнее простых из числа здесь рассмотренных, в которых можно разглядеть единичные линии и цепи. «Сеть» на простом русском языке звучит лучше, чем латинское «ретикулум», как упоминалось ранее, поскольку теперь мы создаем систему со специально приспособленными соединениями. К названию ретикулум будем прибегать, ссылаясь на общие и, возможно, специальные случаи внутренних соединений в том контексте, в каком это слово первоначально было введено.

Теперь обратимся к схеме простого сервомеханизма (рис.8) – нам предстоит исследовать характеристики обратной связи на основе их математического описания. Это не означает, что мы будем изучать конкретные дифференциальные уравнения – вся дискуссия ограничится элементарными алгебраическими уравнениями, но это надо преодолеть. На вход системы обратной связи подается выходная величина основной системы – o . Выходная величина системы обратной связи есть результат воздействия на величину o функции преобразования системы обратной связи, т.е. $oF(p)$. На входе предыдущей системы в результате воздействия обратной связи вместо величины i будет величина $e = i + oF(p)$.

Если это так, то форма функции преобразования первичной системы изменится. Первоначально мы ее записали как $f(p) = o/i$, но теперь это неверно. На входе основной системы (прямоугольник $f(p)$) теперь уже величина не i , а e , представляющая суммарный эффект входной величины i и величины, обусловленной действием обратной связи, $oF(p)$.

Поскольку на входе блока $f(p)$ величина e , а на выходе o , то $f(p) = o/e$. Чтобы получить функцию преобразования всей системы, мы должны вернуться к основному определению, в котором выходная величина сравнивалась с входной, и записать новую функцию $y(p)$, которая устанавливает правильное соотношение между функциями $f(p)$ и $F(p)$. Конечно, просто записать $0(p) = o/i$.

Но чтобы сделать то, что нам нужно, перепишем уравнение для первой системы $f(p)$ и уравнение для e . Тогда получим $o(p) = o/i = f(p) / [1-f(p)F(p)]$

Из данного уравнения следует несколько выводов. Во-первых, видно, что обратная связь может стать либо положительной, либо отрицательной.

Рассмотрим произведение функций обратной связи первичной цепи и цепи обратной связи, а именно $f(p) F(p)$. Предположим, что система не требует коррекции, т.е. функция обратной связи не оказывает никакого влияния. Тогда перемножение функций даст нуль и общая функция преобразования $o(p)$ будет правильно работать как $f(p)$ сама по себе. Если произведение функций будет больше нуля, то знаменатель станет меньше единицы, а общее значение функции больше значения функции преобразования первичной цепи – в итоге получится *положительная обратная связь*. Если произведение функций станет меньше нуля, то знаменатель станет больше единицы и значение результирующей функции станет меньше значения функции преобразования первичной цепи – получим *отрицательную обратную связь*. Очевидно, что в одной и той же системе может быть как положительная обратная связь, так и отрицательная, в зависимости от формы переменной, действующей на входе, и сдвига по фазе во взаимодействии этих двух цепей.

Во-вторых, весьма интересен результат действия отрицательной обратной связи. Корректирующая обратная связь по необходимости должна быть отрицательной, если любое отклонение от заданной нормы считается по его абсолютному значению положительным. Тогда уравнение для e должно быть переписано как $e = i - oF(p)$, поскольку нам известно, что абсолютное значение функции преобразования погрешности должно вычитаться из первичного значения входной величины. Тогда уравнение для общей функции преобразования следует переписать в виде $o(p) = f(p)/[1+ f(p)F(p)]$.

Анализируя это уравнение, можно определить, что происходит, если значение функции преобразования первичной цепи становится очень большой величиной. При значении $f(p)$, существенно превышающем единицу, единицей в знаменателе можно пренебречь и сократить числитель и знаменатель на $f(p)$. В таком случае в схеме с обратной связью определяющей станет функция преобразования цепи обратной связи. Формально это можно записать так: если $|f(p)| \gg 1$, то $o(p) \approx 1/F(p)$.

Результат поразителен. У нас может быть очень слабый сигнал на входе, как это часто случается в биологических и управляющих ситуациях. Мы можем сильно усиливать этот сигнал в первичной цепи, и это часто случается. Тогда можно предположить, что любой «шум» на входе, т.е. по смыслу любая неверная информация на входе, станет также сильно усиливаться. Но поскольку в системе в целом преобладает влияние не первичной цепи, не первичной систе-

мы, а системы обратной связи, то именно она обеспечит на выходе сигнал, значительно «чище», чем можно было ожидать.

Таким образом, мы оказываемся на пути к достижению желаемого качества системы – ее сверхустойчивости. Отрицательная обратная связь во всех случаях корректирует величину на выходе в соответствии с флуктуациями на входе. Неважно, какого сорта шум действует на систему, как он велик по сравнению с входным сигналом, насколько он хаотичен и почему возник. Система стремится подавить его влияние.

Примечание. Результат решения последнего уравнения интересен и важен для понимания сверхустойчивости. Используемая здесь математика проста несмотря на введение уравнений, а аргументация понятна каждому, знакомому со школьной алгеброй. Тем не менее некоторые читатели не понимают, ни как получено уравнение для $y(p)$, ни как исчезло значение e . Поскольку под последним подразумевается «ошибка», его исчезновение особенно примечательно. Поэтому здесь в соответствии с рис.8, осуществим все промежуточные алгебраические выкладки, демонстрирующие доказательства. По определению,

$$f(p) = o / e, \quad (1)$$

$$e = i + oF(p). \quad (2)$$

Из (1) следует, что

$$o = ef(p). \quad (3)$$

Подстановка в (2) дает

$$i = e - oF(p). \quad (4)$$

Используя результат (3) и (4), получаем общую функцию преобразования

$$o(p) = o/i = ef(p)/(e - oF(p)). \quad (5)$$

Подставляя значение o согласно (3) в знаменатель (5), получаем

$$o(p) = o/i = ef(p)/(e - ef(p)F(p)). \quad (6)$$

Сократив e в числителе и знаменателе (6), имеем

$$o(p) = o/i = f(p)/(1 - f(p)F(p)), \quad (7)$$

Рис.1

Рис.2

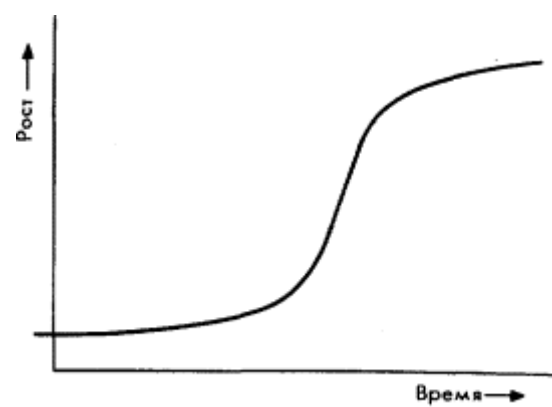

Рис.3

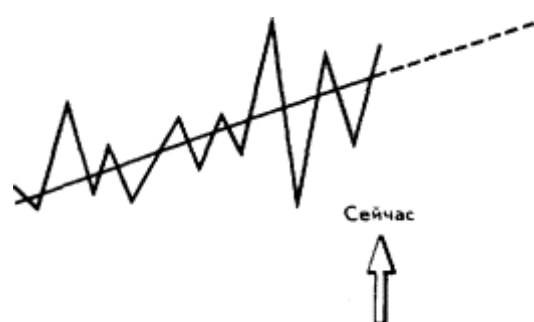

Рис.4

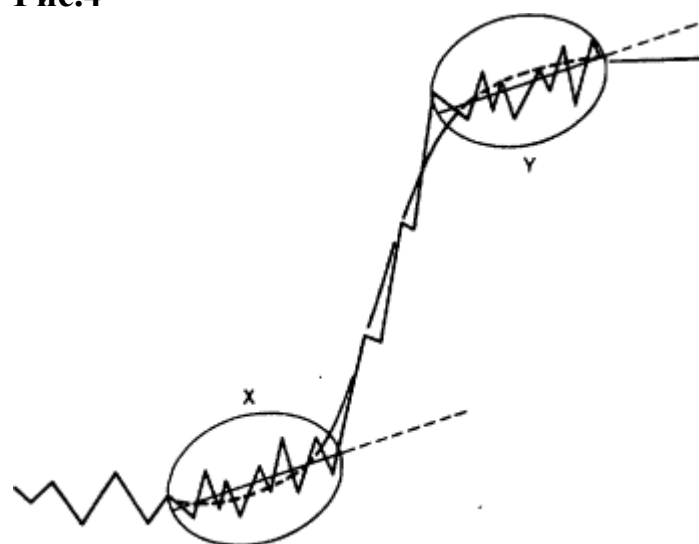

Рис.5

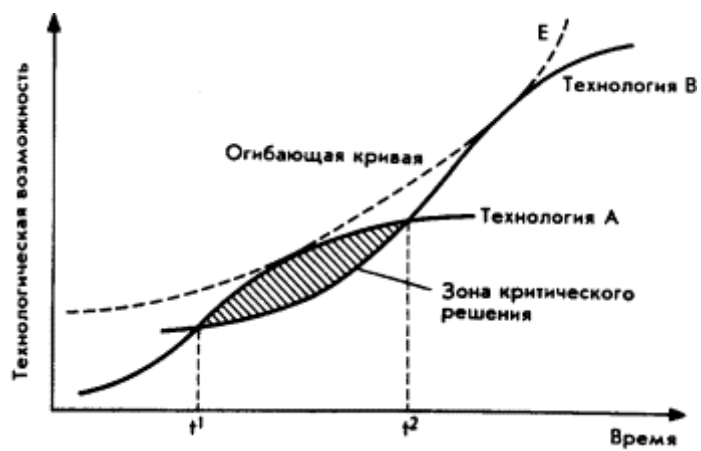

Рис.6

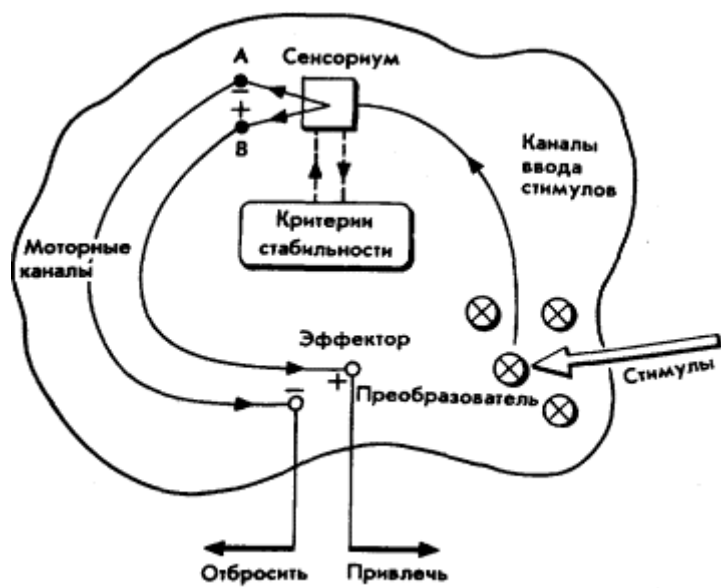

Рис.7

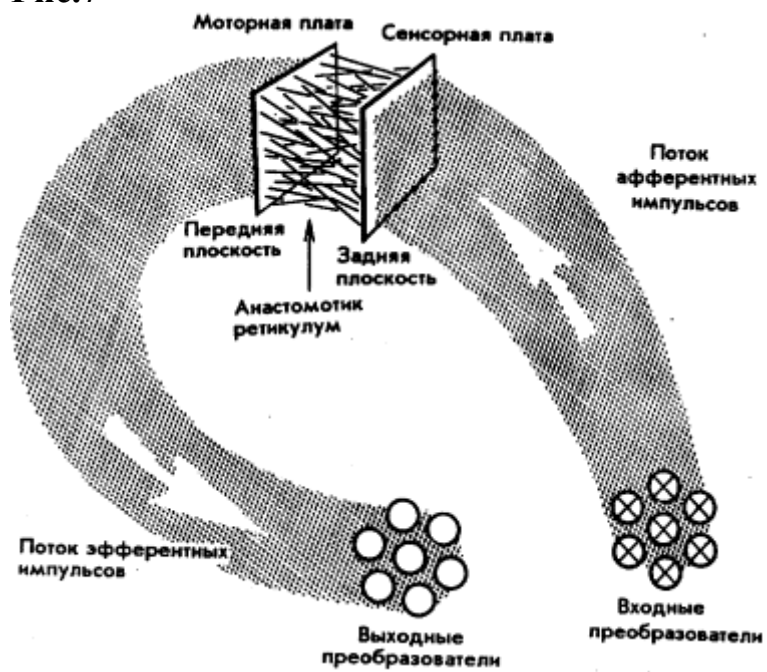
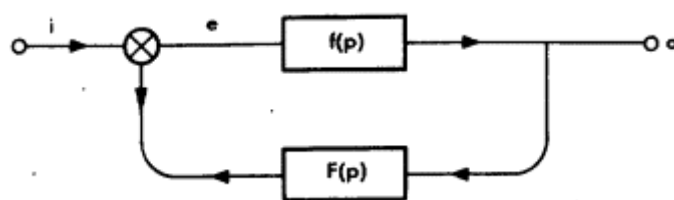

Рис.8

РОЛЬ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Л. Ольштынский

Научно-техническая революция второй половины XX в., продолжающаяся и в настоящее время, характерна бурным развитием новых научных направлений, возникновением ряда специальных исследовательских подходов и дисциплин: кибернетика, теория сложных систем, исследование операций, структурно-функциональный метод и т. п. Вместе с процессом специализации научных знаний происходит и обратный процесс – непрерывный синтез идей и методов разных дисциплин.

Одним из ведущих научных направлений стал системный подход и связанные с ним методы моделирования и математизации исследования процессов. В них особенно наглядно проявилась связь, синтез технических, естественных и общественных наук. Суть системного подхода в том, что объект исследования рассматривается и исследуется как определённая система элементов различной сложности, взаимосвязанных общим процессом функционирования, который происходит в среде, воздействующей на этот процесс.

Среди общественных наук системный подход и математическое моделирование наибольшее развитие получили в экономических науках, в социологии, экономической экологии и некоторых других. В исторической науке развитие этого направления затянулось в силу ряда причин: сложность исторического процесса как объекта изучения, требующая сочетания формализованных и специальных неформальных методов исследования; слабость математической подготовки у профессиональных историков, а главное – сильное влияние государственной идеологии на исторические концепции и направленность исследований.

В советской историографии преобладал догматизированный «формационный подход» с унификацией исторических процессов для всех условий общественного развития. С разрушением СССР и сменой общественного строя в отечественной историографии насаждается так называемый «цивилизационный подход», в котором отвергаются как закономерность смены общественно-экономических формаций, так и само понятие «формация». Именно этот подход упорно навязывается сторонниками западной историографии, активно поддерживаемыми новыми государственными структурами по политическим мотивам. Однако его научная односторонность и методологическая ущербность были отмечены отечественными историками на 3-ей международной научной конференции на тему: «Цивилизационные и формационные подходы к изучению отечественной истории: теория и методология (конкретно-исторические проблемы)» в 1995 г.

Академик И.Д. Ковальченко, многие годы занимавшийся проблемами методологии истории и применения математических методов в исторических исследованиях, в последней опубликованной статье высказал убеждение в необходимости сочетания обоих подходов для подлинно научного изучения исторических процессов (Свободная мысль. 1995. № 10). Таким же убеждением руководствовался и автор в своём докладе на этой конференции, выдвинув концепцию системного подхода к изучению исторического процесса с использованием теории сложных систем и опыта современных исследований общественного развития. В нём органически сочетаются как формационный, так и цивилизационный подходы.

В предложенном системном подходе общество – народ, или группа народов, имеющих исторически устойчивую общность в государственных образованиях, – изучается как сложная, развивающаяся, управляемая социокультурная система, как социальный организм, состоящий из взаимосвязанных в определенной структуре элементов, объединенных общим процессом жизнедеятельности в определённых условиях среды обитания и развивающийся по объективным законам с воздействием на него объективных и субъективных факторов. Исторический процесс рассматривается как процесс изменения, развития общества в историческом времени, в ходе событий общественной жизни.

Развитие социокультурной системы идет во взаимосвязи всех ее элементов, включая: развитие человека (интеллект, творческие и производственные способности, нравственность, психология, культура); изменение орудий и средств производства, бытовых условий; развитие социальной структуры и государственности; совершенствование образовательной и информационной сферы.

Системный подход предусматривает, что народы развиваются в конкретных природных и исторических условиях в русле своей, складывающейся веками и тысячелетиями цивилизации (культурно-исторический тип общества) и проходят на историческом пути общие (или сходные) для всего человечества ступени социально-экономического развития, соответствующие определённому способу производства, составляющему основу общественно-экономической формации (социальный тип общества). Многомерный исторический процесс при этом рассматривается одновременно с двух взаимосвязанных сторон (цивилизационное и формационное развитие), что более полно отражает историческую реальность общественного развития и позволяет исследовать его закономерности на историческом опыте.

В отличие от законов природы развитие социальных организмов подчиняется особым закономерностям, где учитывается управляющая роль субъекта управления. Эти закономерности, как отмечает выдающийся советский матема-

тик, исследователь и мыслитель Н.Н. Моисеев, не жёстко детерминируют определённую модель развития, а носят характер тенденций, ограничивают множественность его траекторий (вариантность) в общем русле и направлении. В общественных науках, считает он, модельное описание процесса (мыслительные модели) «сжимает» множество траекторий развития, а полученный результат является законом или закономерностью.

Такие закономерности можно определить, рассматривая в мировом историческом процессе развитие в разнообразных условиях исторически устойчивых социокультурных систем. Содержание общих для всех закономерностей (тенденций развития) познаётся сопоставлением исторического пути разных народов с учётом специфики их существования и развития.

Развитие общества подвержено влиянию двух типов факторов: объективных и субъективных. В системном анализе исторического процесса учитывается влияние следующих **объективных факторов**: 1) среда обитания (климатические, геофизические, коммуникационные особенности территории, ее размеры и природные ресурсы); 2) геополитические условия (соседние народы, характер взаимоотношений с ними, влияние на другие народы); 3) демографическое движение (численность и плотность населения, интенсивность общения, темпы их изменения); 4) способ производства, развитие производительных сил. К числу **субъективных факторов** относятся: 5) цивилизационные этнические особенности жизнедеятельности народа; 6) господствующие идеи о социальном устройстве и государственном строе; 7) деятельность государственных деятелей, исторических личностей, общественно-политических движений и их лидеров, открытия ученых и изобретателей.

Каждый из этих факторов оказывает влияние на ход исторического процесса в разной степени на разных этапах общественного развития. Под их влиянием процесс развития народов различается по темпам, формам и направленности. В истории известны следующие основные типы развития: 1) быстрые качественные изменения прогрессивного направления (революционный тип); 2) медленные изменения (эволюционный тип, как стихийный, так и путем реформ); 3) топтание на месте (стагнация); 4) попятное движение к прошлому (регресс).

Общий характер развития человечества как сложной глобальной макросистемы – поступательное прогрессивное развитие в историческом времени от низших форм общественной жизни к высшим, с расширением и усложнением видов человеческой деятельности. Наиболее общим законом исторического процесса является закон развития и смены общественно-экономических формаций в соответствии с развитием производительных сил и изменением способа производства. Каждая новая формация является ступенью прогрессивного раз-

вития общества, сменяя устаревшую. Так, первобытнообщинную формацию сменил рабовладельческий строй, ему на смену пришел феодализм, которого сменил капитализм. XX век дал пример перехода в следующую формацию – социализм (или первую стадию коммунистической формации), проявившийся в трех цивилизациях – российской, китайской и латиноамериканской (Куба). В этом неопровержимая суть исторического материализма как научной методологии познания истории.

Действие общего закона в конкретно-исторических формах развития народов проявляется в ряде закономерностей исторического процесса. Системный цивилизационно-формационный подход позволяет определить три общие закономерности: 1) цивилизационного своеобразия формационного развития; 2) стадийного развития формаций; 3) революционной смены формаций и преодоления реставрации старой формации на ранней стадии новой формации.

1. Закономерность цивилизационного своеобразия формационного развития. Сложившийся веками тип цивилизации на основе накопления поколениями материальной, духовной и политической культур, обеспечивающих жизнедеятельность и развитие общества в условиях среды обитания и сохранение своей целостности от воздействия других народов, приобретает генетический характер. Цивилизация – культурно-исторический тип общества – оказывает непосредственное влияние на формы и темпы социально-экономических и общественно-политических процессов на каждом этапе формационного развития. Смена формаций дает толчок дальнейшему цивилизационному развитию народа в новых социальных условиях. Так, античное рабовладельческое общество отличалось от египетского; западноевропейский феодализм – от китайского и российского; капитализм европейский отличается от японского, российского и латиноамериканского; социализм российский также отличался как от китайского, так и от латиноамериканского. Особенности китайской цивилизации определили ее более ранний, чем другие цивилизации, переход к феодализму, особенности европейской цивилизации определили её опережающий переход в капиталистическую формацию и воздействие на формационное развитие других народов. Особенности российской цивилизации определили переход первой в XX в. к социализму и последующее влияние на мировой исторический процесс в этом направлении. Таким образом, эта закономерность отражает различие форм и темпов общего для всех формационного развития у различных народов.

2. Закономерность стадийного развития формаций отражает общие для всех цивилизаций тенденции в динамике формационного развития. Общество развивается не только от формации к формации, но и внутри её. Изменения в обществе, происходящие в рамках формации, диалектически готовят её смену новой, следующей. Достаточно известные исторической науке форма-

ции проходили три стадии развития: раннюю, полного развития и позднюю, после которой происходит переход в новую, более высокую формацию. Ранняя стадия – этап формирования и утверждения ведущего способа производства и свойственных ему общественных отношений. Вторая стадия – полное развитие формации на сложившейся экономической основе и зарождение элементов новой, последующей формации. Поздняя стадия – этап разложения общественных отношений старой формации и развития внутри нее элементов новой формации с обострением общественных противоречий, вызывающих неустойчивое состояние социокультурной системы. Длительность стадий и общая продолжительность формаций сокращаются, исторический процесс в целом ускоряется. В начале XXI века исторически сосуществуют в крупных цивилизациях капиталистическая формация в поздней стадии и социализм ранней стадии. Аналогичное сосуществование имело место и на предыдущих этапах мирового исторического процесса.

3. Закономерность революционной смены формаций и преодоления реставрации старой формации на ранней стадии новой. В ней отражается сущность сложных общественных процессов, происходящих при переходе общества от предыдущей к последующей формации. Смена формации представляет собой качественные изменения общественного строя с переходом политической власти в государстве к новому классу, определяющему характер производственных отношений. Весь ход истории показывает, что она происходит, как правило, в результате социальных взрывов – революций, которые разрушают политические и социальные структуры старой формации и организуют новые для утверждения власти нового господствующего класса.

Прорыв революционным путем происходил раньше в тех странах, где элементы новой формации развились внутри старой в значительной степени, а её государственные структуры оказались более слабыми и легче подверженными разрушению. Переход в новую формацию в редких случаях происходил и эволюционным путем с преодолением кризисной ситуации реформами (напр.: Византия – от рабства к феодализму; Швеция – от феодализма к капитализму; в России эволюционный переход к капитализму сменился буржуазными революциями).

Победоносная революция переводит общество в раннюю стадию новой формации. Однако формирование и утверждение нового общественного строя – длительный исторический процесс. Процесс отмирания старых и утверждения новых общественных отношений со сменой социальной структуры и социальной психологии проходит на ранней стадии формации в борьбе старого и нового укладов, что приводит в ряде случаев к зигзагам и попятному движению, к частичной реставрации старого строя (в Англии частичная реставрация феода-

лизма продолжалась 30 лет, во Франции – 15 лет). Но история не имеет обратного хода, реставрация ведет к новому общественному кризису, и новая формация преодолевает реставрацию, утверждается окончательно в преобразованном виде (вторичная буржуазная революция в Англии в 1788–1789 гг., вторичные революции во Франции в 1830 и 1848 гг.). Переход к социализму в XX в. в трёх цивилизациях (Россия, Китай, Куба) также происходил с общей для всех стран и формаций закономерностью. Реставрация капитализма в странах Восточной Европы и разрушенном СССР вызвала глубокий общественный кризис и сложные общественные процессы переходного периода, не получившие ещё своего полного завершения.

Социально-экономические характеристики формаций по основным параметрам прогрессивного развития общества представлены на схеме.

Системный, цивилизационно-формационный подход позволил проследить в отечественной истории конкретное проявление общих для всех народов закономерностей и вместе с тем определить особенности исторического процесса развития российской цивилизации, ее характерные черты на различных этапах формационного развития. В целом это даёт возможность более полно раскрыть генетику современного российского общества как социокультурной общности российских народов. Нет необходимости доказывать актуальность такого изучения отечественной истории в современных условиях.

Вышеизложенные положения позволяют, на наш взгляд, приступить к созданию модели мирового исторического процесса с целью исследования его закономерностей количественными характеристиками с применением формализованных математических методов в сочетании с неформальными методами анализа данных. Решение этой сложной научно-исторической проблемы позволит более глубоко познать сам ход истории, определить конкретное влияние на исторический процесс различных факторов, а главное – учитывать исторический опыт в моделировании перспектив развития современного общества усилиями учёных различных дисциплин.

Современный уровень междисциплинарных исследований сложных динамических систем показывает, что моделирование мирового исторического процесса представляет собой создание системы моделей, описывающих процессы развития общества в различных формациях и перехода от предыдущих к последующим формациям с учётом действия вышеуказанных факторов. Тип моделирования – имитационная мультидиалоговая открытая система, соединяющая формальные и неформальные методы анализа получаемых данных.

В настоящее время имеется уже значительный опыт создания междисциплинарных моделей глобального развития, который может быть использован в моделировании мирового исторического процесса. Модели, разработанные Дж.

Форрестером, Д. Медоузом, В. Леонтьевым, а также отечественными учёными – Н.Н. Моисеевым и группой исследователей ВЦ АН СССР¹, дают определенную методологическую и математическую базу для моделирования исторических процессов.

Исходя из приведённой таблицы социально-экономических характеристик формаций, основными параметрами развития общества в мировом историческом процессе при разработке моделей каждой формации (или «уровни» развития по определению Форрестера) целесообразно принять: 1) рост общественного производства, 2) рост материального уровня жизни трудовых слоёв и степень использования ими продукции трудовой деятельности, 3) рост производительности труда и 4) рост культуры населения. Этими показателями определяется прогрессивность развития человеческого общества от формации к формации и уровень прогрессивности развития разных цивилизаций на определенных этапах мирового исторического процесса.

Динамика мирового исторического процесса по этим параметрам, как она представляется автору, дана на графической схеме 1. На ней же выражены действие указанных ранее закономерностей и общий закон исторического развития.

Моделирование исторического процесса позволит дать обоснованные расчётами количественные величины динамики общественного развития как от формации к формации, так и внутри формации в исследуемых цивилизациях.

Началом цивилизации принято считать создание государственности классового общества. Общая модель динамики мирового исторического процесса поэтому включает четыре последовательно используемые модели развития общественно-экономических формаций: рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической соответственно каждому способу производства в избранных для анализа цивилизациях.

Модель каждой формации включает блоки моделей функционирования основных областей жизнедеятельности общества в соответствующей государственной структуре, сложившейся в стадии полного развития формации.

Главную часть модели составляет блок моделей способа производства, отражающий основной экономический закон данной формации, т. е. цель производства, определяемую производственными отношениями – в первую очередь формами собственности на орудия и средства производства. В него входят: модель производства средств жизнедеятельности общества производительными силами; модель распределения ресурсов и продуктов труда в соответствии с формами собственности на орудия и средства производства; модель потребления и накопления.

В этом блоке определяются главные параметры: рост производства, рост материального уровня жизни трудовых слоёв и рост производительности труда.

Примыкающий к нему блок моделей роста народонаселения учитывает демографическое движение и соотношение общественного производства и потребления.

К блоку моделей производства примыкает блок развития производительных сил общества – взаимосвязанное развитие человеческой личности, орудий и средств производства. В этом блоке определяется параметр роста культуры населения.

К системе моделей человеческой активности (по терминологии Н.Н. Моисеева) примыкает модель государственных геополитических и внешнеэкономических отношений (войны и использование ресурсов подчинённых территорий и народов), что составляет важную часть общественной деятельности в каждой формации и оказывает прямое влияние на процесс производства и потребления.

Составной частью общей модели функционирования государства формации является блок моделей надстройки, функционирование которой связано со способом производства и определяет в итоге ход общественного развития. Надстройка формируется господствующим классом, призвана обеспечить устойчивость социально-экономического строя и целостность государства от внешнего воздействия.

В этот блок входит модель деятельности госаппарата по управлению обществом, модель религиозных институтов, модель вооружённых сил, которые сопрягаются с моделью развития социальной структуры и динамики социальных отношений.

Обострение социальных противоречий и ослабление системы госуправления приводят в ходе развития формации к системному кризису и разрушению социально-экономического и общественного строя с переходом к общественным отношениям новой формации на основе нового способа производства («бифуркация» по определению Н.Н. Моисеева).

В общем виде модель развития формации представлена на схеме 2. Каждая система моделей, оказывающая влияние на модель способа производства, является своего рода «темпами», воздействующими на количественные показатели основных параметров-«уровней» (по терминологии Форрестера). Все модели имеют «петли обратной связи», замыкающие обозначенный процесс.

В представленной схеме дана обобщённая структура государства в различных формациях, но для проведения расчётов она должна быть конкретизирована для каждой формации с конкретным способом производства и возможностью учёта особенностей конкретной цивилизации. Исходные данные целесообразно принимать по показателям наиболее типичного государства соответствующей цивилизации в данной формации, либо огрублённые данные по нескольким государствам с допустимой для целей исследования точностью.

Наиболее важными результатами исследования мирового исторического процесса с применением моделирования представляются следующие результаты:

1. Определение траектории развития формаций в историческом времени (Т истор.) по основным показателям прогрессивного развития общества с учётом особенностей цивилизаций и степени влияния различных факторов на исторический процесс.

2. Определение параметров системного кризиса, вызывающего смену формации («бифуркации»).

3. Траектория развития капитализма в ХХI в. по основным показателям общественного прогресса на основе динамики исторического развития формации и влияния на окружающую среду.

4. Траектория развития социализма в ХХI в. по основным показателям общественного прогресса с учётом опыта истории и возможностей регулируемого роста производства и потребления с сохранением окружающей среды.

При расчётах по моделям развития формаций в ХХI в. обязательно учитывать процесс истощения ресурсов и загрязнения среды. В модели социалистической системы необходимо учесть, что история дала пример только ранней стадии и возможна реставрация капитализма на некоторый исторический срок, как это имело место в прошлых формациях с анализом последствий реставрации.

Изложенные положения системного подхода и материалы по основам моделирования мирового исторического процесса – всего лишь общий обзор сложной научно-исторической проблемы в порядке её постановки. Её полная разработка требует усилий коллектива учёных разных специальностей и профессионалов математического моделирования сложных управляемых систем. Автор надеется, что поднятые проблемы вызовут интерес и получат общественный отклик. История – это уникальный, неповторимый опыт общественной жизни, богатейший «банк данных», на основе которого можно формировать подлинно научные модели перспективного развития общественной жизни в отличие от произвола политиков, власть предержащих.

1. Дж. Форрестер. Мировая динамика. М., 1978; Д.М. Гвишиани. Методологические проблемы моделирования глобального развития. Препринт ВНИИ-СИ ГКНТ и АН СССР. 1977; Н.Н. Моисеев. Человек, Среда, Общество. Проблемы формализованного описания. М., 1982; Универсум. Информация. Общество. М., 2001.

Схема 1

Графическая схема динамики мирового исторического процесса

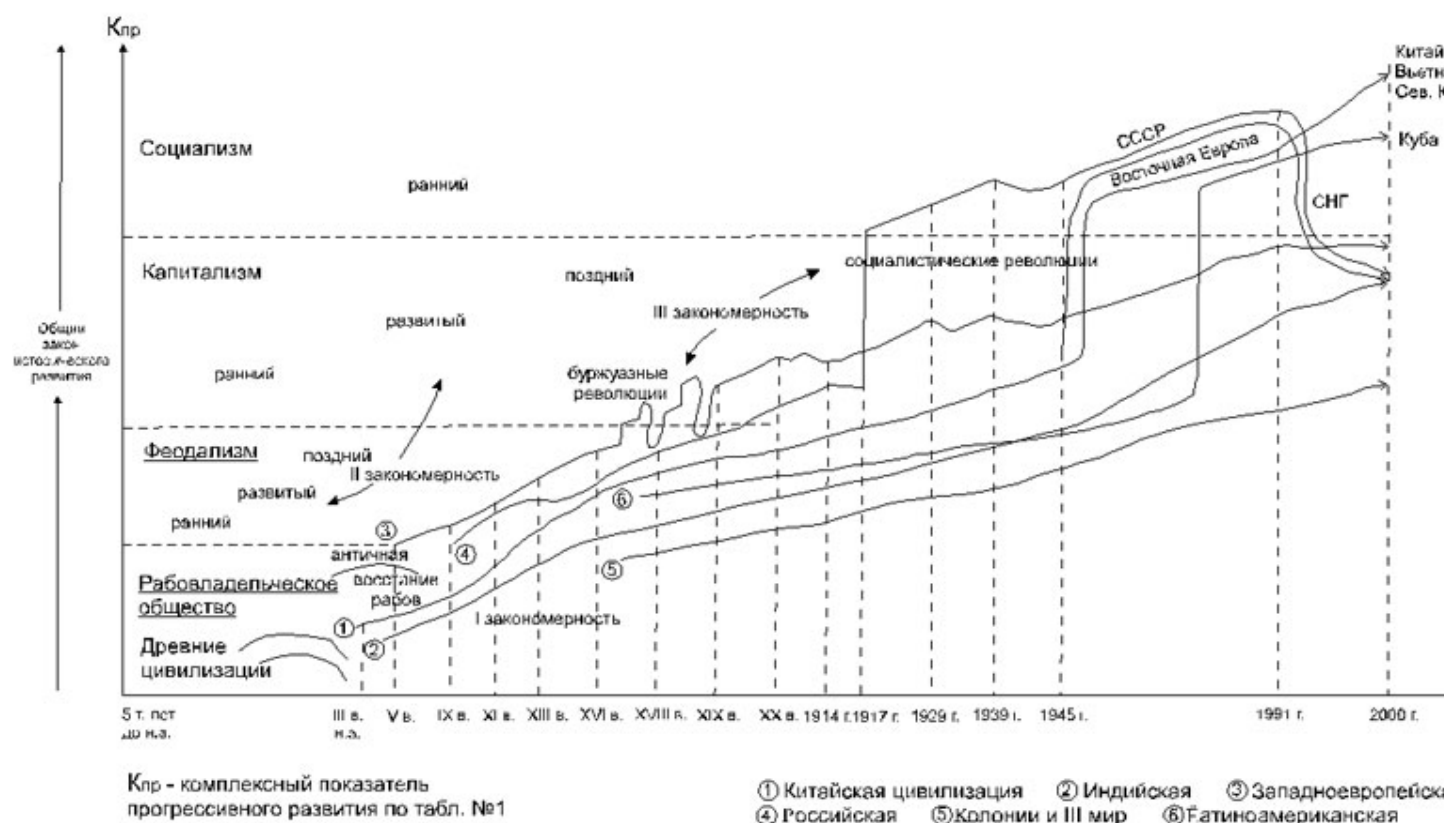

Схема 2

Общая модель исторического развития общественно-экономических формаций

.....
Уже два года в интернете по адресу <http://elisnews.ru> работает уникальный ресурс для левых активистов – **Электронная Левая Информационная Система (ЭЛИС)**. В автоматическом режиме она один раз в 24 часа обрабатывает некоторые коммунистические сайты и блоги, формирует заголовки и рассылает подписчикам отчёт за сутки по электронной почте. Вебмастера левых ресурсов, используя специальный сервис ЭЛИС, могут обмениваться ссылками на наиболее интересные материалы. И, что называется, «в несколько кликов» размещать необходимые ссылки у себя на сайте. В конечном итоге это позволяет поднять информационный обмен на новый уровень. Кроме того, система производит поиск по библиотекам некоторых левых ресурсов. И любой вебмастер левого ресурса может разместить форму поиска от ЭЛИС у себя на сайте и подключить свою виртуальную библиотеку. Более того, работает сервис загрузки коротких сообщений и каталог левых ресурсов. Подключаясь к ЭЛИС, ты подключаешься к левому информационному полю нового поколения!

Подписано в печать 23.09.11

Формат 60x84 1/16. Гарнитура Times New Roman

Печ. л.: 8,88. Печать ризография. Бумага офсетная.

Тираж 100 экз. Заказ № 18.

Отпечатано в ООО «Политехника-Сервис»

191023, Санкт-Петербург, Инженерная, д. 6

Тел.: 312-44-76